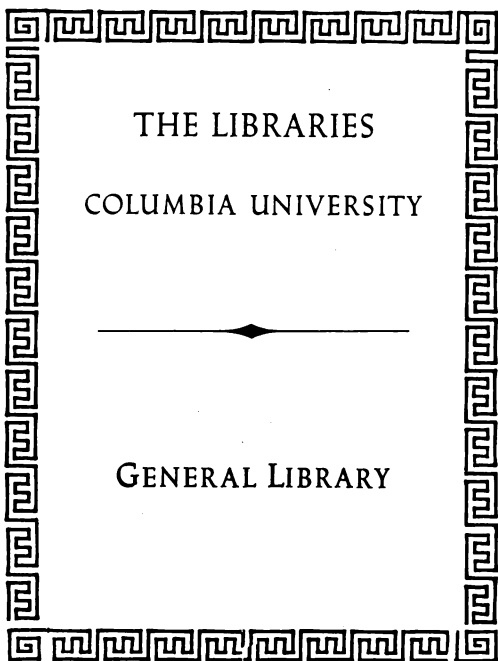

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

GENERAL LIBRARY

**ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ.**

Исторія

РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

«Видите ли горы сія? — яко на сихъ
горахъ возсіяетъ благодать Божія.»

Третіе изданіе.

С. П. Ъ.

Въ типографіи III Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи

1 8 4 5.

935.4
I 3 8

13961 Z

**Отъ Комитета С. Петербурской Духовной Цензуры
печатать позволяется. Августа 16-го 1845 года.**

**Цензоръ, Морскаго Собора Протоіерей Тимофей Ни-
кольскій.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія Православной Церкви нашего отечества, предлагаемая мною, есть только быстрый очеркъ великихъ событий, ознаменовавшихъ начало и постепенное развитіе сей цвѣтущей отрасли Вселенской Церкви. По мудрому устроению Промысла Божія, когда мать всѣхъ Церквей, Церковь Іерусалимская, была обуреваема нашествіемъ иноплеменныхъ, тогда ярко просіяла на Востокъ Церковь Константинопольская и пустила отрасли во весь сѣверъ. Когда же въ свою чреду, сама подверглась она бѣдствіямъ внѣшнимъ, сохранивъ внутреннюю чистоту, то внезапно, какъ море, выступившее изъ береговъ, распространилось православіе по необъятнымъ предѣламъ Россіи, и Восточ-

ная Каѳолическая Церковь можетъ нынѣ считатьъ сыновъ своихъ, отъ береговъ Адриатическихкихъ до пучинъ Восточнаго океана и Американскаго поморія, и отъ льдовъ затирающихъ Соловецкую обитель, на дикомъ острову ея, до внутреннихъ пустынь Аравіи и Египта, на рубежъ коихъ стоитъ лавра Синайская.

Картина сія, утѣшительная каждому Христіанину, еще болѣе отрадна сердцу Русскому, по тѣмъ великимъ судьбамъ, какія уже исполнила и какія еще совершить, на столь обширномъ поприщѣ, отечественная Церковь наша. Пусть только съ умиленіемъ обратится онъ къ колыбели нашей вѣры, въ древній Кіевъ, или къ сердцу православія, первопрестольной Москвѣ; пусть мысленно послѣдуетъ за подвигами Святителей, подобныхъ Кириллу, Петру, Алексію, Кипріану, Іонъ, Филиппу, Іову, Гермогену, Филарету, и отшельниковъ, каковы были Антоній и Теодосій, Сергій, Зосима и Кириллы, и другіе, имена коихъ неизчислимы въ иноческомъ мірѣ дремучихъ лѣсовъ нашихъ,

и Князей Владиміровъ, Михайловъ, Невскаго, которыхъ вѣнецъ земный просіялъ вѣнцемъ райскимъ.— А сонмъ мучениковъ, а ликъ женъ и мужей, всякаго возраста и званія, святою жизнію или страданіями, исповѣдавшихъ имя Христова!... И посреди столь разнообразнаго зрѣлища поразительно единство вѣры, соблюденной въ такой неотступной чистотѣ, что не смотря на всѣ обстоятельства, временно нарушавшія вѣншее общеніе между Церквами Восточнаго православія, всѣ онѣ составляютъ одно цѣлое по духу. Когда еще недавно Церковь Грузинская, бывшая самостоятельною отъ четвертаго вѣка по Р. Х. вошла въ составъ Россійской, то не нашлось между ними, чрезъ 15 столѣтій, ни малѣйшаго различія, не только въ догматахъ, но и въ обрядахъ, подобно какъ и съ прочими Вселенскими престолами Константинополя, Александріи, Антиохіи, Иерусалима, и съ зависящими отъ перваго Церквами Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Черногоріи, Трансильваніи, Иллиріи и вообще всей Славоніи.

Въ обзорѣ быстромъ, обозначающемъ, главными только чертами, ходъ дѣяній церковныхъ, не хотѣлъ я утомлять читателя безпрестанными указаніями на источники, большею частію всѣмъ извѣстные, каковы лѣтописи Нестора и его продолжателей, собранная Никономъ подъ именемъ Воскресенской, и Степенная книга Митрополитовъ Кипріана и Макарія, и житія Святыхъ. Исторія церковная Платона и Иннокентія, драгоцѣнный словарь Русскихъ писателей Митрополита Евгенія, съ его іерархіею Кіевскою и Всероссійскою, и столь обильныя свѣдѣніями примѣчанія къ исторіи Россійской, незабвеннаго Карамзина, съ твореніями другихъ еще живыхъ писателей отечественной исторіи, служили мнѣ источникомъ и пособіемъ, особенно до временъ Патріаршихъ.

Съ этой же эпохи прибѣгалъ я наиболѣе, или къ рукописямъ Патріаршей Московской бібліотеки, или къ книгамъ изданнымъ Патріархами. Такимъ образомъ описаніе пришествія Патріарха Константинопольскаго Іереміа, для поставленія Іова

и весь ходъ сего происшествія, заимствованы изъ современныхъ актовъ, равно какъ и все дѣло о судѣ Никона Патріарха. Постепенное же исправленіе книгъ церковныхъ описано подробно въ предисловіяхъ къ требникамъ Филарета и скрижали Никона, жезла правленія и увѣта Іоакимова. Древняя Россійская Вивліюника, извлеченная вся почти изъ рукописей Патріаршей ризницы, тщательно собранныхъ Никономъ, исторія Уніи Каменскаго, собраніе грамотъ Румянцова, археологическіе акты вновь извлеченные изъ мрака, и благотельное собраніе законовъ имперіи, проливаютъ обильный свѣтъ на столѣтіе Патріарховъ, удовлетворяя требованіямъ исторіи.

Таковы были источники слабаго труда, который, какъ малую ленту, повергаю въ сокровищницу Россійской Церкви.

НАЧАЛО

ХРИСТИАНСТВА ВЪ РОССІИ.

Церковь Россійская, подобно другимъ православнымъ Церквамъ Востока, имѣла также основателемъ Апостола. Св. Андрей Первозванный издали благословилъ грядущее начало Христіанства въ нашемъ отечествѣ, и притекши вверхъ по Днѣпру въ пустынную Скиѣю, водрузилъ первый крестъ на горахъ Кіевскихъ. — «Видите ли горы сія? сказалъ онъ своимъ ученикамъ, яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и имать градъ великъ быти, и церкви многи имать Богъ воздвигнути.» Такъ рассказываетъ, въ повѣсти временныхъ лѣтъ, черноризецъ Печерскаго монастыря Св. Несторъ, «откуда есть пошла Русская земля.»

Но только чрезъ девять вѣковъ, возсіяли на Русь лучи божественнаго свѣта, изъ стѣнъ Византіи, гдѣ тотъ же Апостолъ поставилъ перваго Епископа Стахія, и такимъ образомъ, какъ будто бы ввѣрилъ его преемникамъ, въ духъ предвѣдѣнія, обширную страну, въ коей самъ проповѣдалъ Христа. Отсель неразрывный союзъ Церкви Россійской съ Церковію Греческою, и въ теченіи шести столѣтій зависимость ея Митрополитовъ отъ Патріаршаго престола Константинопольскаго, доколѣ, съ его согласія, не получила она самобытности, въ лицѣ собственныхъ Первосвятителей.

Болгаре Дунайскіе, Моравы и Славяне Илирійскіе были уже просвѣщены святымъ крещеніемъ, въ половинѣ IX вѣка, при Царѣ Греческомъ Михаилѣ и Патріархѣ знаменитомъ Фотіи. Два брата, Св. Кириллъ и Меѳодій, мужи ученые изъ Грековъ, переложили на языкъ Славянскій новыя завѣты и богослужебныя книги, а по нѣкоторымъ преданіямъ, и все священное писаніе. Переводъ слова Божія въ послѣдствіи послужилъ спасительнымъ орудіемъ для обращенія Руси, ибо проповѣдники могли излагать истины Евангельскія язычникамъ, на природномъ ихъ нарѣчій, и тѣмъ удобнѣе дѣйствовать на ихъ сердце.

Сколько намъ извѣстно, Князья Кіевскіе изъ дружины Рюриковой, Оскольдъ и Диръ, первые изъ Руссовъ являются пріявшими и Христіанство. Въ 866 году, подступили они съ вооруженными

судами къ Царьграду; въ отсутствіи Императора смутилась столица Греческая: по церковнымъ преданіямъ, Патріархъ Фотій изнесъ изъ церкви Влахернской дѣвственную ризу Богоматери, погрузилъ въ волны залива, и закипѣло море подъ судами языческими, и разбились суда; объятые ужасомъ Оскольды и Диръ увѣровали въ карающаго ихъ Бога и были Господу начатками своего племени. Побѣдный гимнъ Греческой Церкви въ честь Пречистой Дѣвы, «взбранной воеводѣ» остался памятникомъ торжества и заключаетъ понынѣ у насъ каждую утренню на первомъ ея часѣ, ибо это былъ первый часъ спасенія земли Русской.

По возвращеніи въ отечество Князя Кіевскіе вѣроятно посѣяли тамъ сѣмена Христіанства, потому что, спустя 80 лѣтъ, при мирномъ договорѣ Князя Игоря съ послами Византійскими, уже упоминается о церкви Пророка Іліи въ Кіевѣ, гдѣ присягали Варяги Христіанскіе. Константинъ Багрянородный, и другіе лѣтописцы Греческіе, повѣствуютъ даже, что во время Оскольда, посланъ былъ къ Руссамъ Епископъ отъ Императора Василія Македонскаго и Патріарха Св. Игнатія, который обратилъ многихъ, чудомъ Евангелія, вверженнаго въ пламя и не сгорѣвшаго; а въ Кодиновомъ каталогѣ епархій, подвластныхъ Патріарху Константинопольскому, съ 891 года уже считалась Митрополія Русская. Конечно многіе изъ Варяговъ тѣлохранителей Императорскихъ, были Христіана-

ми, и Цари Греческіе никогда не упустили случая обращать ихъ къ своей вѣрѣ, чтобы смягчить жестокость нравовъ. Когда Императоръ Левъ договаривался о мирѣ съ Олегомъ, онъ показывалъ не одни сокровища свои посламъ Князя Русскаго, но и красоту церковную, и святыя мощи и драгоценныя иконы, и орудія страсти Господней, внушая имъ истинную вѣру.

965. Подобныя внушенія, среди зараждавшагося въ Кіевѣ Христіанства, подвѣствовали въ благоприятное время на мудрѣйшую изъ жепъ Славянскихъ, вдовствующую Княгиню Ольгу, которая правила землею Русскою, за малолѣтствомъ сына своего Святослава. Она приплыла въ Царьградъ, съ желаніемъ познать истиннаго Бога, и тамъ пріяла крещеніе отъ руки Патріарха Поліевкта, воспріемникомъ былъ самъ Императоръ Константинъ Багрянородный, удивленный ея мудростію. Трогательно повѣствуетъ Несторъ, какъ предрекалъ Патріархъ новопросвѣщенной Княгинѣ благословенія позднѣйшихъ родовъ Русскихъ, и какъ смиренная Ольга, во святомъ крещеніи Елена, именемъ и дѣяніями подобная матери великаго Константина, стояла съ поникшею главою, приемя, какъ губа наполваемая, ученіе Святителя о церковномъ уставѣ, о постѣ и молитвѣ, милостынѣ и воздержаніи, которыя свято соблюдала она по возвращеніи на родину.

Тамъ, хотя вопреки всѣмъ ея убѣжденіямъ,

дикій и воинственный Князь Святославъ, не хотѣлъ смирить кичливаго сердца подь кроткое иго Христова, однакоже, изъ любви къ матери, не только не гналъ ея единовѣрцевъ, но и оставлялъ имъ полную свободу исповѣданія подь покровительство Княгини. Онъ поручалъ ей дѣтей своихъ, во время безпрестанныхъ походовъ и далъ возможность утвердить спасительное впечатлѣніе Христіанства въ уважавшемъ ее народѣ и въ малолѣтнемъ внуку Владиміръ; ибо ничто не западаетъ такъ глубоко въ сердце, какъ простое, нѣжное слово матери. Княгиня имѣла при себѣ пресвитера, именемъ Григорія, пришедшаго съ нею изъ Царьграда, который и похоронилъ ее на заповѣданномъ мѣстѣ, во избѣжаніе тризны. Народъ, прозвавшій ее мудрою во дни жизни, ублажилъ святою по кончинѣ, когда самъ послѣдовалъ спасительному примѣру сей предтеческой девицы Русской.

Нигдѣ Христіанство не было менѣе гонимо при самомъ началѣ своемъ, какъ въ нашемъ отечествѣ. Лѣтопись говоритъ только о двухъ Христіанскихъ мученикахъ, Варягахъ Оеодорѣ и Иоаннѣ умершвенныхъ яростію народною, когда первый изъ нихъ, по любви отеческой, не хотѣлъ выдавать сына, обреченнаго Княземъ Владиміромъ въ жертву Перуну.

Вѣроятно, самое рвеніе Князя къ богамъ языческимъ, коиъ воздвигалъ онъ кумиры и умо-

жалъ требища внушило сосѣднимъ народамъ желаніе обратитъ мощнаго властителя къ своей вѣрѣ, и такимъ образомъ слѣдное его стремленіе къ невѣдомому божеству получило истинное направленіе. Болгаре Магометанскіе, первые прислали пословъ своихъ съ предложеніемъ вѣры; но видимая благость Провидѣнія внушила ему рѣшительный отказъ, по несогласію на нѣкоторыя изъ уставы, хотя религія чувственная могла обольстить человека преданнаго страстямъ своимъ.

И Хазарскіе Евреи льстили себя надеждою привлечь Князя, превознося свою религію и древнюю славу Іерусалима. «Но гдѣ же земля ваша? спросилъ ихъ мудрый внукъ Ольги: «разорена гнѣвомъ Божиимъ за грѣхи отцевъ» отвѣчали Евреи, и не захотѣлъ онъ принять закона отверженныхъ. Приходили и учителя Западные изъ Нѣмецкой земли, склонять къ Христіанству Владиміра; но они казались ему чуждыми, ибо Русь знакома была только съ Византією: «идите къ себѣ, сказалъ онъ имъ, ибо отцы наши сего не принимали отъ васъ.»

Посольство Греческое было всѣхъ успѣшнѣе. Философъ нѣкій или инокъ Константинь, обличивъ недостатки прочихъ исповѣданій, краснорѣчиво изобразилъ Князю судьбы Божіи во всемирной исторіи, и искупленіе рода человѣческаго кровію Христовой, и воздаяніе въ будущей жизни. Сильно подѣйствовалъ рассказъ его на язычника,

обременнаго тяжкими грѣхами бурнаго возраста, особенно когда инокъ показалъ ему, на иконѣ страшнаго суда, судьбу праведныхъ и грѣшныхъ: «добро симъ одесную, а симъ горе ошую!» воскликнулъ тропутый Владиміръ: но еще боролась въ немъ чувственная природа съ небесною истинною. Отпустивъ посла съ дарами, онъ медлил рѣшиться, и хотѣлъ прежде испытать о вѣрѣ съ своими старцами, чтобы вся земля Русская участвовала въ дѣлѣ его обращенія. Совѣтъ княжескій присудилъ послать избранныхъ мужей, для наблюденія каждой вѣры, на мѣстѣ ея исповѣданія, и это общественное согласіе объясняетъ скорое въ послѣдствіи принятіе Христіанства на Руси; ибо вѣроятно и народъ былъ въ ожиданіи сей перемѣны.

Греческіе Императоры не потеряли благопріятнаго случая, и самъ Патріархъ съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ совершилъ божественную литургію, въ храмѣ Софійскомъ, предъ изумленными послами Владиміра. Ихъ поразило величіе богослуженія, но нельзя приписывать одному впечатлѣнію наружному смягченіе сердца язычниковъ, отъ коихъ завистью обращеніе цѣлаго народа: ибо, отъ самыхъ первыхъ временъ Церкви, чрезвычайныя знаменія всегда сопровождали убогую, по видимому, проповѣдь Христіанства. Такъ повѣствуетъ и летопись Византійская, о послахъ Русскихъ, что на

божественной литургіи, во время перенесенія святыхъ даровъ и Херувимской пѣсни, отверзлись имъ духовныя очи, и они, въ нѣкоемъ восторгѣ, узрѣли свѣтлыхъ юношей, поющихъ трисвятую пѣснь. Убѣжденные въ истинѣ православной вѣры, они возвратились въ отечество, уже Христіанами въ душѣ своей, и не одобрявъ предъ Княземъ другихъ исповѣданій, сказали о Греческомъ: «стоя въ храмѣ мы не знали, гдѣ обрѣтаемся, ибо нѣтъ на землѣ ничего подобнаго; тамъ, по истинѣ, пребываетъ Богъ съ человѣками, и мы не можемъ забыть видѣнной нами красоты. Всякой человѣкъ, вкусивъ сладкое, уже не пріемлетъ горькаго; такъ и мы не можемъ болѣе оставаться въ язычествѣ.» И бояре сказали Владимиру: «если бы не хорошъ былъ законъ Греческій, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ человѣковъ.» Имя уважаемой Ольги рѣшило ея внука: онъ только спросилъ: «гдѣ креститься?»

Но руководимый еще неочищеннымъ чувствомъ Владимиръ предпочелъ слѣдовать обычаю предковъ, ходившихъ войною на Царьградъ, и съ оружіемъ въ рукахъ добыть себѣ вѣру. Онъ подступилъ съ судами къ Корсуни Таврической, подвластной Императорамъ. Во время долгой неуспѣшной осады, нѣкто пресвитеръ Анастасъ, стрѣлою пущенною изъ города, извѣстилъ Князя, что участь осажденныхъ зависитъ отъ пресѣченія водопроводовъ, снабжающихъ ихъ водою. Обрадованный Владимиръ далъ

обитъ креститься, если овладѣтъ городомъ, и овладѣтъ. Тогда послалъ требовать отъ Царей Греческихъ руку сестры ихъ Анны; они же предложили ему условіемъ Христіанство, желая союза съ владѣтелемъ сильнымъ, но слѣдуя мудрой и набожной политикѣ своихъ предшественниковъ, которые всегда искали умирить вѣрою страшныхъ сосѣдей. Князь изъявилъ согласіе, потому что по словамъ его, «онъ издавна испыталъ и полюбилъ законъ Греческій.»

Одна только вѣра могла побудить Царевну жертвовать собою спасенію отечества и чуждаго ей народа; она приплыла, съ почетнымъ духовенствомъ, въ Корсунъ и убѣдила Князя ускорить крещеніе, ибо по устроенію Божію, говоритъ благочестивый летописецъ, онъ разболѣлся глазами. Когда же Епископъ Корсунскій возложилъ руку на восходящаго изъ купели, внезапно прозрѣлъ Владиміръ, не только духовно, но и тѣлесно, и воскликнулъ: «теперь видѣлъ я Бога истиннаго!»

Многіе изъ дружины княжеской крестились также, пораженные его чуднымъ исцѣленіемъ, и вѣроятно были въ послѣдствіи ревностны къ водворенію Христіанства въ отечествѣ. Въ церкви Пресвятыя Богородицы совершились просвѣщеніе и бракъ Владиміра, и это объясняетъ его особенное усердіе къ Пречистой Дѣвѣ, въ честь коей воздвигъ онъ у себя главный храмъ. Въ Корсунѣ

же соорудилъ церковь во имя своего Ангела, Св. Василія, и взявъ съ собою мощи Св. Климента, Епископа Римскаго, и ученика его Ова, церковную утварь и иконы, оставилъ Корсунь во власти Императоровъ, и возвратился въ Кіевъ, въ сопровожденіи Царевны и духовенства Греческаго.

1. Митрополитъ Св. Михаилъ. Несторъ упоминаетъ, въ числѣ Епископовъ и священниковъ Цареградскихъ и Корсунскихъ, посѣдовавшихъ за Княземъ, объ одномъ только Анастасѣ пресвитерѣ, ему благопріятствовавшемъ при осадѣ: а степенныя книги называютъ Михаила, родомъ Сиріянина, и съ нимъ шесть Епископовъ, присланныхъ отъ Патріарха Николая Хрисоверха въ Корсунь. Нѣкоторые полагаютъ даже, что Михаиломъ именовался Епископъ временъ Оскольда, но, не смотря на молчаніе Нестора, онъ стоитъ первымъ въ спискѣ Митрополитовъ Русскихъ.

По возвращеніи въ Кіевъ Великій Князь крестилъ двѣнадцать сыновей своихъ и приступилъ къ истребленію памятниковъ язычества. Онъ велѣлъ низвергнуть въ Днѣпръ Перуна; народъ слѣдовалъ сперва за своимъ плывущимъ кумиромъ, но скоро утѣшился, видя безсиліе истукана. Тогда Владиміръ, огражденный вѣрою въ кругу домашнемъ, и готовностію бояръ и дружины къ ея принятію, провозгласилъ въ народъ: что «если кто не обратится завтра на рѣкѣ, богатый или убогій, тотъ будетъ ему противникъ.» По зову уважаема-

го Владыки, безчисленные толпы гражданъ, съ женами и младенцами, стеклись на Днѣпръ, и безъ всякаго сопротивленія всенародно пріяли святое крещеніе отъ Епископовъ и пресвитеровъ Греческихъ. Трогательную картину сего всенароднаго крещенія изображаетъ Нѣсторъ: одни стояли въ водѣ по шею, другіе по перси, держа въ рукахъ младенцевъ; священники же читали съ берега молитвы, называя общими именами цѣлыя толпы. Виновникъ ихъ спасенія, объятый радостнымъ восторгомъ при столь умильномъ зрѣлищѣ, возвалъ къ Господу, вручая ему себя и народъ: «Боже великій, сотворившій небо и землю, призри на новыхъ своихъ людей, дай имъ, Господи, увѣдать тебя, истиннаго Бога, какъ увѣдали страны Христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру правую и несопротивную, и мнѣ помоги, Господи, на сунротивнаго врага, да въ надеждѣ на тебя и на твою державу побѣждаю козни его.» На самомъ холмѣ Перуна близъ своего терема, онъ воздвигнулъ первую церковь Св. Василія. Такъ просвѣтилась земля Русская.

Столь внезапное и добровольное обращеніе Кіевлянъ могло бы показаться невѣроятнымъ, или насильственнымъ, если не обратить вниманія на постепенное просвѣщеніе Руси со времени Оскольда, въ теченіи болѣе ста лѣтъ, чрезъ торговлю и мирныя договоры и всякаго рода сношенія съ Греками, Болгарами и Славянами, намъ единоплемен-

нѣли, которые уже давно нѣли на языкѣ своемъ Священное Писаніе. Постоянное стремленіе Министраторовъ къ обращенію Руси, чрезъ пословъ своихъ и проповѣдниковъ, терпимость Князей, призывъ и покровительство Ольги, и самая неслѣпость Владиміра, въ избраніи вѣры, должны были заблаговременно расположить къ ней умы народные, особенно если справедливо, что Русь уже нѣла Епископа при Оскольдѣ. Подобно сему, хотя и при другихъ обстоятельствахъ, въ обширной Римской имперіи, обращеніе Константина Великаго внезапно сдѣлало господствующимъ Христіанство, ибо уже заранѣе оно проникло во всѣ ельвія государства.

Владиміръ ревностно занялся строеніемъ церквей по городамъ и селамъ, куда разослалъ священниковъ для проповѣди, и заложивъ многіе города около Кіева, распространилъ и утвердилъ Христіанство вокругъ столицы, изъ которой выходили новыя поселенцы. Онъ не замедилъ также завести училища, гдѣ собиралъ дѣтей боярскихъ, иногда и противъ воли грубыхъ родителей. Между тѣмъ Митрополитъ съ Епископами странствовали по землѣ Русской до Новгорода и Ростова, повсюду крестя и поучая народъ; а самъ Владиміръ, для той же благой цѣли, ходилъ съ другими Епископами въ область Суздальскую и на Воынь. Болгаре Волжскіе и нѣкоторые изъ Князей Печенѣжскихъ вняли, вмѣстѣ съ его подданными,

спасительному благовѣстію и радостно пріими свя-
тое крещеніе.

Благочестивому Князю желательно было ви-
дѣть и въ своей столицѣ благолѣпный храмъ, во
имя Рождества Пресвятыя Дѣвы, на память Кор-
сунскаго, гдѣ самъ крестился, и на другой годъ
послѣ своего обращенія, вызвавъ строителей изъ
Греціи, заложилъ онъ первый каменный соборъ
въ Россіи, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ пострада-
ли мученики Варяжскіе. Но первому Митрополиту
Русскому не суждено было дожить до окончанія
храма; тамъ были только погребены его мощи, въ
послѣдствіи перенесенныя въ Печерскую Лавру.
Другой Митрополитъ, Леонтій, родомъ изъ Гре-^{2. Леонтій}
ковъ, присланный отъ того же Патріарха Николая, ^{996.}
освятилъ новый храмъ къ великому утѣшенію Вла-
димира, который клятвенно обречь ему десятину
всѣхъ своихъ доходовъ, и потому соборъ былъ
названъ Десятиннымъ.

Десятина сія, по уставу приписываемому Кня-
зю Владимиру, состояла изъ опредѣленной доли
хлѣба, скота и съ торго, для содержанія духовен-
ства и убогихъ; а сверхъ того собиралась еще
десятая пошлина отъ всякаго суда, ибо право су-
да было предоставлено Епископамъ и Митрополи-
ту, которые судили по Номоканону. Правила Св.
Соборовъ, и законы Греческіе духовныя, приняты
были, вмѣстѣ съ Святымъ Писаніемъ, при самомъ
началѣ, какъ основаніе управленія церковнаго, а

съ ними имѣютъ вощи въ употребленіе и нѣкоторые гражданскіе законы Греческіе, подѣ ствію Церкви. Анастасу Корсулянину, пользовавшемуся довѣренностію Князя и его преемниковъ, поручено было наблюденіе за новымъ храмомъ и собираемою въ него десятиною.

Хотя свѣтъ Христіанства проливался уже во всей землѣ Русской, но еще нигдѣ не утвердилась вѣра, ибо не было по городамъ Епископовъ. Митрополитъ Леонтій учредилъ пять первыхъ епархій, и поставилъ Іоакима Корсулянина Епископомъ въ Новгородъ, Θεодора въ Ростовъ, Неофита въ Черниговъ, во Владимірѣ Волынской Стефана, и въ Бѣлгородѣ Никиту.

Съ помощію дяди В. Князя, Добрыни, давно управлявшаго Новгородомъ, Іоакимъ низвергнулъ въ Волховъ истуканъ Перуна, и сокрушилъ трибища идольскія, безъ сопротивленія со стороны гражданъ; потому что и они, подобно Кіевлянамъ, по степени своего образованія и по сношеніямъ съ Греками, были уже вѣроятнѣо расположены къ принятію Христіанства. Преданія говорятъ, что даже, со временъ блаженной Ольги, обрѣтались отшельники Сергій и Германъ, на дикомъ островѣ Ладожскомъ Валаамѣ, и что оттолѣ вышелъ св. Аврамій проповѣдывать Христа въ дикомъ Ростовѣ.

Но не столь успѣшно было основаніе епархій Ростовской. Первые два Епископа, Θεодоръ

и Иларіонъ, были изгнаны суровыми обитателями лѣсистой области Мери, которые упорно стояли за своихъ кумировъ, не смотря на ревность Аврамія. Въ теченіи многихъ лѣтъ, чрезвычайныхъ трудовъ и усилій стояло двумъ послѣдующимъ Епископамъ, святымъ Леонтію и Исаіи, претерпѣвшимъ много гоненій, утвердить наконецъ Христіанство въ дикой странѣ сей, отколѣ распространилось оно постепенно и во всѣ окрестныя области.

Такимъ образомъ, во время долгаго своего правленія, Владиміръ, свято соблюдавшій заповѣди Христовы, имѣлъ утѣшеніе видѣть, еще до кончины, плоды собственнаго обращенія по всей обширной своей державѣ. Онъ отошелъ съ миромъ въ Кіевъ, и скоро причтецъ былъ къ лику заступниковъ земли Русской, вмѣстѣ съ бабкою своею Ольгою. Юванъ, третій Митрополитъ, присланный изъ Ца-
ряграда, по смерти Леонтія, похоронилъ Князя въ созданномъ имъ Десятинномъ храмѣ, близъ гроба Греческой Царевны, его супруги, куда перенесены были и нетлѣнныя мощи Св. Ольги.

3. Юванъ.
1015.

УТВЕРЖДЕНІЕ ВЪРЫ,

ПЕРВЫЯ ОБИТЕЛИ.

Семейная вражда возгорѣлась между дѣтьми Св. Владимира. По кончинѣ его, старшій изъ братьевъ Святополкъ, домогаясь присвоить себѣ удѣлы младшихъ, успѣлъ злодѣйски умертвить трехъ; но мученическая смерть Бориса и Глѣба пала на главу его и сокрушила подъ нимъ окровавленный престоль, который перешелъ къ Ярославу Князю Новгородскому, мстителю за кровь братьевъ. Умилительно описана Несторомъ безвременная кончина юныхъ Князей, нѣжно любившихъ другъ друга. Обоихъ сразилъ мечъ убійць на молитвѣ; оба, какъ чистыя жертвы, облитыя своею невинною кровію, предстали Господу и Церковь, удостовѣрясь въ ихъ святости, нетлѣніемъ дѣвственныхъ тѣлесъ

и многими знаменіи, вскорѣ начала просить ихъ содѣйствія въ молитвахъ.

Долгое правленіе великаго Ярослава, не смотря на внѣшнія войны съ Королемъ Польскимъ Болеславомъ, съ Греками, Печенегами и другими сосѣдними народами, и не смотря на междуусобіе съ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ, было самымъ цвѣтущимъ временемъ первобытной Руси, которая вся соединилась наконецъ подъ одну его мощную руку. Христіанство утверждалось въ обширныхъ предѣлахъ, ибо самъ онъ исполненъ былъ благочестія и радѣлъ о благѣ Церкви. Двѣ его грамоты, объ освобожденіи духовенства отъ всякихъ пошлинъ, и о подтвержденіи Епископамъ права, предоставленнаго имъ Св. Владиміромъ, судить дѣла брачныя, паслѣдственные, святотатныя и касающіяся до внутренняго и внѣшняго благочинія Церкви, свидѣтельствуютъ о духовномъ расположеніи Ярослава. Ревнуя утвердить благосостояніе народа законами гражданскими, онъ заботился и о законахъ церковныхъ, и по волѣ его былъ переведенъ съ Греческаго Номоканонъ, дабы могли онымъ руководствоваться наши природные Епископы, начинавшіе заступать мѣсто пришельцевъ Византійскихъ. Самъ онъ тщательно занимался чтеніемъ и предложеніемъ священныхъ книгъ, которыя собиралъ въ хранилище при митрополіи, и завелъ училища въ Кіевѣ и Новгородѣ, для образованія дѣтей священ-

послужительскихъ и миряцъ, готовившихся къ духовному званію.

Три величественные памятника остались намъ отъ славныхъ временъ Ярослава: соборъ Св. Спаса, основанный въ Черниговѣ Княземъ Мстиславомъ, древнѣйшій изъ всѣхъ священныхъ зданій въ Россіи; храмъ Св. Софій въ Новгородѣ, сооруженный сыномъ Ярослава Владиміромъ, умершимъ въ юности и тамъ погребеннымъ вмѣстѣ съ матерію; храмъ сей не пострадалъ отъ войнъ и столѣтій и сохранился въ неприкосновенномъ своемъ величій, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище земли Русской; наконецъ, въ Кіевѣ, митрополія Софійская воздвигнута Великимъ Княземъ, на мѣстѣ одержанной имъ побѣды надъ Печенегами. Громкое имя Св. Софій льстило Князю, который хотѣлъ подражать памятникамъ Византійскимъ въ своей столицѣ, радуясь, что она уже слыла въ его время вторымъ Царьградомъ. Онъ назвалъ златыми одни врата ея, какъ бы на память тѣхъ Цареградскихъ вратъ, на коихъ повѣсилъ свой ратный щитъ предокъ его Олегъ; еще ближе было сердцу Ярослава, чтобы тотъ храмъ Премудрости Божіей, въ коемъ посланники отца его увѣровали въ истиннаго Бога, повторился хотя именемъ, если не совершеннымъ подобіемъ, въ двухъ его престольныхъ городахъ Кіевѣ и Новгородѣ, какъ и Владиміръ воздвигнулъ соборъ Пресвятой Дѣвы въ память Корсунскаго, гдѣ крестился. Митрополитъ

Θεοπεμπтъ, присланный отъ Патріарха Алексія 4. Θεοο-
 Студита, освящаль соборъ Софійскій, и онъ усто^{п е ж и т ь}
 яль до нашихъ временъ, вѣствъ съ мраморною 1037.
 гробницею основателя, сквозь бурю нашествія Мон-
 гольскаго и частныхъ раззореній Кіева, хотя не
 въ такой цѣлости, какъ Новгородскій, однако же
 въ прежнемъ видѣ, по крайней мѣрѣ до сводовъ,
 когда напротивъ того Десятинная церковь скрыта
 до основанія.

Θεοπεμπтъ, первый изъ Митрополитовъ,
 упоминается въ лѣтописи Пестора, который умах-
 чиваетъ о трехъ его предшественникахъ, говоря
 только о Епископахъ, быть можетъ потому, что
 имя Митрополита сдѣлалось народнѣе со времени
 основанія митрополіи при Св. Софін. Должно от-
 носить къ неудовольствію Ярослава, противъ Им-
 ператора Константина Мономаха, ослѣпившаго на-
 шихъ плѣнныхъ, тотъ случай, что по окончаніи
 послѣдней войны съ Гренами, Великій Князь соз-
 валъ Епископовъ Русскихъ, для поставленія изъ
 среды ихъ Митрополита, на мѣсто умершаго
 Θεοπεμπта, мимо Патріарха. Благочестивый пресви^б Иларіонъ
 теръ Иларіонъ былъ избранъ и посвященъ со- 1051.
 борно; но сіе временное нарушеніе церковнаго по-
 рядка скоро исправлено благословенною грамотою,
 которую испросилъ Иларіонъ у Патріарха Михаи-
 ла Керуларія. Въ бытность сего Митрополита на
 святительскомъ престолѣ, пришли три пѣвца Гре-
 ческіе изъ Царяграда и завели церковное демествен-

ное пѣніе на восемь гласовъ, которое мѣстами до-
нынѣ сохраняется въ древней простотѣ своей. —
Ярославъ основалъ также два монастыря въ Кіе-
вѣ, мужескій во имя своего Ангела Св. Георгія,
при златымъ вратахъ, и женскій Св. Ирины, во
имя Ангела своей сунруги.

Но хотя еще Митрополиту Михаилу приписы-
ваютъ основаніе Выдубицкаго монастыря, и хотя
были другія обителѣ въ Кіевѣ, созданныя усерді-
емъ боярѣ, — однакоже простому безвѣстному от-
шельнику суждена была слава быть отцемъ иноче-
ствующихъ въ Россіи и сдѣлать свою убогую пу-
стынь разсадникомъ житія монашескаго, и все сіе
во время крамолъ внѣшнихъ и внутреннихъ меж-
доусобій трехъ сыновъ Ярослава, которые обогря-
ли землю Русскую, спасаемую молитвами Св. Ан-
тонія и Θεодосія. Ибо многіе монастыри, говоритъ
Несторъ, описывая начало Печерской лавры, отъ
князей и боярѣ и отъ богатства поставлены, но
не таковы они какъ тѣ, которые поставлены сле-
зами и пощеніемъ и молитвою и бдѣніемъ; Анто-
ній не имѣлъ ни злата ни сребра, но все стяжалъ
молитвою и постомъ.

Замѣчательно, при началѣ иночества въ на-
шемъ отечествѣ, повтореніе самыхъ именъ вели-
кихъ отшельниковъ: Иларіона, Антонія и Θεодосія,
коими нѣкогда процвѣли пустыни Палестины и
Египта, и которые, какъ въ зеркалѣ, отразились

въ чистомъ житіи своихъ Русскихъ подражателей. Митрополитъ Иларіонъ, когда былъ еще преевнтеромъ церкви Св. Апостолъ на Берестовѣ, любимомъ селѣ Князей Владиміра и Ярослава, ходилъ уединяться для молитвы въ дремучій лѣсъ, на красномъ берегу Днѣпра и тамъ, полюбивъ живописное мѣсто на холмѣ, ископалъ себѣ тѣсную пещеру, колыбель будущей лавры и всѣхъ обитателей Русскихъ. Скоро поселился въ ней другой отшельникъ, ибо мѣсто уже освящено было подвигами Иларіона.

Нѣкто Антоній родомъ изъ Любеча, странствуя посѣтилъ Афонскую гору, и тамъ въ вночествѣ пожелалъ окончить дни свои: но игумень его постригавшій, прозрѣвъ высокое его назначеніе, велѣлъ возвратиться въ отечество: повиновався смиренный Антоній и привнесъ съ собою благословеніе святой горы. Онъ обошелъ всѣ монастыри Кіева, но душа его, жаждавшая созерцанія, могла найти себѣ отрадное упокоеніе только въ оставленной пещерѣ Иларіона; тамъ основался Антоній, хотя въ теченіе сорокалѣтняго духовнаго подвига, дважды изгоняемъ былъ по смутамъ бояръ и князей, скоро увѣдавшихъ житіе его въ близкихъ Кіеву лѣсахъ. Самъ Великій Князь Изяславъ, сынъ Ярослава, посѣтилъ его съ дружиною, и отшельникъ предрекъ ему и двумъ его братьямъ несчастное ихъ пораженіе Половцами на берегахъ Алты. Когда собралось къ нему двѣнадцать учениковъ,

онъ далъ имъ игумноу Варлаама и благословилъ поставить деревянную церковь во имя Успѣнія Богоматери, на мѣсто прежней подземной церкви; а самъ, избѣгая молвы начальственной, уединился въ другую ближайшую пещеру, имъ ископанную, гдѣ окончилъ дни свои на молитвѣ. Но еще прежде, когда Великій Князь взялъ игумена Варлаама, въ основанный имъ Дмитріевъ монастырь, Антоній предложилъ братіи въ начальники смиреннаго Теодосія, которому предлежала слава окончательно устроить обитель и довершить благословенное начало Антонія.

Видя вокругъ себя умножающуюся братію уже числомъ до ста, онъ списалъ для нея уставъ Студійской обители, строжайшій изъ всѣхъ въ Константинополь, который принесъ оттолъ инокъ, приходшій съ новымъ Митрополитомъ Георгіемъ. Образъ монашескаго пѣнія, поклоны, чтеніе и весь чинъ церковный, и самая пища были опредѣлены симъ уставомъ; его дополнилъ Теодосій своими духовными назиданіями, о непрестанной молитвѣ, храненіи помысловъ, взаимной любви, покорности и трудолюбіи, и какъ образцовый перешелъ онъ во всѣ обители нашего отечества, ибо многія изъ нихъ были основаны выходцами Печерской лавры, другія же искали подражать ея высокому примѣру; такимъ образомъ распространилось изъ нее повсюду благословеніе Аѳона съ правилами Студійскими. Лѣтописецъ Несторъ, со-

хранившій намъ, въ искреннемъ своемъ разсказѣ, священныя предапія старины Русской, былъ очевидцемъ подвиговъ Θεодосіевыхъ, при началѣ лавры, въ которую самъ уединился онъ семнадцатилѣтняго возраста, сдѣлавъ ее колыбелію исторіи нашей.

Князья Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, попеременно вступавшіе на престолъ Кіевскій, исполнены были благоговѣнія къ святому отшельнику Θεодосію и внимали его искреннимъ назиданіямъ, хотя онъ не страшился упрекать Святослава за несправедное обладаніе братнимъ престоломъ. Съ помощію его вызвалъ онъ изъ Греціи искусныхъ строителей и заложилъ обширную церковь Успенія, на мѣсто убогой деревянной. Но по примѣру почти всѣхъ великихъ основателей, коимъ не суждено видѣть наружное благолѣпіе своего созданія, Θεодосій удовольствовался также одною внутреннею красотою лавры и упокоился въ пещерахъ, ископанныхъ имъ вмѣстѣ съ Антоніемъ. Преемники его, Стефанъ и Никонъ, великій сподвижникъ Антонія, продолжали строеніе, которое было окончено игуменомъ Іоанномъ и освящено уже при Великомъ Князѣ Всеволодѣ, Митрополитомъ Іоанномъ. По волѣ того же игумена, лѣтописецъ Несторъ отрылъ въ пещерѣ нетлѣнныя мощи Θεодосіевы, и соборъ Епископовъ и Князей торжественно перенесъ ихъ въ новый храмъ. Имена же Антонія и Θεодосія начали призываться въ молитвахъ, со времени княженія Святополкова, какъ покрови-

телей Кіева и отцевъ всѣхъ пустынножителей нашихъ, ибо лавра далеко пустила корни свои въ Русскую землю; и благотворное ея вліяніе оказалось не въ однихъ мустьняхъ, по и въ чертогахъ княжескихъ и на кафедрахъ святительскихъ. Она дала своихъ иноковъ: Стефана Епископомъ въ Бѣлгородъ, и Св. Исаію просвѣтителемъ въ Ростовъ, и Св. Никиту владыкою Новгороду, а по нѣкоторымъ преданіямъ, Ефрема въ Митрополиты всея Руси. Одни иноки проповѣдывали имя Христово язычникамъ и скончались мученически, подобно Герасиму, просвѣтившему дикую Вель, въ предѣлахъ сѣвера, подобно Кукшѣ и Пимену, пострадавшимъ за слово Божіе на берегахъ Оки, при обращеніи Вятичей; другіе, имена коихъ неизсчитны, и донынѣ населяющіе своими нетлѣнными тѣлесами пещеры, въ затворничествѣ подавали примѣръ всѣхъ добродѣтелей, и въ числѣ ихъ сынъ Князя Черниговскаго, Никола, прозванный Святошею, по своей святости и смиренію. Не онъ однакоже былъ первымъ изъ Князей, воспріявшихъ монашескій образъ: несчастный сынъ великаго Владиміра, Судиславъ, посаженный братомъ Ярославомъ въ Псковскую темницу и послѣ двадцатисемилѣтняго заточенія освобожденный племянниками, прежде всѣхъ постригся въ монастырѣ Кіевскомъ, и былъ начаткомъ державныхъ иноковъ нашего отечества. — Но увлеченный славою Печерскою, я отклонился отъ постепеннаго хода дѣяній Церковныхъ.

МИТРОПОЛІА ВЪ КІЕВЪ.

Митрополитъ Георгій, присланный отъ Патриарха Іоанна Ксифиллина, еще въ началѣ княженія Изяслава, переносилъ съ великимъ торжествомъ св. мощи Князей Бориса и Глѣба, въ новыи для нихъ сооруженный храмъ Вышгорода. Святитель, сперва колебавшійся въ вѣрѣ о святости царственныхъ мучениковъ, твердо убѣдился, чудомъ совершившимся надъ ихъ мощами, и уставилъ праздновать ихъ память. При этомъ перенесеніи, въ первый разъ упоминаются въ лѣтописяхъ Епископы: Юрьевскій Михаилъ, Переяславскій Петръ и Холмскій Іоаннъ, и должно предполагать около того времени учрежденіе сихъ трехъ новыхъ епархій,

6. Георгій.
1072.

потому что непрестанно распространялось Христианство въ южной Россіи.

Кроткій Георгій удалился въ Царьградъ, отъ междоусобія Изяслава съ братьями, во время котораго паства его подвергалась нашествію Короля Болеслава Польскаго и притязаніямъ Рима, ибо властолюбивый Папа Григорій VII, обѣщая вооруженную помощь Изяславу, требовалъ отъ него покорности, и это было первое покушеніе западныхъ Первосвятителей на Россію. Но Изяславъ, восшедши опять на престолъ, отклонилъ замыслы Григорія, и утверждаемый въ вѣрѣ отцевъ своихъ, ревнителемъ православія, пгумномъ Θεодосіемъ Печерскимъ, соблюлъ оное до конца своей тревожной жизни. Другой великій свѣтильникъ готовился въ

7. Іоаннъ Митрополитъ Іоаннъ II, который поставленъ
II. 1080. былъ Патріархомъ Евстратіемъ и девять лѣтъ пастъ Церковь Россійскую. Съ особенною любовію изображаетъ его Несторъ, какъ мужа искуснаго въ ученіи, милостиваго къ сирымъ и вдовицамъ, равно ласковаго къ богатымъ и убогимъ, смиреннаго, молчаливаго и книгами святыми утѣшавшаго печальныхъ. Въ рукописныхъ кормчихъ книгахъ осталось его сочиненіе, называемое церковнымъ правиломъ на многіе случаи совѣсти. «Такова не будетъ въ землѣ Русской,» восклицаетъ современный лѣтописецъ, можетъ быть, по сравненію съ его преем-

8 Іоаннъ никомъ Іоанномъ III, простымъ и неученымъ, ко-
III. 1089. торого привезла съ собою изъ Царьграда, отъ Па-

тріарха Николая Грамматика, дочь Великаго Князя Всеволода, Анна, основавшая женскую обитель и училище въ Кіевѣ. Другая сестра ея Евпраксія скончалась также инокинею, ибо отецъ ихъ былъ самъ исполненъ благочестія и любви къ духовенству, воздвигая монастыри и жертвуя богатыми вкладами церквамъ.

Имя Митрополита Ефрема стоитъ въ ката-9. Ефремъ.
логѣ Кіевскомъ вслѣдъ за Іоанновымъ, который 1096.
умеръ на другой годъ своего пришествія, но лѣтописи разногласятъ о Ефремѣ. Однѣ полагаютъ его Грекомъ, присланнымъ отъ того же Патріарха, другія Русскимъ, изъ дружины Изяслава, постригшимся въ пещерахъ Антонія. Несторъ же, умалчивая о Митрополитѣ Ефремѣ, говоритъ только о Епископѣ Переяславскомъ сего имени, какъ о старшемъ изъ Архіереевъ, переносившихъ соборно мощи св. Осодосія, и строителѣ знаменитаго Михайловскаго собора въ Переяславлѣ. Можетъ быть, по скорой кончинѣ Іоанна III, не былъ долгое время присылаемъ Митрополитъ изъ Царьграда, и Ефремъ, живя въ сосѣднемъ Переяславлѣ, управлялъ епархіею Кіева, уважаемый по своимъ Христіанскимъ добродѣтелямъ и нищелюбію: онъ завелъ больницы и врачей безмездно по городамъ. Годъ смерти его предполагается въ 1096 году, когда Половецкій Ханъ Бонякъ, нечаянно приступивъ къ Кіеву, разорилъ его окрестности и выжегъ Печерскую лавру.

И другія недоразумѣнія являютя въ лѣтописяхъ, касательно Митрополита Ефрема: по Никонову списку, Епископъ Новгородскій Лука Жидята, избранный еще великимъ Ярославомъ, вызванъ былъ, по клеветѣ своихъ домашнихъ, на судъ его Митрополита въ Кіевъ, и тамъ задержанъ въ теченіи трехъ лѣтъ до совершеннаго оправданія. Но, по счисленію времени, происшествіе сіе должно относиться еще къ правленію Іларіона, такъ что нѣкоторые предполагаютъ даже, будто онъ скончался въ схимѣ съ именемъ Ефрема. Во всякомъ случаѣ, судъ надъ Епископомъ Новгородскимъ, который уже въ тѣ времена имѣлъ исключительный титулъ Владыки, по участию своему въ правленіи сего независимаго города, показываетъ сколь велика была власть Митрополита надъ подчиненными ему Епископами всея Россіи. Избраніе ихъ зависѣло иногда отъ Князей, великаго или удѣльныхъ, иногда же отъ произвола Первосвятителя; но всѣ они были лично имъ посвящаемы, и подлежали его суду и надзору, подобно какъ сами Митрополиты, будучи всегда поставляемы въ Константинополь, зависѣли въ дѣлахъ духовныхъ отъ Патріарха и содержали юную Церковь Россійскую въ неразрывномъ союзѣ съ Греческою.

Княженіе Святополка, сына Изяславова, старшаго между внуками великаго Ярослава, ознаменовалось уже тѣми горькими междоусобіями удѣльными, которыя въ послѣдствіи были причиною совер-

шеннаго разъединенія Руси и покоренія ея Монголами. Однакоже, не смотря на слабый и коварный характеръ Святополка, еще сохранялось между Князьями уваженіе къ первопрестольному Киеву и правамъ старшаго въ родѣ. Когда же Олегъ Черниговскій, безпокойный сынъ Святослава, возставалъ съ братьями противъ Великаго Князя, онъ былъ укрощаемъ мужественнымъ сыномъ Всеволода, Владиміромъ Мономахомъ, который мирилъ удѣльныхъ властителей на сѣздахъ княжескихъ. Его побѣдоносный мечъ отражалъ и дикихъ враговъ южной Россіи, Половцевъ, которые, кочуя въ степяхъ Донскихъ и Черноморскихъ, безпрестанно тревожили набѣгами восточные предѣлы, доколѣ сами не были истреблены Монголами. Но вѣроломное ослѣпленіе Князя Василька, Святополкомъ, по навѣту родственнаго ему Князя Волинскаго Давида, подвигло на мшненіе Мономаха и всѣхъ Святославичей; они подступили къ Киеву, въ стѣнахъ коего трепеталъ В. Князь. Тогда явился примирителемъ, въ станѣ раздраженныхъ, новый

10 Нико-
лай 1098.

Митрополитъ Николай: «Молнмся, Княже, тебѣ и братіи твоей, сказалъ онъ, не можете погубить землю Русскую, ибо если начнете рать между собою, поганые будутъ радоваться и возьмутъ землю нашу, которую стяжали дѣды и отцы ваши, трудомъ великимъ и храбростью, поборая по Русской землѣ, и иныя земли приискивали, вы же хотите погубить Русскую землю.»

Памятникомъ княженія Святополка остался въ Кіевѣ златоверхій Михайловскій монастырь, сооруженный имъ во имя своего Ангела, и въ его величественной церкви положены были мощи Св. великомученицы Варвары, привезенныя изъ Греціи первою супругою Князя, Царевною Варварою; тамъ сохраняется и повинѣ сія драгоценная святыня.

11. НЯКН-
форъ 1.
1108.

Митрополитъ П и к и ф о р ъ, родомъ Грекъ, поставленный Патріархомъ Николаемъ, освящалъ новый храмъ и, въ теченіи пятнадцатилѣтняго своего правленія, былъ достойнымъ сотрудникомъ Мономаха, къ коему сохранились его краснорѣчивыя и назидательныя посланія. Оба они сіяли просвѣщеніемъ и величіемъ духа надъ всѣми современниками, какъ два образца Христіанской добродѣтели, поставленные на престолахъ царскомъ и святительскомъ; слава Владиміра, далеко прошедшая, доставила ему и вѣнецъ царскій: по сказанію степенной книги, Императоръ Греческій Комнинъ, прислалъ ему въ даръ вѣнецъ, св. бармы и животворящій крестъ, которые теперь хранятся въ оружейной Московской палатѣ, и Митрополитъ Ефесскій Неофитъ, принесшій сію царственную утварь изъ Константинополя, впервые совершилъ надъ Мономахомъ, въ Софійскомъ соборѣ, священный обрядъ во образъ грядущихъ славныхъ вѣчаній Государей Россійскихъ.

Никифору приписываютъ учрежденіе новой епархіи въ Полоцкѣ, куда поставилъ онъ Еписко-

помъ Мину; нельзя однакоже утвердительно назвать его первымъ, ибо сомнительно, чтобы Полоцкое княженіе, болѣе другихъ независимое отъ Кіева и управляемое сильными Князьями удѣльными, старшими изъ всего рода дѣтей Св. Владиміра, дотолѣ не имѣло своего отдѣльнаго Епископа. Тоже самое должно предполагать и о Смоленскѣ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ Русскихъ, котораго Епископы начинаютъ считаться еще позднѣе, и лѣтописи разнствуютъ даже въ ихъ именахъ: однѣ называютъ первымъ Михаила или Мануила, поставленнаго Митрополитомъ Михаиломъ II; другія же полагаютъ двухъ Епископовъ, Игнатія и Лазаря, еще до Мануила, а Несторъ говоритъ объ учрежденіи первыхъ епархій неопредѣлительно. Бытосказательныя уста его смѣжились около 1116 года, и другой просвѣщенный черноризецъ Сильвестръ, игумень Выдубицкаго монастыря, былъ продолжателемъ его лѣтописи до 1124 года; тогда уже наслѣдовавшіе сей благочестивый трудъ сдѣлались сами неизвѣстными міру, а исторія Русская продолжала писаться, незнаемою инокескою рукою, въ тиши келейной, посреди бурь и переворотовъ гражданскихъ.

Около сего же времени, при Св. Епископѣ Никитѣ, постриженникѣ Печерскомъ, двѣ знаменитыя обители основаны были въ великомъ Новгородѣ: одна Юрьевская, усердіемъ Князя Мстислава, хотя нѣкорыя преданія относятъ основаніе ея

Ярославу великому; другая Св. Антонія Римлянина, который приплывъ съ Запада по Волхову, уединился на берегахъ его, близъ созданной имъ церкви Рождества Богоматери. Подобно какъ въ Новгородѣ и Кіевѣ, такъ и во многихъ удѣльныхъ городахъ, куда только проникала заря просвѣщенія духовнаго, постепенно сооружались монастыри, которые распространяли оное по окрестнымъ предѣламъ; и вмѣстѣ съ святыми отшельниками западало слово Божіе во глубину дебрей и лѣсовъ, какъ животворное сѣмя грядущей жизни, должепствовавшее принести плодъ въ свое время.

Преемникъ мудраго Никифора, Митрополитъ

12 **Никита**. **Никита**, посвященный Патріархомъ Іоанномъ, по-
1124.

гребалъ въ Софійскомъ соборѣ великаго Мономаха, посреди плача земли Русской, и былъ свидѣтелемъ другаго ея бѣдствія, — страшнаго пожара, который истребилъ въ Кіевѣ до 400 церквей, по сказанію лѣтописей, что доказываетъ цвѣтущее уже состояніе столицы. Правленіе его было крат-

13 **Миха-**ковременно, и Михаилъ II, присланный тѣмъ же
ялъ II. 1127.

Патріархомъ, въ княженіе Мстислава, сына Мономахова, тщетно желалъ угасить возникшія междоусобія. Сперва, поставивъ великаго мужа церковнаго Нифонта, Епископомъ Новгороду, укротилъ онъ мятежъ народный, запрещеніемъ святительскимъ, и самъ приходилъ удержатъ безпокойныхъ гражданъ отъ войны съ Суздальскою областію; но угрозы и предсказанія Михаила, о пораженіи въ

битвѣ, не были уважены шумнымъ вѣчемъ и только исполненіе оныхъ на самомъ дѣлѣ могло временно усмирить Новгородцевъ. Потомъ, по смерти мужественнаго В. Князя Мстислава, съ коимъ угасла сила Мономахова, мирилъ онъ его слабыхъ преемниковъ: брата Ярополка съ враждовавшими племянниками, и Вячеслава съ сильнымъ Княземъ Черниговскимъ Всеволодомъ Ольговичемъ, исторгшимъ изъ рукъ его престолъ великокняжескій; наконецъ, утомленный непрерывною враждою единокровныхъ Князей, удалился въ Царградъ, гдѣ окончилъ дни свои, не преставая быть Митрополитомъ Кіевскимъ.

Грустную картину всеобщаго разъединенія представляла тогда на всемъ своемъ пространствѣ обширная Россія. Столѣтняя вражда возгорѣлась между царствующимъ домомъ Мономаха, который поддерживали любовь Кіевлянъ и память народная о подвигахъ великаго Владиміра, и между домомъ Олега Черниговскаго, имѣвшаго на своей сторонѣ права старшаго въ родѣ Князей Русскихъ. Удѣльные властители, мѣшаясь въ распри за великое княженіе, ослабили благотѣльное его вліяніе на прочія части государства, а набѣги Половецкіе содержали южную Русь въ непрестанномъ волненіи воинскомъ, доколѣ все не замерло подъ ужасомъ разоренія Монгольскаго. Между тѣмъ, новыя и независимыя княженія образовались на западѣ и на сѣверѣ, усиливаясь по мѣрѣ паденія Кіевскаго.

Сынъ Володаря Волынскаго, Владимірко, оружіемъ и хитрою политикою, основалъ себѣ сильное княженіе Галицкое, которое процвѣло въ долгое правленіе его преемника Ярослава. Слабые лучи Христіанства начинали проникать въ Литву, изъ сосѣдняго Полоцкаго княженія, которое было постояннымъ предметомъ вражды дома Мономахова и постепенно сокрушалось подъ его ударами. Новгородъ, борясь со Шведами на рубежѣ своемъ, распространялъ Христіанство въ сѣверныхъ предѣлахъ и на шумныхъ вѣчахъ ибнялъ Князей своихъ, судя по успѣхамъ враждующихъ домовъ, призывая къ себѣ то дѣтей Олеговыхъ, то Мономаховыхъ.

Другой зародышъ грядущаго могущества Россіи началъ сосредоточиваться въ самомъ сердцѣ обширнаго государства. Сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій, наскучивъ долгимъ ожиданіемъ Киевскаго престола, занялся распространеніемъ и устройствомъ родовой своей Суздальской области, обращеніемъ язычниковъ и строеніемъ городовъ, въ числѣ коихъ впервые явилось тогда имя Москвы; а Владиміръ на Клязьмѣ, возвеличенный въ правленіе его доблестаго сына, Андрея Боголюбскаго, сдѣлался скоро столицею независимаго княженія, которое приобрѣло всѣ преимущества великаго, при другомъ его сынѣ Всеволодѣ. — И посреди сего разрыва политическаго, одно только исповѣданіе той же православной вѣры, во всѣхъ предѣлахъ государства, служило залогомъ общаго единства;

Епископы, какъ судіи духовные своихъ епархій, и игумены обителей, удивляемыхъ благочестіемъ Князей, которые сами не рѣдко оканчивали въ келліи бурные дни свои, — служили посредниками и миротворцами между враждующими и, въ качествѣ посланниковъ, безопасно странствовали по станамъ воинскимъ. Зависимость ихъ отъ Митрополита невольно обращала къ Кіеву вниманіе всея Руси; а сами Первосвятители, посылаемые къ намъ изъ Царьграда, почерпали изъ сего источника просвѣщеніе, коимъ отечество наше превышало тогда современную Европу. Но гражданскія неурядица имѣли также вліяніе и на дѣла церковныя.

Преемникъ Всеволода Ольговича, Изяславъ, внукъ Мономаха, узнавъ о кончинѣ Митрополита Михаила, въ то время какъ былъ празденъ патриаршіи престолъ Константинополя, не хотѣлъ болѣе имѣть Митрополитомъ Грека, потому что негодовалъ на удаленіе Михаила изъ Россіи. По примѣру Ярослава, онъ созвалъ въ Кіевѣ соборъ Епископовъ Русскихъ: Онуфрія Черниговскаго, который предсѣдательствовалъ, Θεодора Бѣлгородскаго, Даміана Юрьевскаго, Θεодора Волынскаго, Мануила Смоленскаго, а по лѣтописи Печерской еще: Евѣмнія Переяславскаго, Косму Полоцкаго и Іоакима Туровскаго, что доказываетъ существованіе новой Туровской епархіи. Всѣ были согласны на самовольное избраніе Митрополита, безъ участія Патриарха; одинъ только Св. Нифонтъ Новгородскій сильно воспротивился

нарушенію союза церковнаго и законной зависимости іерархіи нашей, безъ коей не могла бы правильно существовать юная Церковь, Россійская. Онъ напомнилъ о рукописаніи, данномъ Михаилу, вѣроятно при его отшествіи, не служить даже соборно въ Св. Софїи безъ Митрополита; но его увѣщанія были тщетны, и какъ въ послѣдствіи онъ не хотѣлъ имѣть общенія съ новымъ Первосвятителемъ, то претерпѣлъ и краткое заточеніе въ Печерской лаврѣ.

14. Кли-
ментъ. 1197

Выборъ палъ на Климента, затворника и схимника Смоленскаго, и Епископъ Онуфрій предложилъ замѣнить, при его рукоположеніи, патрішее посвященіе, наложеніемъ руки Св. Климента Папы, коего мощи были принесены изъ Корсуни Владиіромиъ. Замѣчательно, что оба природные Митрополита Русскіе, Иларіонъ и Климентъ, избраны были изъ строгихъ отшельниковъ, но благочестіе ихъ не могло исправить незаконности постановленія. Мнѣніе Св. Нифонта, друга Князей Долгорукаго и Святослава Черниговскаго, и представителя могущественнаго Новгорода, который употреблялъ его во всѣхъ своихъ политическихъ сношеніяхъ съ Князьями обоихъ враждующихъ домовъ, было сильно, тѣмъ болѣе, что и новый Патріархъ Константинопольскій, Николай Музалонъ, ободрялъ его похвальными грамотами за ревность къ Церкви. Девять лѣтъ продолжалась борьба сія посреди смятеній гражданскихъ, во время коихъ не былъ

пошажень и санъ ивоческій Князя Игоря Ольговича, разтерзаннаго Кіевскою чернію, за возстаніе его рода противъ Изяслава. Но когда Изяславъ, въ свою чреду, принужденъ былъ бѣжать на Волинь, онъ взялъ съ собою и Климента; а Долгорукій, отпустивъ съ честію Нифонта, просилъ другаго Митрополита у Патріарха Луки Хрисоверха, и въ краткое его княженіе пришелъ изъ Царьграда Митрополитъ Константиинъ, который осудилъ дѣйствія Изяслава и Климента, и запретилъ даже на время всѣхъ посвященныхъ имъ въ санъ духовный. Великій Нифонтъ не имѣлъ однакоже утѣшенія видѣть въ Кіевѣ законнаго Первосвященителя, на встрѣчу коего поспѣшалъ изъ Новгорода; онъ преждевременно скончался и погребенъ былъ въ пещерахъ Кіевскихъ, причтенный къ лику святыхъ, съ славнымъ именемъ ноборника всей земли Русской.

15 Константиинъ.
1156.

Но тѣмъ не кончилась распря церковная. Когда, по смерти Долгорукаго, враждовали за Кіевъ Изяславъ Ольговичъ и Мономаховичъ Ростиславъ, тогда Князь Мстиславъ Волинскій, не прощая Митрополиту Константину соборнаго осужденія отца своего, изгналъ его въ Черниговъ, гдѣ нѣкогда былъ Епископомъ. Тамъ онъ скончался, показавъ примѣръ чрезвычайнаго смиренія, ибо оставилъ завѣщаніе, чтобы извергли его тѣло внѣ града, какъ недостойное погребенія; не смѣли ослушаться успага Князь Святославъ и Епископъ Антоній; но

на третій день, видя неприкосновенность мертвенныхъ останковъ, погребли съ честію въ Спасскомъ соборѣ.

16 Осодоръ.
1160.

Еще при жизни его и Климента, третій Митрополитъ Феодоръ прислащъ былъ Киеву отъ того же Патріарха, по взаимному согласію дяди и племянника, Князей Ростислава и Мстислава; потому что первый не признавалъ законнымъ Климента, а послѣдній негодовалъ на Константина. Между тѣмъ, Андрей Боголюбскій, стараясь всѣми средствами возвысить надъ прочими княженіями престольный свой городъ Владиміръ, гдѣ воздвигнулъ великолѣпный соборъ Богоматери, для чудотворной ея иконы, принесенной изъ Греціи, воспользовался несогласіемъ церковнымъ, чтобы просить себѣ особеннаго Митрополита изъ Царьграда. Но Патріархъ Лука благоразумно отклонилъ его проебду, опасаясь нарушить единство Россійской Церкви; онъ дозволилъ только Епископамъ Ростовскимъ имѣть пребываніе во Владиміръ, и въ угожденіе набожному Князю праздновать память его побѣды надъ Болгарами, одержанной въ одинъ день съ другою побѣдою Императора Мануила надъ Сарацинами; торжество сіе доселѣ совершается перваго Августа.

Несторъ, Епископъ Ростовскій, лишенный своей епархіи Митрополитомъ Константиномъ, находился тогда въ Царьградѣ для оправданія, ибо по несчастнымъ обстоятельствамъ времени, къ рас-

прямо ієрархическимъ присоединились еще лжеученія. Несторъ былъ несправедливо обвиненъ въ нарушеніи постнаго устава, будто бы запрещалъ разрѣшать постъ въ праздники Рождества и Богоявленія, если случались они въ среду или пятницу. Сіе неправильное ученіе, не имъ начатое, возобновлено было Епископомъ Леономъ, пришедшимъ въ его отсутствіе, и Боголюбскій, вступаясь за правые догматы, послалъ Леона сперва на судъ Митрополита Θεодора въ Кіевъ, а потомъ въ Царьградъ, гдѣ осудилъ его самъ Патріархъ. Но вслѣдъ за Леономъ явился самозванецъ на епархію Ростовскую, Θεодоръ, инокъ Печерскій, испросившій себѣ обманомъ санъ Епископа въ Константинополѣ; однакоже хищничество его вскорѣ обличилось и жестокости были прекращены Княземъ, который отправилъ преступника въ Кіевъ, и тамъ онъ преданъ смерти за соблазнъ церковный.

Митрополиту Θεодору приписываютъ учрежденіе архимандрій въ Печерской обители, названной имъ лаврою и ставропигією, по грамотѣ патріаршей, и, отъ перваго Печерскаго архимандрита Акиндина, сей новый санъ возшелъ въ употребленіе въ монастыряхъ Русскихъ. Съ его же благословенія Князь Боголюбскій началъ праздновать память перваго Епископа Ростовскаго Леонтія, коего мощи обрѣтены имъ были при заложениі новаго собора.

Климентъ, бывшій Митрополитъ, жилъ еще

17. Иоаннъ
IV. 1164

на Волыни, когда скончался Теодоръ, и В. К. Ростиславъ, снисходя на просьбу своего племянника Мстислава, хотѣлъ уже просить Патріарха о возведеніи его опять на митрополию, но послы княжескіе встрѣтили на пути новаго Митрополита, идущаго въ Россію изъ Царьграда, **Иоанна IV**. Одни только дружественныя моленія Императора Мануила и страхъ новаго церковнаго раздора могли убѣдить оскорбленнаго Ростислава принять сего Первосвятителя, который однакоже, въ два года своего краткаго правленія, оставилъ по себѣ благую память. Намъ сохранилось увѣщательное его посланіе къ Папѣ Римскому, вѣроятно Александру III, о мирѣ церковномъ, ибо тогда еще по недавнему разрыву, съ обѣихъ сторонъ дѣлались взаимныя усилія къ возстановленію союза. Въ Новгородѣ священна также память **Іоанна**: Владыка **Илія**, въ ипостасѣ **Іоаннъ**, мужъ жизни праведной, первый изъ всѣхъ Епископовъ Русскихъ, былъ возведенъ Митрополитомъ въ санъ Архіепископа, и титулъ сей перешелъ брату его Григорію, столь же добродѣтельному, при коемъ преподобный Варлаамъ основалъ на берегахъ Волхова свою знаменитую Хутынскую обитель, а потомъ и ко всѣмъ Владыкамъ Новгородскимъ.

18. Константинъ
II. 1167.

Ересь **Леонова** возобновилась въ **Кіевѣ** при Митрополитѣ **Константинѣ II**, избранномъ изъ Епископовъ Русскихъ, по желанію **Ростислава**; ибо новый Святитель, по неопытности, самъ дер-

жался митѣнія Леонова о постахъ, и даже созывалъ соборъ въ Кіевѣ для поддержанія сего ученія. Но два мужа, извѣстные своими писаніями, Св. Кирилль, краснорѣчивый Епископъ Туровскій, и Поликарпъ, архимандритъ Печерскій, продолжатель Патерика Несторова о угодникахъ Кіевскихъ, были твердыми защитниками православія; сей послѣдній претерпѣлъ даже заточеніе за слово истины. Благочестивая современная лѣтопись говорить, что и Кіевъ пострадалъ за неправду Митрополита, ибо при немъ и В. К. Мстиславъ Вольтыинскій, преемникъ Ростислава, одиннадцатъ Князей, признавшіе своею главою Боголюбскаго, взяли приступомъ и разграбили сію мать городовъ Русскихъ, которая утратила съ тѣхъ поръ свою независимость; Князья ея, съ однимъ лишь титуломъ великихъ, сибѣялись, большею частію, по приходу Князей Владимірскихъ или Галицкихъ, а между тѣмъ Ольговичи Черниговскіе и Мономаховичи Смоленскіе не преставали помогать призрака великокняжеской власти.

Митрополія Кіевская около десяти лѣтъ оставалась праздною по смерти Константина. Никифоръ II, родомъ Грекъ, поставленный Патриархомъ Василиемъ, пастырь исполненный всѣми добродѣтелями перваго тезоименитаго ему Никифора, и любви къ своему новому отечеству, тщетно старался умирить раздоры властителей; онъ даже бралъ на свою душу клятву, данную В. К. Рюри-

19. Никифоръ II.
1185.

комъ зятю Роману Волынскому, чтобы нарушени-
 ея удовлетворить сильнаго Всеволода Владимір-
 ского, который требовалъ себѣ городовъ, обѣщан-
 ныхъ Роману. Въ послѣдствіи, сей Романъ, буду-
 чи уже Княземъ Галицкимъ, овладѣлъ Кіевомъ и
 явилъ первый примѣръ въ Россіи насильственнаго
 постриженія, надъ тестемъ своимъ В. К. Рюри-
 комъ, а Рюрикъ единственный примѣръ сложенія
 съ себя сана иноческаго, ибо онъ взошелъ опять
 на престолъ послѣ смерти врага своего. По при-
 чинѣ сихъ междоусобій, еще однажды пострадалъ
 Кіевъ, и такимъ образомъ дважды разоренный уже
 не воставалъ до конечнаго паденія при Монго-
 лахъ.

Свидѣтелемъ сего разоренія былъ новый Ми-
 20 Матоей трополить Матоей, присланный изъ Константино-
 1201. поля, еще до взятія онаго Крестоносцами, и въ свою
 чреду сдѣлался посредникомъ между Князьями, при-
 миривъ В. К. Всеволода Чернаго и всѣхъ Ольго-
 вичей со Всеволодомъ Владимірскимъ: — въ сію
 бѣдственную годину раздоровъ, должность миро-
 творца была неразлучна съ саномъ первосвятитель-
 скимъ. При немъ, въ первый разъ, вмѣшались Нов-
 городцы въ дѣла церковныя, изгнавъ своего Архіе-
 пископа Митрофана и приславъ къ Митрополиту
 для посвященія инока Хутынскаго Антонія, но и
 Антоній не угодилъ народу; оба Владыки пришли
 на судъ Митрополита, и первый былъ утвержденъ,
 а послѣднему дана епархія Перемышльская, кото-

рую однакоже онъ оставилъ для кафедры Новгородской, и опять былъ изгнанъ, и снова возведенъ, но кончилъ дни свои въ обители Хутынской: — таково было непостоянство и буйство Новгородцевъ. Здѣсь впервые упоминается о епархіи Перемышльской, вмѣстѣ съ другими, Галицкою, Минскою, Луцкою и Острожскою, неизвѣстно когда основанными, по цвѣтушему состоянію южной Россіи.

И на сѣверѣ образовались новыя епархіи; хотя Рязань зависѣла отъ Черниговскаго престола, но лѣтопись говоритъ о нѣкоемъ Епископѣ Рязанскомъ Арсеніи, взятомъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ Князьями сего города, братомъ Боголюбскаго, Всеволодомъ. Область Муромская, подвластная въ послѣдствіи Святителямъ Рязанскимъ, уже просвѣщалась тогда святымъ крещеніемъ, ревностію Св. Князя Константина, изъ рода Черниговскихъ, и дѣтей его Михаила и Θεодора. И два сына Всеволодовы, несогласные между собою по кончинѣ родителя, Константинъ и Георгій, не захотѣли имѣть одного Епископа въ Ростовѣ и Владимірѣ; каждый желалъ его пребыванія въ своей столицѣ; Митрополитъ Матѳей удовлетворилъ обоихъ, учредивъ новую епархію во Владимірѣ, куда посвятилъ игумна Рождественской обители Симона, знаменитаго своими добродѣтелями и описаніемъ житія Печерскихъ отшельниковъ.

21. Ки-
риллъ I.
1205.

Преемникъ Матоея, Митрополитъ Кириллъ, былъ уже присланъ изъ Никеи, гдѣ временно основались Императоры и Патріархи, изгнанные Латинами изъ Царьграда. Бѣдственное иго, тяготѣвшее на Греческомъ царствѣ, отозвалось и въ наше отечествѣ; ибо Первосвященники Римскіе, оружіемъ Христіанъ западныхъ, начали дѣйствовать на наши предѣлы. Еще Князю Роману Галицкому предлагалъ легатъ папскій покровительство меча Апостольскаго, но витязь, указавъ на собственный, гордо спросилъ: «такой ли мечъ у Папы?» а юные сыновья его были уже изгнаны Коломаномъ, Королемъ Венгерскимъ, и архіепископъ Латинскій посаженъ въ Галичѣ. Мстиславъ, удалой сынъ храбраго и святаго Князя • Новгородскаго Мстислава, взявъ приступомъ Галичъ, изгналъ духовенство Римское, но скоро оно опять водворилось въ сей порубежной области Русской. И въ Новгородѣ преемники Св. Мстислава, вмѣстѣ съ Князьями Пскова и Полоцка, принуждены были бороться съ новымъ врагомъ, поселившимся на сосѣднемъ по-
1205. моріи Балтійскомъ. Албертъ Епископъ основалъ въ Ригѣ орденъ Меченосцевъ, который соединясь въ послѣдствіи съ Тевтоническимъ сильнымъ братствомъ, громилъ наши западные предѣлы и оружіемъ обращалъ дикую Литву, иными кротчайшими средствами просвѣщаемую со стороны Русской.

Другая, ужаснѣйшая туча восходила съ востока надъ Русью, обреченною на двухвѣковыя стра-

данія : — явились Монголы! Бѣжавшіе Половцы возвѣстили нашествіе варваровъ на ихъ степи, и сошлись южные Князья наши, чтобы отразить невѣдомаго врага. На рѣкѣ Калкѣ произошла кровавая сѣча; три Мстислава поддерживали ее отчаяннымъ мужествомъ, но два, Великій Князь и Черниговскій, пали въ битвѣ, а третій Галицкій принужденъ былъ бѣжать, съ юнымъ сыномъ Романа, славнымъ Даниломъ, въ Галичь, и тамъ окончилъ бурные дни свои въ иноческомъ образѣ. Варвары удалились; это былъ только передовой отрядъ ихъ; другія несмѣтныя полчища собирались во глубинѣ Азіи, подъ предводительствомъ Батыя, Чингисханова внука, чтобы хлынуть на Россію, чрезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ побоища при Калкѣ. А между тѣмъ продолжались внутренніе раздоры южныхъ и сѣверныхъ княжествъ, и добродѣтельный Митрополитъ Кириллъ дважды ходилъ во Владиміръ мирить Великаго Князя съ владѣтелями Кіева и съ Князьями Курскими. Нашествіе Батыя все умирало подъ пепломъ развалинъ.

Первая пострадала Рязань, которой Князья, Олегъ и Феодоръ, пріяли мученическую смерть. Въ осажденномъ Владиміръ Епископъ Митрофанъ, съ супругою В. Князя, ея снохами и боярами, заключились въ соборную церковь; тамъ всѣ они пріяли св. тайны и схиму отъ руки Святителя, отъ Господа же мученицескій вѣнецъ, въ дыму и пламени зазженаго храма. Самъ Георгій палъ, сража-

ась на берегахъ Сити, а племянникъ его Князь Василько сдѣлался мученикомъ за ния Христова. Разорены были всѣ города области Ростовской и Суздальской; невидимая десница охранила Новгородъ и Псковъ. Козельскъ, защищаемый юнымъ своимъ Княземъ, послѣдній пострадалъ на обратномъ шествіи Батыя изъ сѣвернаго разоренія.

Черезъ годъ наступила очередь южной Россіи: Переяславль погибъ съ своимъ Епископомъ Симеономъ, Порфирій Черниговскій отпущенъ былъ завоевателемъ изъ разоренной его епархіи. Монголы обложили Кіевъ, и пораженные древнею его красотою, предложили спасти, если сдастся; но въ отсутствіи всѣхъ Князей Русскихъ, онъ защищаемъ былъ мужественнымъ бояриномъ Данила Галицкаго, Дмитриемъ. Какъ мать и глава городовъ Русскихъ, Кіевъ предпочелъ постыдному игу славную кончину, въ назиданіе всея Руси. Послѣ кровопролитной осады, стѣны его и каждый храмъ, обратились въ крѣпость, отчаяніемъ гражданъ; постепенно пали Софійскій соборъ, церковь Десятинная, и Михайловская обитель и лавра Печерская; они преданы были запустѣнію и вѣроятно, посреди сего страшнаго разоренія, погибъ самъ несчастный преемникъ Кирила, Митрополитъ Іосифъ, о коемъ съ тѣхъ поръ безмолствуютъ летописи.

22. Іосифъ
1240.

МИТРОПОСІЯ ВО ВЛАДИМІРЬ.

23. КИРИЛЛЪ. II.

Когда бѣдствующее отечество наше повсюду представляло взорамъ одни дымящіяся развалины, изъ коихъ жители бѣжали по лѣсамъ, тогда, по благости Провидѣнія, два доблестные Князя бодрствовали на сѣверѣ и на югѣ: братъ погибшаго Великаго Князя Всеволода, Ярославъ Новгородскій, и Данилъ Галицкій. Они начали собирать народъ, обстроять города и воздвигать изъ пепла храмы и пробудили Россію отъ тяжкаго оцѣпенѣнія, которое оковало ее послѣ ужасовъ Монгольскихъ. Данилъ, въ области не столь разоренной и далѣе отъ Золотой Орды Батя, которая основалась на Волжскихъ берегахъ, могъ дѣйствовать смѣлѣе и, непрестанно думая о сверженіи ея, послѣдній изъ

Князей явился Хану. Но Ярославъ, почти всѣ города коего обратились въ пепелъ, долженъ былъ первый признать надъ собою тяжкое иго соседнихъ Монголовъ и исходатайствовать себѣ въ Ордѣ званіе В. Князя. Тамъ нашелъ онъ и прочихъ властителей Русскихъ, и, посреди невольнаго ихъ уничиженія, отрадно видѣть Христіанское мужество Михаила Черниговскаго и вѣрнаго его боярина Теодора, пріявшихъ вѣнецъ мученической отъ гнѣвнаго Хана, за смѣлую исповѣдь имени Христова. Чрезъ нѣсколько лѣтъ и другой подобный исповѣдникъ Романъ, Князь Рязанскій, пострадалъ въ Ордѣ, мученическою своею кровію искупая отечество и прославляя Бога.

Сынъ мудраго Ярослава, еще болѣе мужественный и добродѣтельный, ему наследовалъ, Александръ, витязь Невскій, который княжа въ Новгородѣ, былъ твердымъ оплотомъ Россіи и отразилъ въ кровавой сѣчѣ Шведовъ, на берегахъ Невы, и Меченосцевъ подъ стѣнами Пскова. Но когда покушенія обратить Русь, силою оружія, оставались тщетными, Папа Инокентій IV употребилъ другія средства. Видя бѣдственное положеніе Восточной Церкви, Патріарховъ Константинопольскихъ, живущихъ изгнанниками въ Никеи, и Россію уже десять лѣтъ безъ Митрополита, Первосвященникъ Римскій послалъ къ Даниилу Галицкому вѣнецъ королевскій, съ предложеніемъ союза церковнаго и крестоваго похода противъ Монголовъ. И къ Александру при-

ходили со льстивыми рѣчами легаты папскіе, но святыи Невскій рѣшительно отвергъ ихъ грамоты и увѣщанія; Данилъ же, по сосѣдству Венгріи и Польши, дѣйствовалъ осторожнѣе. Онъ принялъ вѣнецъ и званіе Короля Галицкаго, но отложилъ соединеніе церковное до Вселенскаго собора; а между тѣмъ послалъ избраннаго имъ Россіянина Кирилла въ Никею къ Патріарху Мануилу II, для посвященія въ санъ Митрополита Кіевскаго.

1250.

Никогда выборъ пастыря не могъ быть удачнѣе. Одно только истинно русское сердце Кирилла могло съ любовію принять въ себя всѣ язвы отечества и заботиться съ такою ревностію о ихъ исцѣленіи. Въ теченіи тридцатилѣтняго своего правленія, странствуя по опустѣвшимъ городамъ, онъ устраивалъ Церковь не только наружную, но и внутреннюю; самъ же не обрѣлъ себѣ упокоенія на престолѣ разореннаго Кіева и, отъ его времени до раздѣленія митрополіи, продолжалась труженическая жизнь Первосвятителей Русскихъ, которые соединяли странствованіями своими разрозненныя части обширнаго государства.

Изъ развалинъ древней столицы пришелъ Кириллъ въ опустошенные Черниговъ и Рязань, и въ новую едва оправлявшуюся столицу. Въ уцѣлѣвшемъ Новгородѣ нашелъ онъ В. Князя и тамъ совершилъ первое дѣйствіе своей власти, посвятивъ Далмата въ Архіепископы, на мѣсто умершаго нищелюбиваго Спиридона. Потомъ, и въ самой сто-

лицѣ, имѣлъ онъ утѣшеніе торжественно встрѣтить Александра, когда онъ возвращался изъ великой Орды, кочевавшей во глубинѣ Азіи, и принесъ съ собою миръ, который продолжался только въ его краткое и мудрое княженіе.

Предвидя, что Сарай, столица Волжская Золотой Орды, на многіе годы сдѣлается мѣстомъ собранія Князей Русскихъ, Митрополитъ воспользовался благорасположеніемъ языческихъ Хановъ къ духовенству, которые не велѣли вносить оное въ перепись народную и даже избавили отъ налоговъ всѣхъ, кто на Господа Бога зреть и служить Божиимъ церквамъ. Онъ назначилъ въ Сарай Митрофана, первымъ Епископомъ Сарскимъ и Подонскимъ, а преемнику его Феогносту присоединилъ еще званіе Переяславскаго, дабы не погибла память сей древней епархіи Русской, уже не существовавшей со многими другими послѣ разоренія. Феогностъ умѣлъ до такой степени снискать довѣренность ханскую, что Мангу-Темиръ, властвовавшій послѣ Батыя, избралъ его отъ себя посланникомъ къ Патріарху Константинопольскому, когда Митрополитъ Кирилъ съ своей стороны отправлялъ его въ Царьградъ; но цѣль сего посольства осталась неизвѣстною.

Послѣ блаженной кончины Св. Александра, промѣнявшаго въ часъ смертный мантию княжескую на смиренную схиму, Митрополитъ Кирилъ, посреди плача всей земли, встрѣтилъ нетлѣнные

останки любимаго Князя, принесеннаго обратно изъ Орды, въ ту же столицу, гдѣ нѣкогда столь радостно его привѣтствовалъ. Ярославъ Тверскій наследовалъ брату, и, удовлетворяя желанію В. Князя. Святитель учредилъ новую епархію въ Твери, его отчинѣ, посвятивъ туда первымъ Епископомъ добродѣтельнаго Симеона. И другую государственную заслугу оказалъ онъ Ярославу, примиривъ съ изгнаннымъ его Новгородомъ, уже мужественнымъ по своей обширной торговлѣ и союзу съ Ганзою; страхъ запрещенія святительскаго смирилъ мятежное вѣче.

Но важнѣйшимъ и самымъ благодѣтельнымъ 1274. подвигомъ долгаго правленія Кириллова былъ соборъ, созванный имъ во Владимірѣ, по случаю посвященія архимандрита Печерскаго Серапіона въ Епископы столицы, и для устройства благочинія Церковнаго, которое пострадало отъ бѣдствій гражданскихъ. Владыка Новгородскій Далматъ, Св. Игнатій, знаменитый пастырь Ростова, Феогностъ Епископъ Сарскій и Симеонъ Полоцкій, присутствовали на соборѣ и единодушно положили строго испытывать образъ жизни и лѣта причетниковъ и мірянъ, прежде посвященія въ санъ духовный, и искоренять корысть при ихъ поставленіи. Соборъ, занимаясь также исправленіемъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ, коснулся совершенія самыхъ таинствъ, и запретилъ смѣшеніе св. мѣра съ елеемъ, и обливаніе вмѣсто тройственнаго погруженія,

при святомъ крещеніи, вѣроятно, вкравшееся къ намъ изъ запада чрезъ Галлію.

Митрополитъ Кирилль, какъ искренній россиянинъ, желалъ также, чтобы правила Св. Отець, основаніе управленія церковнаго, не были омрачены для насъ облакомъ мудрости Еллинскаго языка, но собственному его выраженію, но чтобы сияли ясно, все просвѣщая свѣтомъ разумнымъ, и тщательно трудился о ихъ переводѣ; полезный трудъ его достигъ нашего времени. Сей мудрый пастырь, исполненный дней и дѣяній, скончался въ Переяславль Залѣскомъ, уже въ бѣдственное княженіе сына Невскаго Димитрія, и тамъ былъ отавтъ соборомъ Епископовъ, но священныя его останки перенесли въ древнюю столицу. Последній изъ Митрополитовъ всея Руси, Кирилль II, былъ погребенъ въ Софійскомъ соборѣ и достойно заключилъ рядъ святительскихъ гробницъ, начавшійся отъ Св. Михаила.

24. МАКСИМЪ.

Два года сиротствовала Церковь послѣ Кирилла, избѣгая сношеній съ Патриархомъ Іоанномъ Веккомъ, ибо хотя, съ 1264 года, Императоръ Михаилъ Палеологъ отнялъ столицу свою у крестоносцевъ, но самъ онъ и Патриархъ благопріятствовали ученію Рима. Наконецъ Іосифъ, возвращаясь опять на святительскій престолъ Царяграда, послалъ въ Россію Митрополитомъ Максима, родомъ Грека, который въ теченіи 22-хъ лѣтъняго правленія старался, подобно предшественнику, о устройствѣ Церкви и мирѣ между Князьями. Кровавыя вражды дѣтей Невскаго, Дмитрія и Андрея навлекли тогда новыя полчища Татаръ на бѣдствующее отечество, и междоусобія возгорѣлись въ другихъ отрасляхъ того же дома, напоминая долгую вражду Ольговичей и Мономаховичей.

Максимъ, первый изъ Митрополитовъ Русскихъ, ходилъ въ Орду, и хотя не сохранилось льготныхъ грамотъ ханскихъ на его имя, должно

полагать однакоже, что онъ принять былъ съ че-
 стію. Монголы, еще въ состояніи язычества, бла-
 гопріятнѣе смотрѣли на Христіанство, нежели др-
 кіе послѣдователи Корана, и даже обратившись
 въ послѣдствіи къ его ученію, держались той же
 мудрой политики. Черезъ покровительство духовен-
 ства они пріобрѣтали сердца народа, которому
 внушаемы были покорность и терпѣніе, для избѣ-
 жанія тягчайшихъ бѣдствій. Возвратясь изъ Ор-
 ды, Максимъ созывалъ въ Кіевѣ соборъ Запѣ-
 провскихъ Епископовъ, коего дѣянія намъ не со-
 хранились, вѣроятно дабы приготовить ихъ къ со-
 вершенному своему отшествію во Владимірѣ. Видя
 1299. зануствіе Кіева и южнаго края, онъ перенесъ
 древній престолъ митрополіи въ новую столицу,
 сохранивъ прежній титулъ Кіевского и всея Ру-
 си, и взялъ даже въ свое управленіе самую епархію
 Владимірскую, а бывшаго ея Епископа Симеона пере-
 велъ въ Ростовъ; Суздаль же, принадлежавшій ко
 Владиміру, и Нижній Новгородъ составили особую
 епархію. Но пребываніе митрополіи во Владимірѣ
 было кратковременно; одинъ только Максимъ изъ
 1305. всѣхъ Первосвятителей Русскихъ погребенъ въ сла-
 вномъ соборѣ Боголюбскаго; его преемники уже
 основались въ Москвѣ, ибо Владиміръ пересталъ
 быть столицею, нелюбимый Князьями Великими, ко-
 торые оставались жить въ удѣлахъ, стараясь ка-
 ждый о возвеличеніи собственной отчины.

Такимъ образомъ, Князь Даніилъ Александро-

вичь Московскій, получивъ отъ отца своего слабый удѣлъ, въ теченіи долгаго и тихаго правленія, украсилъ Москву храмами и обителію Св. Давида, своего Ангела, гдѣ самъ скончался схимникомъ. Онъ оставилъ сыну Георгію уже цвѣтущее княженіе, и увѣренность въ собственной силѣ внушила сему надменному Князю, зятю ханскому, ту жестокою вражду къ законному владѣтелю и дядѣ, Михаилу Тверскому, которая разрѣшилась только пролитіемъ многой крови княжеской въ Ордѣ, и истребленіемъ рода Тверскихъ до третьяго ихъ колѣна. Первый, но, навѣстанъ Юрія, пострадалъ мученически Михаилъ и причтенъ Церковію къ лику святыхъ; потомъ палъ Дмитрій, сынъ его, поразившій предъ лицомъ Хана Узбека самаго убійцу своего отца, Юрія; наконецъ и другой сынъ Михаила, Александръ съ отрокомъ своимъ Феодоромъ, казненъ тѣмъ же Ханомъ, ибо дерзнулъ истребить въ Твери Шевкала, его вельможу, и Татаръ, искавшихъ водворить тамъ Магометанство. Хитрый братъ Георгія, Юаннъ Калита, воспользовался паденіемъ Тверскихъ Князей, чтобы милостию Хана утвердить въ своемъ родѣ престолъ великокняжескій.

25. Свѣтый ПЕТРЪ.

1308.

Когда иго Монгольское наиболѣе тяготѣло надъ Русскою землею, и меркла слава Князей ея въ постыдныхъ междоусобицѣхъ, Св. Митрополитъ ПЕТРЪ былъ истиннымъ блюстителемъ и утѣшителемъ своей паствы. Волынецъ родомъ, онъ съ юныхъ лѣтъ облекся въ иночество и правилъ милою, имъ основанною обителию Ратскою на родинѣ; тамъ слава его добродѣтелей достигла до внука Данилова, который съ титуломъ Короля Русскаго обладалъ всею югозападною Русю и землями Литовскими, ибо сынъ языческаго вл�стителя Мнидовга, Воштелгъ, противъ воли отца принявъ и раепроостранивъ Христіанство въ своей землѣ, самъ заключился въ монастырь, и уступилъ свое наслѣдіе родственнымъ Князьямъ Галича. Но могущество ихъ державы было кратковременно: другой сильный язычникъ, Гединиъ, утвердился въ Вильнѣ и скоро исторгъ Кіевъ и всю восточную часть княженія изъ рукъ слабыхъ сыновей Юрія,

съ конни пресѣкъ славный родъ Романа Галицкаго; а западныя его области сдѣлались достояніемъ Польши, и оттолѣ вліяніе Римской Церкви, при языческомъ равнодушіи Гедимина и сына его Ольгерда, распространилось на Западнорусскіе предѣлы.

Юрій, подобно великому дѣду, желалъ имѣть у себя Митрополита, и услышавъ, что вѣкто вгумень Геронтій, самовольно пошелъ изъ Владиміра въ Царьградъ, искать посвященія въ санъ первосвятительскій, убѣдилъ смиреннаго Петра, для блага Церкви, идти также съ его грамотою къ Патріарху. Избранный Юріемъ былъ посвященъ святѣйшимъ Аонасіемъ въ Митрополиты всея Руси. Но пришедши на свой престолъ, Св. Петръ увидѣлъ древнюю столицу забытую Князьями, всю же жизнь государства сосредоточенную на сѣверѣ, и не предпочелъ частной пользы своей родины общему благу Церкви. Подобно предѣстнику Максиму переселился онъ во Владиміръ, хотя и не преставалъ странствовать по Россіи, чтобы устроить дѣла церковныя, ставить Епископовъ и мирить Князей. Ревность его къ утоленію междоусобія Князей Брянскихъ едва не стоила ему жизни; онъ спасся въ соборномъ храмѣ.

Скоро по своемъ пришествіи Митрополитъ Петръ имѣлъ случай вполне оказать высоту Христіанскаго смиренія. Епископъ Тверскій Андрей, сынъ Литовскаго Князя, завидуя его возвышенію,

оклеветалъ предъ Патріархомъ, который прислалъ своего сановника судить Петра. Въ Переяславль Залѣвскомъ открылся соборъ, на коемъ присутствовали Епископъ Ростовскій Симеонъ съ обвинителемъ, почетнымъ духовенствомъ и Князьями. Мало заботясь о времени о величїи, Митрополитъ сказалъ собору: «я не лучше Пророка Іоны, если меня ради сіе волненіе, изгоните меня и молва утихнетъ.» Когда же просїала его невинность, кроткій Святитель отмстилъ клеветнику сими словами: «миръ тебѣ, чадо! не ты сіе сотворилъ, но изначала завидующій роду человѣческому діаволъ; ты же храни себя отъныиъ, а мимошедшее да проститъ тебѣ Богъ.»

Однако же въ тѣхъ случаяхъ, когда могло пострадать не его лице, но самая Церковь, Св. Петръ дѣйствовалъ съ твердостью ея защитника. Такъ онъ лишилъ сана виновнаго Епископа Сарскаго Исмаила и, страхомъ отлученія, удержалъ Князя Дмитрія Тверскаго отъ нападенія на Владиміръ. И въ самую Орду ходилъ онъ съ несчастнымъ его отцемъ Михаиломъ, какъ истинный пастырь сонутствуя дѣтямъ: тамъ прїобрѣлъ общее уваженіе Хана Узбека и Монголовъ, недавно принявшихъ лжеученіе Корана: ярлыкъ ханскій, свидѣтельствуя о расположеніи къ нему Узбека, послужилъ залогомъ благоволенія всѣхъ послѣдующихъ Хановъ: «Никто да не обидитъ на Руси церковь соборную, Петра Митрополита, архимандритовъ, игуновъ, поповъ;

земли ихъ свободны отъ всякія дани и пошлыны, ибо все то есть Божіе, и люди сіи молитвою своею блюдутъ насъ, да будутъ они подсудны одному Петру Митрополиту, согласно съ древними ихъ законами: да пребываетъ Митрополитъ въ тихомъ и кроткомъ житіи, да правымъ сердцемъ и безъ печали молитъ за насъ и дѣтей нашихъ. Кто возьметъ что нибудь у духовныхъ, завлать вътрое: кто дерзнетъ порицать вѣру Русскую, кто обидитъ церковь, монастырь, часовню, — да умретъ.»

Уваженіе, коимъ пользовался Первосвятитель, посреди междоусобій удѣльныхъ Князей, было спательно для всего государства, соединяемаго въ одно цѣлое только лицемъ Митрополита Всероссійскаго. Великій Князь Іоаннъ Московскій постигъ всю важность его духовной власти, когда ласками и моленіемъ убѣдилъ Митрополита переселиться въ свою любимую отчину Москву, которая съ того времени сдѣлалась столицею. Но не безъ высшаго побужденія, исполнилъ Св. Петръ желаніе Іоанна; онъ предвидѣлъ грядущую славу еще убогой тогда Москвы, и убѣдилъ Князя положить въ ней основаніе каменному собору Успенія. «Если ты успокоишь мою старость, говорилъ онъ, если воздвигнешь здѣсь храмъ достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ прочихъ Князей и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ, Святители захотятъ обитать въ немъ, и руки его въздуютъ на плечи враговъ нашихъ!»

Такъ, словами древняго труженника Патріарха Іакова, въ часъ смертный предрекшаго львиною силу племени Іудова, Св. Петръ, отходя съ миромъ отъ многотруднаго своего странствія, въ духъ предвѣднѣя говорилъ Іоанну, и сбѣлось его заповѣдное слово: — въ томъ храмѣ, гдѣ самъ онъ приготовилъ себѣ въ стѣнѣ гробницу, въ виду неслыханныхъ мощей его, какъ бы предъ лицомъ самаго Святителя, вѣчаютъ преемники Іоанновы, уже не Московскіе только и Владимірскіе, но владыка міра девятою частію, которая едва въ себѣ вышнѣаетъ одну Русь!

Умилительно для каждаго сына Церкви и отечества созерцать благословеніе Богоматери, постоянно пребывающее надъ Русскою землею, притекашею навсегда къ ея покрову. Священный соборъ Апостоловъ на Сіонѣ, при ея успеніи, служитъ основаніемъ всѣмъ престольнымъ соборамъ нашего отечества. Въ Корсунскомъ храмѣ Богоматери крестилея Св. Владиміръ и въ честь ея воздвигъ первый соборъ Десятинный; въ храмѣ Софійскомъ Царьграда, празднуешемъ успенію Дѣвы, которая была храмомъ воплощенной Премудрости Божіей, увѣровали въ Господа послы Владиміровы, и Ярославъ великій соорудилъ два Софійскихъ собора, въ Кіевѣ и Новгородѣ, своихъ столицахъ. Цустыиникъ Антоній, устроая, по подобію Св. горы, свою пещерную лавру, колыбель обителей Русскихъ, посвятилъ ее также успенію Богоматери.

Боголюбскій хотѣлъ создать новую столицу сѣвера, и положить первый камень величаваго собора успенскаго во Владимирѣ, въ честь ея иконы, написанной Евангелистомъ Лукою. Такимъ же храмомъ красуется древній Ростовъ; Полоцкъ и Смоленскъ празднуютъ пречистой Дѣвѣ. Наконецъ, по волю Провидѣнія, Москва долженствуетъ сдѣлаться главою Руси, и старецъ Петръ идетъ въ ней основаться, младенчески держась за покровъ Владычицы, и только въ храмъ ея успенія ищетъ упокоенія себѣ и могущества Россіи. Именемъ ея укрѣплялъ себя въ битвахъ и народъ Русскій; войны Кіева, Новгорода и Полоцка бились за Св. Софію; Владимирцы и ратники Ростова, Смоленска, Москвы, за домъ пресвятыя Богородицы. Сей воинственный кличъ свидѣтельствовалъ о благочестіи предковъ; сердцемъ каждаго ихъ города былъ соборный храмъ, и его имя служило залогомъ побѣды: «за Св. Софію! за домъ Пресвятыя Троицы!» страшно раздавалось въ рядахъ Новгорода и Пскова, когда святые витязи, Невскій и Довмонть, разили Шведовъ и Меченосцевъ.

Вмѣстѣ съ соборомъ успенскимъ основалъ еще Іоаннъ въ своей новой столицѣ храмъ Спаса на бору, почитаемый древнѣйшимъ изъ всѣхъ Московскихъ, и Архангельскій соборъ, гдѣ самъ опочилъ съ миромъ. Вокругъ сей первой великокняжеской гробницы стали гробы его долгаго племени, въ родословномъ порядкѣ, какъ могильная лѣтопись

царства Русскаго. Деревянный Кремль, начатый
тѣмъ же Княземъ, обнесъ тогда же, своею зуб-
чатой стѣною, зараждающуюся силу Русь, какъ
свитокъ, въ коемъ должна была вписаться вся ея
святыня.

МИТРОПОЛІЯ ВЪ МОСКВѢ.

26. ТЕОГНОСТЬ.

По кончинѣ Св. Петра, который какъ неизблемый камень, положенъ былъ въ основаніе митрополіи Московской, пришелъ, отъ Патріарха Исаин, Митрополитъ Теогность и поселился во дворѣ своего предѣстника. Одинъ только Калита могъ дать ему пристанище въ мирномъ своемъ княженіи: Галичъ палъ, Кіевъ былъ уже въ рукахъ Гедимина. Грекъ родомъ, Теогность постигъ однакоже взаимныя отношенія В. Князя съ Удѣльными, и въ двадцатилѣтнее свое правленіе постоянно содѣйствовалъ Іоанну и сыну его Симеону гордому, во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ, чѣмъ много способствовалъ къ возвеличенію княженія Московскаго; ибо власть духовная, бывшая всегда на сторо-

1328.

нѣ В. Князя, давала ему сильный перевѣсъ. Такъ сопутствуя Іоанну въ походѣ его на Псковъ, который не хотѣлъ отпустить Князя Тверскаго Александра, требуемаго въ Орду, Феогность одолѣвъ гражданъ страхомъ запрещенія церковнаго и тѣмъ предупредилъ новыя разоренія Монголовъ; въ другихъ обстоятельствахъ и мятежный Новгородъ примирился съ В. Княземъ чрезъ его посредство. Но странствованія его, по отдаленнымъ епархіямъ Русскимъ, были обременительны для духовенства и даже возбудили въ послѣдствіи жалобы Владыки Новгородскаго Моисея къ Патріарху.

Наипаче въ дѣлахъ церковныхъ оказалъ Феогность чрезвычайную твердость. Когда Св. Архіепископъ Моисей, не смотря на моленіе вѣча народнаго, оставилъ престолъ Софійскій, Новгородцы послали избраннаго на его мѣсто Василія, для посвященія во Владимиръ Волинскій, гдѣ тогда находился Митрополитъ. И Псковитяне, желая имѣть особеннаго Епископа, отправили туда съ тою же цѣлію нѣкоего Арсенія. Но не смотря на всѣ ихъ убѣжденія и на требованія сильнаго язычника Гедимина, обладавшаго Волиною, Феогность не рѣшился нарушить порядка церковнаго. Князь Литовскій уважилъ санъ Митрополита, хотѣлъ однакоже схватить Архіепископа; но онъ спасся бѣгствомъ и деньгами отъ погони.

Василій былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ владыкъ Новгорода, столько же искусный въ дѣ-

лахъ гражданскихъ, какъ и духовныхъ; онъ много украсилъ Св. Софію, и чрезъ дружественныя сношенія съ Митрополитомъ ограждалъ свою область отъ В. Князя. Магнусъ, Король Шведскій, ревнуя обратить Новгородъ къ Церкви Латинской, просилъ Василія совѣщаться о вѣрѣ съ его посланни: но владыка благоразумно отклонилъ преніе, обративъ ихъ къ Патріарху. Самъ Патріархъ Филофей, уважая его достоинства, прислалъ ему въ благословеніе крещатыя ризы и бѣлый клобукъ, какъ посвященному въ санъ архіерейскій изъ блага духовенства, и употребленіе клобука сего перешло въ послѣдствіи къ Митрополитамъ, вѣроятно когда нѣкоторые изъ нихъ поступили въ Москву изъ владыкъ Новгорода.

Митрополитъ, стараясь искоренить злоупотребленія, вкравшіяся въ монастыри отъ ига Татарскаго, самъ твердо стоялъ въ Ордѣ за права духовенства и даже испыталъ тамъ гоненія. Случай странный: — сынъ Узбека, Чанибекъ, требовалъ у него разрѣшенія отъ льготныхъ грамотъ, дарованныхъ отцемъ его Св. Петру; ибо хотѣлъ наложить дань на духовенство, но не смѣлъ преступить слова родительскаго. Митрополитъ поддержалъ и здѣсь свое достоинство, личными дарами избавился отъ ханскаго гнѣва, но сохранилъ на будущее время преимущества Церкви. Черная смерть, язва, свирѣпствовавшая въ Россіи и по Европѣ, въ одинъ годъ поразила и В. Князя Симеона, съ

его семействомъ, и Митрополита Теоноста и Архiepископа Василія, на мѣсто коего гражданае возвели опять схимника Моисея.

Три Епископа погребали Митрополита Теоноста, близъ гроба его святаго предѣстаника, въ Успенскомъ соборѣ: Аванасій Волинскій, изгнанный изъ своей епархіи Литовскимъ Княземъ, другой Аванасій, первый Епископъ вновь учрежденной Коломенской епархіи, и Св. Алексій, рода боярскаго Плещеевыхъ, уже двѣнадцать лѣтъ бывший намѣстникомъ Митрополита, сперва въ Кіевѣ, потомъ во Владимірѣ и Москвѣ, на время частыхъ его отлучекъ.

27. Святый Алексій.

1353.

Провидѣніе, съ юнаго возраста избравшее Алексія на подвиги духовные, въ маститой старости укрѣпило его для спасенія отечества, обуреваемого, при слабомъ княженіи Іоанна II и въ младенческіе годы сына его Димитрія. Орда, еще грозная на востокъ, съ запада возрастающая сила Ливты, при Ольгердѣ, постепенно отторгав-

шемъ древнее достояніе наше; внутри же мятежная независимость Новгород, Пскова, и соперничество трехъ сильныхъ князей, Тверскаго, Рязанскаго и Суздальскаго, которыхъ Князья принимали титулъ Великихъ, — такова была политическая буря, которой противусталъ Алексій, и въ теченіе двадцати четырехлѣтняго святительства, можно сказать, былъ правителемъ государства. Онъ сохранилъ возмужалому Дмитрію то, что гердый его дядя оставилъ слабому его отцу.

Нечаянное пришествіе Θεодорита, самовольно присланнаго Патріархомъ Болгарскимъ на митрополию Русскую, еще при жизни Θεогноста, побудило сего Святителя, съ одобренія В. Князя, просить Патріарха Цареградскаго Филоея о назначеніи себѣ преемникомъ Алексія; согласіе патріаршее прішло уже по ихъ кончинѣ. Но едва новый Митрополитъ успѣлъ возвратиться изъ Константинополя, куда звали его на поставленіе, какъ услышалъ, что, по волѣ того же Патріарха, посвященъ въ Россію еще другой Митрополитъ Романъ, и снова принужденъ былъ предпринять трудное путешествіе въ Грецію. Однакоже ни одна епархія Русская не хотѣла признать Романа; онъ оставался на Волини, гдѣ Князья Литовскіе съ неудовольствіемъ смотрѣли на подчиненіе завоеваннаго ими края духовной власти Митрополитовъ Московскихъ.

Скоро просіяла святость Алексія въ самой

Ордѣ. Ханъ Чанибекъ просилъ Іоанна прислать къ нему главнаго пастыря Русскаго, молившимъ коего никогда не отказывалъ Богъ, для исцѣленія своей супруги Тайдулы, и помолясь надъ гробомъ чудотворца Петра Митрополита, Алексій съ твердою вѣрою пошелъ въ Орду и исцѣлялъ болящую. Чрезвычайныя милости и новыя льготы духовенству были знакомъ признательности Ханской; но вслѣдъ за тѣмъ смятенія возникшія въ Ордѣ, по случаю убійства Чанибека сыномъ его, заставили Митрополита опять идти къ Монголамъ. Тамъ, предъ свирѣпымъ Бердибекомъ не убоился онъ стоять за права княженія Московскаго, и, во ходатайству исцѣленной имъ ханской матери, опять былъ отпущенъ съ честью.

Съ тѣхъ поръ уже Св. Алексій не отлучался изъ вѣдѣловъ государства, но внутри его былъ строгимъ исправителемъ нравовъ духовенства и мірянъ, между коими старался распространить просвѣщеніе, и вѣсть съ тѣмъ дѣлался примирителемъ Князей, или въ отсутствіе Дмитрія, всегда прибѣгавшаго къ его мудрому совѣту, управлялъ думою боярскою, давая перевѣсъ великому княженію надъ прочими удѣлами. Тщетно Князь Суздальскій Дмитрій, временно назначенный Великимъ, звалъ къ себѣ во Владиміръ Святителя, который не захотѣлъ оставить гроба чудотворца и юнаго сына Іоаннова. Онъ возбудилъ упадшій духъ гражданъ юной столицы, при грозномъ нашествіи Ольгерда,

и сею печальною твердостью сокрушилъ его честолюбивые замыслы: и древнюю столицу, Кіевъ, подвластную иноплеменному Князю, искалъ воздвигнуть Алексій отъ заустѣнія развалинь, подъ конни погребена была ея многолѣтняя слава. Къ его суду обратились враждующіе между собою Князья Тверскіе, дядя съ племянниками, будучи недовольны разсужденіемъ собственнаго Епископа Василя, и на дворѣ своемъ держалъ онъ заложникомъ ихъ юнаго родственника, выкупленнаго изъ плѣна Ордынскаго Дмитріемъ. Столь же властительски вступился онъ въ междоусобіе двухъ братьевъ Князей Суздальскихъ, изъ коихъ младшій незаконно овладѣлъ Нижнимъ Новгородомъ, и чтобы принудить ихъ къ миру, положилъ даже запрещеніе на ихъ столицу, устами кроткаго отшельника Сергія.

Съ именемъ Сергія, новый монашескій міръ образуется на сѣверѣ Россіи. Начало его пустынной обители, въ сосѣднихъ лѣсахъ Московскихъ, столько же важно, какъ ископаніе нещеры Антоніевой на берегахъ Днѣпра, ибо подобно Антонію ему суждена была слава сдѣлаться отцемъ иночествующихъ въ Россіи. Родомъ изъ Ростова, Сергій, съ юныхъ лѣтъ, оставилъ домъ родительскій и вмѣстѣ съ братомъ Стефаномъ, поселился въ дремучихъ окрестностяхъ Радонежа, гдѣ скоро былъ имъ оставленъ. Въ суровомъ уединеніи устоялъ онъ противъ всѣхъ искушеній и дѣлалъ пищу съ дикими звѣрями, докогда молва о его свя-

той жизни не привлекла къ нему учениковъ; они принудили отшельника идти въ Переяславль Залѣскій принять санъ священства, отъ жившаго тамъ Епископа Волынскаго Аванасія. Собственными трудами Сергій соорудилъ, посреди бора, деревянную церковь, во имя живоначальной Троицы, и она обратилась въ ту знаменитую лавру, судьба коей сдѣлалась неразлучна съ судьбами столицы, и отколѣ столько разъ истекало спасеніе всей землѣ Русской.

Святители и Князья обращались къ Сергію, не только ради наставленія духовнаго, но и дабы получать отъ него наставниковъ, усовершенствованныхъ въ его уединенной бесѣдѣ, которые въ свою чреду могли бы дѣйствовать благимъ примѣромъ; ибо, съ появленіемъ Сергія, началась у насъ какъ бы вторая эпоха житія иноческаго, и полнымъ цвѣтомъ его оживилось печальное отечество, страдавшее отъ язвъ Татарскихъ. Такъ, по просьбѣ брата великокняжескаго Владиміра, ученикъ Сергіевъ, Аванасій основалъ въ Серпуховѣ монастырь Высоцкій, и другой ученикъ его Савва положилъ начало Звѣнигородской обители, а племянникъ Феодоръ обители Симоновской въ Москвѣ. Самъ великій угодникъ Божій указалъ ему мѣсто на живописномъ берегу рѣки, въ виду столицы, и благословилъ В. Князя устроить въ Коломнѣ Голутвинъ монастырь на память Донской побѣды. Въ самый часъ сей рѣшительной битвы, впервые потрясшей владычество

Монголовъ, Дмитрія подкрѣпляла молитва святаго старца; два его схимника, Пересвѣтъ и Осляба, сражались въ рядахъ, подъ бронейю воинскою поверхъ ихъ схимы, и Пересвѣтъ началъ битву поединкомъ съ исполиномъ ордынскимъ. Кровію своею запечатлѣлъ онъ грядущее освобожденіе земли Русской и былъ начаткомъ тѣхъ витязей-инокъ лавры Троицкой, которые прославили себя въ другіе бѣдственные дни отечества; тѣла Пересвѣта и Ослябы положены въ основаніе Симоновской обители, на старомъ ея мѣстѣ.

Самъ Митрополитъ Алексій, основавшій многіе монастыри: великолѣпный Чудовъ посреди Кремля, и внѣ стѣнъ его женскій, во имя своего Ангела, и Царя Константина въ прежней столицѣ Владимірской, и въ Нижнемъ на берегахъ Волги Печерскій, на память Диѣпровскихъ пещеръ Антонія, просилъ себѣ также ученика отъ Сергія, устроая въ Москвѣ обитель Андроніевскую, по обѣту данному имъ посреди бурнаго плаванія въ Царьградъ. Когда же чувствуя приближающуюся кончину, осмидесятичетырехлѣтній Святитель, бодрый до послѣдняго часа, хотѣлъ благословить себѣ преемникомъ Сергія, скромный инокъ со страхомъ отклонилъ отъ себя драгоцѣнную святительскую панагію, «отъ юности моей, смиренно сказалъ онъ, я не былъ златоносецъ, въ старости же напротивъ хочу пребыть въ нищетѣ.» Св. Алексій имѣлъ причину заранѣе избирать себѣ преемника, ибо еще

при жизни его тотъ же Патріархъ Филовей посвя- тилъ другаго Митрополита Кириана, родомъ Серба, вѣроятно на мѣсто умершаго Романа; но онъ не былъ принятъ Димитріемъ и оставался жить въ Кіевѣ до кончины своего предѣстника и во время неурядицъ церковныхъ, послѣ нее возникшихъ.

1378.

Едва нетлѣныя мощи блаженнаго Алексія по- ложены были въ основанной имъ Чудовской оби- тели, какъ духовникъ Великаго Князя, недавно по- стриженный изъ бѣлыхъ священниковъ, Архиман- дритъ Симоновскій Митяй, превозносясь его ми- лостію, взошелъ самовольно во дворъ митрополичій и началъ распоряжать дѣлами церковными, какъ настоящій владыка. Опъ требовалъ себѣ посвяще- нія въ Москвѣ отъ собора Епископовъ; но Діони- сій Суздальскій и Св. Сергій возстали противъ се- го нарушенія порядка церковнаго, ибо и самъ Алек- сій, не смотря на просьбы Димитрія, не рѣшился благословить Митяя на митрополию.

Сергій указывалъ В. Князю на Діонисія, какъ на любимаго ученика усопшаго, которому онъ ввѣ- рилъ нѣкогда свою Печерскую обитель, и дабы из- бавить его отъ гоненій самозванца Митяя и узъ темничныхъ, взялъ къ себѣ на поруку; однако Діо- нисій не поберегъ святаго старца и тайно бѣжалъ въ Царьградъ. Тогда и Митяй, опасаясь, чтобы Патріархъ не облекъ соперника саномъ Митрополи- та, отплылъ съ великою пышностію въ Констан-

тинополь, но скончался на морѣ, въ виду столицы Греческой; а бывшій при немъ архимандритъ Пимень, воспользовался грамотами княжескими, къ Царю и Патріарху Нилу, и обманомъ исходатайствовалъ себѣ посвященіе. Димитрій, раздраженный столь коварнымъ поступкомъ, заточилъ его въ Твери; въ Кіевъ же послалъ племянника Св. Сергія, архимандрита Теодора, звать Кипріана на митрополию всея Руси.

28. КИПРІАНЪ.

Это происходило въ годъ знаменитаго побѣда Мамаева, покрывшаго безсмертною славою витязя Донскаго. Побѣда Куликовская чрезъ полтора столѣтія была мстительнымъ отголоскомъ несчастной сѣчи на Калкѣ, но еще Россія не отдохнула отъ бѣдствій. Два года спустя, губительное нашествіе Хана Тохтамыша предало опять запустѣнію ея предѣлы восточные, и дѣти измѣнника, Князя Олега Рязанскаго, ввели Татаръ въ Кремль Московскій, оставленный В. Княземъ и Митрополитомъ. Удаленіе Кипріана изъ мятущейся столицы, предъ самымъ нашествіемъ, и пребываніе въ Твери у со-

перника Дмитріева, Князя Михаила Александровича, возбудило противъ него негодованіе В. Князя и заставило опять поселиться въ Кіевѣ. Пимень, вызванный изъ заточенія, заступилъ его мѣсто, хотя не на долго, будучи принужденъ идти въ Константинополь, по зову Патріаршему, чтобы судиться тамъ съ Кипріаномъ, который не хотѣлъ уступить ему своего права.

Явился и третій Митрополитъ: Діонисій, посвященный въ Епископы Суздаю Св. Алексіемъ, получилъ въ Царьградѣ санъ Архіепископа и хотя путешествіе его было предосудительно, однако же по своимъ пастырскимъ добродѣтелямъ и краснорѣчію, онъ пользовался уваженіемъ В. Князя и народа, которые набожно приняли отъ него Св. иконы и мощи, принесенныя имъ съ востока. Онъ успокоилъ въ Новгородѣ неудовольствія церковниковъ и гражданъ, роптавшихъ на большія издержки, требуемыя отъ нихъ при поставленіи въ санъ духовный, и опредѣлилъ число денегъ, уставною грамотою Патріарха, которую принесъ Владыкѣ Новгородскому Алексію; волценіе сіе уже обнаружилось однажды, ересью Стригольниковъ, хулившихъ рукоположеніе священническое. — Діонисій вторично посѣтилъ Царьградъ съ Теодоромъ, духовникомъ В. Князя, и вѣроятно съ его согласія исходатайствовалъ себѣ санъ Митрополита, ибо Пимена никогда не любилъ Дмитрій, но на обратномъ пути его, сынъ Ольгерда, Князь Кіевскій

1384.

Владиміръ, державшій сторону Кипріана, остано-
вилъ Діонисія, какъ неправильно поставленнаго при
жизни другаго Митрополита, и онъ скончался въ
Кіевѣ, гдѣ погребенъ въ пещерахъ.

Наконецъ, Пименъ еще разъ позванный въ
Константинополь на судъ Патріарха Антонія, скон-
чался въ Халкидонѣ, и соперникъ его объявленъ
былъ единственнымъ Митрополитомъ всея Руси. Сынъ
Донскаго, Василій, уже по кончинѣ отца, принявъ
Первосвятеля съ великою честію въ Москвѣ, куда при-
шелъ онъ въ сопровожденіи двухъ Митрополитовъ Гре-
ческихъ и семи Русскихъ Архіереевъ; трое изъ нихъ,
Θеодоръ, Евфросинъ и Исакій, посвящены были въ
Царьградѣ въ санъ архіепископскій на епархіи Ро-
стова, Суздаля и Чернигова. Такимъ образомъ
прекратился на время разрывъ единства церков-
наго.

1390.

Кипріанъ напомнилъ собою великое лице Ки-
рилла, собирателя земли Русской; столь же опыт-
ный въ дѣлахъ церковныхъ, какъ и гражданскихъ,
онъ въ теченіи осмнадцати лѣтъ своего правле-
нія, былъ въ полномъ смыслѣ Митрополитомъ всея
Руси, не смотря на рѣзкое ея раздѣленіе между
Литвою и Москвою. Прежнее пятнадцатилѣтнее
пробываніе въ Кіевѣ привлекло ему любовь всѣхъ
Заднѣпровскихъ Епископовъ и уваженіе самаго
Ольгерда, обращеннаго въ Христіанство супругою
своею Марією, Княжною Тверскою. Оно спаситель-
но было для православія всего южная края; ибо

Папа Григорій XI, по просьбѣ Короля Польскаго Людовика, учредилъ уже четыре Латинскія епархїи въ Перемышлѣ, Холмѣ, Владимірѣ и Львовѣ.— Можно предполагать даже, что виною произвольнаго назначенія Романа и Кипріана въ Митрополиты полуденной Россїи, при жизни Св. Алексія, было опасеніе Патріарховъ за чистоту ея исповѣданія.

Хотя намѣстники Литовскіе въ Кіевѣ продолжали исповѣдывать вѣру православную, но самъ Великій Князь Ягелло, сынъ Ольгердовъ, будучи избранъ на престолъ Польскій, крестился со всемъ своимъ народомъ отъ Римскихъ священниковъ, и преемникъ его въ Литвѣ, могущественный Витовтъ, принялъ также исповѣданіе Латинское, сильно содѣйствуя распространенію онаго въ Вильнѣ и на Волыни; даже въ Кіевѣ устроенъ былъ монастырь Доминиканскій. Однако Ягелло и Витовтъ уважали санъ и характеръ Митрополита Кипріана, умѣвшаго угождать имъ по мѣрѣ возможности, и не старались отдѣлать своихъ подданныхъ отъ его власти духовной; ибо переселясь въ Москву, онъ не преставаъ посѣщать Кіева и Литвы. Родственный союзъ Великихъ Князей способствовалъ къ согласію церковному: дочь Витовта Софія вступила въ супружество съ Васиіемъ, и Кипріанъ, сопровождая Великую Княгиню въ Вильну, къ отцу ея, посвящаль тамъ Епископовъ, устраиваль дѣла церковныя и предупредилъ своего Госу-

даря о замыслахъ Литовскихъ, когда въ другой разъ опять имѣлъ свиданіе съ Витовтомъ и Ягелломъ.

Не менѣе благоразумно было его управленіе въ предѣлахъ Московскихъ. Чувствуя всю важность единства церковнаго, всѣми силами старался онъ возстановить въ Новгородѣ права іерархическія, нарушенныя во время слабаго правленія Пимена, самоуправствомъ вѣча, которое отказалось отъ верховнаго суда Митрополитовъ, чтобы избавиться отъ судныхъ пошлинъ, и предоставило окончательное рѣшеніе въ дѣлахъ духовныхъ своему Владыкѣ. Но неудачно было первое покушеніе Кипріана, и безъ благословенія оставилъ онъ непокорныхъ гражданъ, не хотѣвшихъ повиноваться даже грамотѣ патріаршей. Самъ В. Князь вступился въ дѣло сіе, частію государственное, ибо подчиненіе Ногорода, власти духовной Первосвященителя, дѣлало его болѣе зависимымъ отъ Москвы, въ отношеніяхъ гражданскихъ. Вѣче смирилось, хотя не на долго; новыя его смятенія возбудили войну, и добрый Архіепископъ Іоаннъ претерпѣлъ заточеніе въ Чудовъ монастырь, за непокорность своей паствы.

Тверь и Рязань жили въ согласіи съ Москвою, а Суздаль, еще со временъ Донскаго, почитался уже ея областію. Кипріанъ, по просьбѣ дружественнаго ему Князя Тверскаго Михаила, посвятилъ на мѣсто отрѣшеннаго Епископа Евфимія, Св. Арсенія, прославившагося своимъ благочестіемъ, кото-

рый основалъ близъ Твери Желтиковъ монастырь и тамъ нетлѣнно почиваетъ. А Олегъ Князь Рязанскій, послѣ нашествія Тохтамышева, былъ наконецъ умрениъ убѣжденіями Св. Сергія, навсегда укротившаго его враждующее сердце. Оба знаменитые соперника Димитрія, Михаилъ и Олегъ, скончались въ одно время, иноками, и въ союзѣ съ его сыномъ, а съ ними угасла и слава ихъ княжествъ.

Въ княженіе Василіево преставился, въ глубокой старости, и великій поборникъ своей земли Сергій, посреди благословеній современниковъ, которыя скоро обратились въ молитвы о заступленіи, когда обрѣтены были его нетлѣнныя мощи. Ученикъ его, святыи игуменъ Никонъ, обрѣлъ ихъ послѣ разоренія Эдигеева, созидавая каменный Троицкій соборъ, и положилъ во утвержденіе своей лавры, которую съ тѣхъ поръ не постигло ни одно изъ бѣдствій, поражавшихъ сосѣднюю Москву. Другой великій залогъ спасенія столицы перенесенъ былъ въ ея Успенскій соборъ, изъ престольнаго Владиміра, когда угрожаю иное страшное нашествіе. Завоеватель Востока, Тамерланъ, внезапно наступилъ на Орду и сокрушивъ Тохтамыша, быстро двинулся во внутрь нашего отечества, все предавая огню и мечу. В. Князь съ войскомъ ждалъ его на берегахъ Оки; Митрополитъ съ гражданами встрѣтилъ въ Москвѣ древию икону Богоматери, и въ самый тотъ день обра-

тился вспять Тамерланъ. Монастырь Срѣтенскій 1395. воздвигнуть въ Москвѣ на память избавленія Россіи, празднующей съ тѣхъ поръ 26 Августа.

Многія обители начали возникать на сѣверѣ, со времени Св. Алексія и въ долгое правленіе Кириана. Въ Суздаль ученикъ Архіепископа Діонисія, Св. Евфимій, основалъ свой знаменитый Спасскій монастырь; и въ Москвѣ благочестивая вдова витязя Донскаго Евдокія, подъ именемъ Евпраксіи, постриглась въ устроенной ею въ Кремлѣ Вознесенской обители, гдѣ рядомъ съ ея гробницею начали погребаться всѣ Великія Княгини и Княжны возвеличеннаго дома Московскаго. Больше всѣхъ прославилась пустыня Бѣлозерская, которою положилъ начало собесѣдникъ Сергіевъ и постриженникъ Симоновскій Св. Кирилль. Жажущій совершеннаго безмолвія, уединился онъ на глухихъ берегахъ Бѣлаго озера; но не могъ оставаться подъ спудомъ подобный свѣтильникъ, и процвѣтшая его обитель наравнѣ съ Сергіевою, сдѣлалась предметомъ глубочайшаго уваженія Царей нашихъ, наипаче Грознаго. Въ свою чреду была она разсадникомъ другихъ окрестныхъ и отдаленныхъ пустынь. Отъ бѣлыхъ водъ ея озера перенесъ Св. Савватій зародышъ иночества на сѣдья волны Океана; тамъ на безлюдныхъ островахъ Бѣлаго моря, сотрудникъ его Германъ и преемникъ Св. Зосима утвердили начало Соловецкой лавры, которая стала славною гранію нашего оте-

чества на сѣверѣ и просвѣтила Христіанствомъ все поморіе.

Подобно симъ двумъ первостепеннымъ обителямъ, другія, менѣе значительныя, столь же благодѣтельно дѣйствовали на дикую окрестность. Недалеко отъ Бѣлозерска, одинъ изъ Князей его открылъ цѣлое общество иноковъ, на пустынномъ каменномъ острову Кубенскаго озера, которые занимались единственно проповѣдью слова Божія народамъ Чудскимъ. — И еще далѣе къ сѣверу простерлось благочестивое ихъ рвеніе: инокъ Лазарь основалъ свою Успенскую обитель на берегахъ Онежскаго озера для обращенія Лопарей, и въ то же время монахи Валаамскіе просвѣщали святымъ крещеніемъ сосѣднихъ Кореловъ.

Не только духовное образованіе, но и самое населеніе сѣверныхъ и восточныхъ предѣловъ Россіи, совершилось чрезъ размноженіе обителей, вокругъ коихъ начинали селиться жители, привлекаемые льготами ханскими и несудимыми грамотами, дарованными отъ Князей духовенству. Такимъ образомъ, каждый монастырь разширяя границы наши, дѣлался средоточіемъ новаго края и даже оплотомъ въ случаѣ нападенія дикихъ народовъ. Великая Пермь, куда прежде ходили за рухлядью промышленники Новгородскіе, прибрѣтена Россіи однимъ инокомъ, чрезъ проповѣдь имени Христова: Св. Стефанъ, проникнутый ревностію Апостольскою, цоболѣлъ сердцемъ о грубомъ язычествѣ

Пермянь, и съ дѣтства изучивъ языкъ ихъ, избрѣлъ писмена. Одинъ пошелъ онъ проповѣдывать Христа въ глухіе лѣса Перми и вѣрою одолѣлъ все препоны враждебныхъ жрецовъ; на рѣкѣ Выми основана имъ первая убогая церковь, отколѣ распространилось мало по малу спасительное ученіе. Самъ онъ былъ посвященъ Епископомъ въ Пермь, руками Митрополита Пимена, и по многолѣтнимъ подвигамъ опочилъ въ Москвѣ, гдѣ доныпѣ соблюдаются святыя мощи его въ Спасскомъ соборѣ.

Великій современникъ столькихъ святыхъ 1407. подвижниковъ, Митрополитъ Кипріанъ, преставился, оплакиваемый В. Княземъ и всею обширною паствою, въ любимомъ подмосковномъ селѣ своемъ Голенищевѣ, гдѣ въ маститой старости искалъ упокоенія отъ молвъ житейскихъ. Тамъ посвящалъ часы уединенія описанію святаго житія своихъ предѣстниковъ Петра и Алексія, и собранію лѣтописей новаго своего отечества, которыя намъ сохранились подъ именемъ степенныхъ книгъ; ибо сей великій мужъ Церкви былъ вмѣстѣ мудрый ревнитель просвѣщенія. Предъ тихою кончиною написалъ онъ умиленное завѣщаніе къ своей паствѣ, въ которомъ прощая всѣхъ, смиренно просилъ самъ у всѣхъ прощенія, и заповѣдалъ прочесть оное надъ своимъ гробомъ; по примѣру его и все грядущіе Митрополиты Московскіе оставляли послѣ себя подобныя завѣщанія.

29. Фотій.

1410. Три года не было Митрополита въ Россіи послѣ Кипріана, доколѣ Патріархъ Матѳеѣй не прислалъ Фотія, посвященнаго изъ строгихъ иноковъ страны Амморейской. Пришествіе его сперва въ Кіевъ, а потомъ въ Москву, случилось въ самую тяжкую годину разореній Татарскихъ, какимъ опять подверглось отечество. Орда, раздѣленная междуусобіемъ рода Тимура и Тохтамыша, еще сильна была въ рукахъ правителя Эдигея, который подобно Мамаю располагалъ судьбою Хановъ. Ему хотѣлось смирить В. Князя, ибо благоразумный Василій, пользуясь войнами Орды съ Литвою, малою данію откупался отъ ига. Губительно было нашествіе Эдигеево; всѣ восточные предѣлы обратились въ пепель; дядя В. Князя, знаменитый сподвижникъ Донскаго, Владиміръ Андреевичъ, едва отстоялъ Кремль Московскій. Черезъ нѣсколько лѣтъ, и древній Кіевъ, со всею южною областію, подвергся мечу Татарскому, и съ тѣхъ поръ еще болѣе опустѣлъ.

Фотій нашель достояніе митрополіи частію разграбленнымъ, частію расхищеннымъ отъ самихъ бояръ, въ отсутствіе Первосвятителя, и горячо вступившись за имущество церковное, навлекъ на себя ихъ неудовольствіе, которое раздѣлилъ В. Князь. Инокъ, привыкшій къ уединенію пустынному, Фотій наскучилъ молвою въ странѣ ему чуждой, онъ тщетно искалъ тишины въ любимомъ пріютѣ Кипріана, гдѣ подобно ему предавался ученымъ занятіямъ, и на время удалился въ лѣсистые предѣлы Владимірскіе; но и оттолѣ изгнало его новое наше ствіе Царевича Ордынскаго, разорившаго престольный Владиміръ.

А между тѣмъ другое давно предвидѣнное бѣдствіе, поразило съ запада Церковь Россійскую. Ревнитель Рима Витовтъ, изъ уваженія къ Кипріану, не нарушалъ единства митрополіи; но неопытность Фотія въ дѣлахъ государственныхъ и строгость, съ какою собиралъ онъ доходы церковные, въ областяхъ Литовскихъ, побудили Князя къ разрыву, благопріятствовавшему его политическимъ видамъ. Въ Новгородѣ Литовскомъ созвалъ онъ всѣхъ своихъ Епископовъ: Θεодосія Полоцкаго, Исаакія Черниговскаго, Діонисія Луцкаго, Герасима Голынскаго, Іоанна Галицкаго, Севастіана Смоленскаго, Харитона Холмскаго, Павла Червенскаго, Евфимія Туровскаго, представилъ имъ трудность управленія церковнаго, подъ зависимостію чуждаго Первосвятителя, и требовалъ особеннаго

Митрополита Кіеву. Долго колебались православные Епископы исполнить волю иновѣрнаго Государя; но угрозы и томленія принудили ихъ преступить къ избранію. Мужъ ученый изъ Болгарь, Григорій Симвлакъ, отправленъ былъ соборомъ въ Царьградъ для посвященія, съ жалобой на Митрополита Фотія, дабы отклонить ответственность отъ избирателей за нарушеніе союза церковнаго; но Царь Мануилъ и Патріархъ Каллисть отвергнули прошенія собора. Самъ Митрополитъ Фотій, услышавъ о замыслахъ Литовскихъ, хотѣлъ идти предупредить ихъ къ Витовту и далѣе въ Царьградъ, но былъ ограбленъ на рубежѣ Московскомъ и принужденъ возвратиться; а Витовтъ изгнавъ его наиѣстника изъ Кіева, овладѣлъ всеми имѣніями митрополии въ своихъ предѣлахъ.

Несогласіе Патріарха Константинопольскаго на посвященіе Симвлака, не остановило гордаго Литовца, онъ созвалъ опять Епископовъ, въ Но-
1416. вгородокъ, и принудилъ рукоположить Григорія Митрополитомъ Кіевскимъ и всея Руси. Чувствуя однакоже неправильность своего поступка, соборъ хотѣлъ оправдаться окружною грамотою, въ которой обвинялъ не только корыстолюбіе Фотія, но и Царей Греческихъ, будто бы изъ личныхъ выгодъ посылавшихъ Митрополитовъ въ Россію, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъявлялъ свое уваженіе къ Патріархамъ Вселенскимъ и догматамъ православія. Съ своей стороны Фотій созвалъ Епископовъ области Мо-

сковской, предалъ анаѳемѣ дѣйствія собора Новгородскаго и самаго Симлака, и всѣми силами старался возстановить нарушенное единство Церкви; но не могъ сего достигнуть при жизни соперника, утвердившаго свою кафедру въ Вильнѣ.

Григорій, приверженный къ догматамъ Восточной Церкви, не равнодушно видѣлъ иновѣріе своего Государя и убѣждалъ обратиться къ православію; но Витовтъ, избѣгая самъ состязанія, принудилъ его ѣхать на Западъ, гдѣ дѣлался соборъ Констанскій. Симлакъ остался непоколебимымъ въ преданіяхъ отеческихъ и скоро скончался въ Вильнѣ. Тогда Митрополитъ Фотій, уже болѣе 1490. опытный, по долгому пребыванію въ Россіи, воспользовался обстоятельствами, и провожая В. Княгиню Софію къ отцу ея, возстановилъ согласіе, которое не нарушилось до смерти обоихъ, ибо въ послѣдніе дни Витовта, Митрополитъ имѣлъ еще разъ дружественное свиданіе въ Трокахъ съ нимъ и съ Королемъ Польскимъ Ягелломъ.

Весьма чувствительна была кончина Фотія для благосостоянія княжества Московскаго, терзаемаго междоусобіемъ единокровныхъ, послѣ мудраго правленія Василя Дмитріевича. Братъ его Юрій возсталъ на юнаго сына его Василя, законнаго В. Князя, котораго поддерживалъ Митрополитъ властію святительскою, смиряя непокорныхъ страхомъ отлученія. Но когда не стало въ Москвѣ главы церковнаго, вспыхнули опять раздоры, самые же-

стокіе въ лѣтописяхъ нашихъ. Казалось, прежде нежели могла отдохнуть Россія, отъ двухвѣковаго ига Татарскаго и внутреннихъ распрей, чтобы возвеличиться въ лицѣ Іоанна III, — всѣ сіи долготннн бѣдствія должны были въ послѣдній разъ обрушиться на отца его Василя. Чего не испыталъ онъ въ тридцатилѣтнее правленіе? И судъ въ Ордѣ предъ Махметъ Ханомъ съ честолюбивымъ дядею, и изгнание тѣмъ же Ханомъ, въ часъ неудачной битвы, и дважды сверженіе съ престола великокняжескаго отъ единокровныхъ, темницу и наконецъ самое ослѣпленіе! Но страдальцу сему обязано отечество за его твердость въ догматахъ православія, ибо никогда Церковь Россійская не подвергалась подобной опасности.

1432. Преемникъ Витовта Свидригайло, видя праздымъ престолъ первосвятительскій, послалъ любимца своего Епископа Смоленскаго Герасима въ Константинополь, гдѣ поставленъ былъ въ Митрополиты Патріархомъ Іосифомъ; но онъ оставался жить въ Смоленскѣ, чтобы ближе дѣйствовать на Москву, хотя ни та, ни другая епархія никогда не хотѣли признать его; только Новгородъ невольно къ нему обратился, по смерти своего Архіепископа Симеона, для посвященія на престолъ Софійскій Св. Евфимія, одного изъ самыхъ добродѣтельныхъ пастырей сего города. Чрезъ два года, пострадалъ Герасимъ отъ прежняго своего благодѣтеля: свирѣпый Свидригайло, узнавъ о его тайныхъ сно-

шеніяхъ съ соперникомъ по Литовскому княженію, Сигизмундомъ, къ ужасу всѣхъ православныхъ, сжегъ Митрополита въ Витебскѣ.

30. И с и д о р ь .

Между тѣмъ В. Князь Василій, скучая долгимъ лишеніемъ пастыря, соборно избралъ Епископа Рязанскаго Іону, мужа просіявшаго своими добродѣтелями въ бурные дни отечества, и отправилъ его для поставленія къ Патріарху Іосифу; но Іона уже засталъ въ Царьградѣ другаго Митрополита всея Руси, Исидора, назначеннаго изъ Епископовъ Иллирійскихъ. Это было въ самое бѣдственное время Греческой Имперіи, которая вся почти уже заключалась въ стѣнахъ одной столицы, подъ ужасомъ возрастающей грозы Оттоманской. Императоръ Іоаннъ, не видя спасенія внутри государства, искалъ его отъ западныхъ державъ.

Опытный старецъ, Евгений IV, сидѣлъ тогда на Римскомъ престолѣ, и хотя самъ состязался съ соборами Констанціи и Базеля, о власти папской, предложилъ однакоже Императору созвать въ Италіи соборъ для соединенія Церквей, обѣщая спа-

сти Царьградъ отъ Турокъ. Іоаннъ, вмѣстѣ съ Патріархомъ Іосифомъ и почетнымъ духовенствомъ, отплылъ въ Венецію; но какъ Россія составляла уже великую половину Восточной Церкви, то Исидоръ, другъ Папы, знаменитый умомъ своимъ и краснорѣчіемъ, былъ посланъ въ нее Митрополитомъ. Кіевъ и Москва встрѣтили его торжественно, вся Россія признала; но черезъ четыре мѣсяца началъ онъ проситься у В. Князя на соборъ, представляя ему, что всѣ Государи и Іерархи востока и запада стеклись для состязанія о вѣрѣ, и неприлично одной Россіи не имѣть тамъ представителя. Съ прискорбіемъ отпустилъ Василій Митрополита, убѣждая стоять твердо за догматы православія, и далъ ему спутникомъ Епископа Суздальскаго Аврамія, съ многочисленною свитою. Св. Евфимій Новгородскій провожалъ Архипастыря до своихъ предѣловъ, Магистръ Ливонскій съ честію его встрѣтилъ въ Ригѣ; оттолѣ моремъ отплылъ онъ до Любека и прибылъ въ Феррару, гдѣ его одного ожидали Императоръ и Папа для открытія собора.

Начались долгія пренія о исхожденіи Св. Духа, о чистилищѣ, о опрѣснокахъ, наипаче же о власти Папской. Императоръ и Патріархъ, удручаемые бѣдствіемъ отечества и нищетою, боролись долго, краснорѣчивый Марко, Митрополитъ Ефесскій, гремѣлъ противъ новыхъ догматовъ и честолюбія Рима; но Виссаріонъ Митрополитъ Никей-

скій и Исидоръ Русскій сильно клонили въ пользу Папы. Соборъ перенесли во Флоренцію, гдѣ скончался Патріархъ Іосифъ; наконецъ Евгеній одержалъ верхъ и провозгласилъ союзъ Церкви на условіяхъ благопріятныхъ Риму. Одинъ Маркъ Ефесскій не подписалъ соборныхъ опредѣленій и скрылся, чтобы потомъ быть на Востокъ ревнителемъ православія; ибо прочіе Вселенскіе Патріархи отринули Флорентинскій союзъ и, соединясь въ Константинополь, осудили всѣ его условія и акты. Императоръ возвратился безъ успѣха для упадающаго царства; никто изъ западныхъ Государей не подалъ ему помощи и даже не былъ во Флоренціи, благопріятствуя мнѣніямъ Базельскаго собора. Виссаріонъ и Исидоръ украсились багрянцею Римскою, а послѣдній титуломъ кардинала легата Апостольскаго въ Россіи. Торжественно возвращался 1440. онъ чрезъ Кіевъ въ Москву, съ дружелюбными грамотами Папы Евгенія къ В. Князю; но на первомъ богослуженіи, когда въ Успенскомъ соборѣ сталъ поминать Римскаго Первосвятителя, вмѣсто Вселенскихъ Патріарховъ, и когда архидіаконъ возгласилъ съ кафедры дѣянія Флорентинскаго собора, Василій съ гнѣвомъ обличилъ Исидора, называя его измѣнникомъ православія и лжепастыремъ. Онъ созвалъ Епископовъ и бояръ разсудить о новомъ ученіи; — никто не хотѣлъ признать въ Папѣ намѣстника Христова и всѣ единодушно отвергли догматы западные о исхожденіи Св. Духа и

отъ Сына, вопреки древнему символу, не смотря на хитрыя убѣжденія Исидора, котораго заключили въ Чудовъ монастырь: онъ бѣжалъ изъ подъ стражи и благоразумный Василій не велѣлъ его преслѣдовать. Принятый съ честію въ Римѣ, Исидоръ былъ посланъ въ Константинополь, гдѣ по случаю соединенія Церквей возникли волненія въ народѣ, предъ самымъ наденіемъ столицы; ибо два Патріарха, Митрофанъ и Григорій, одинъ послѣ другаго держались Флорентинскаго собора. Когда же послѣдній Константинъ палъ, на развалинахъ своей имперіи, на коихъ основалъ новую державу завоеватель Магометъ, тогда опять Исидоръ бѣгствомъ искалъ спасенія въ Римѣ и тамъ почтенъ титломъ Патріарха Константинопольскаго. Ученикъ его Григорій посвященъ былъ Митрополитомъ въ Кіевъ, гдѣ около сего времени учредилась кафедра Латинскихъ Епископовъ; но Григорія не признавали ни въ Россіи, ни даже въ Литвѣ, не смотря на покровительство Казимира, Государя Польскаго и Литовскаго. Такъ кончилось сіе покушеніе подчинить Россію Римскому престолу; но чрезъ полтора ста лѣтъ, тяжкими бѣдствіями, отозвалось оно отечеству, чрезъ Самозванцевъ и Унію.

31. Святый Іона.

Послѣ Исидора опять восемь лѣтъ сиротствовала Церковь Россійская. Въ теченіи сего времени Князь Димитрій Шемяка, овладѣвшій престоломъ ослѣпленнаго и заточеннаго имъ Василя, вызвалъ изъ Рязани Святителя Іону и предлагалъ ему санъ Митрополита, если только примирить его съ В. Княземъ: коварно убѣждалъ онъ старца принести ему на воспитаніе двухъ державныхъ младенцевъ Темнаго, которыхъ вѣрные бояре укрыли въ Муромѣ, его епархіи, обѣщая упокоить богатою отчиною ихъ несчастнаго родителя, или разорить городъ въ случаѣ отказа. Санъ первосвятительскій не могъ прельстить Іону, почитаемаго уже законнымъ преемникомъ митрополіа, но онъ надѣялся облегчить участь Василя, ибо не предвидѣлъ ему возможности царствовать, и исполнилъ желаніе Шемяки. На свой омофоръ принялъ онъ въ Муромскомъ соборѣ сыновей Тем-

наго; когда же Шемяка, измѣнивъ данной клятвѣ, сослалъ ихъ въ Угличъ въ заточеніе къ отцу, строгія увѣщанія святаго мужа заставили его исправить вѣроломство. «Ты посрамилъ мою старость, и нынѣ я весь во лжи: сведи грѣхъ съ своей души и съ моей; что тебѣ слѣпой Князь и малыя дѣти?» твердилъ опъ Шемякѣ, доколѣ не тронулъ его сердца. Вмѣсто узъ темничныхъ, связавъ Василія словомъ крестнымъ, предъ соборомъ Епископовъ, Шемяка отпустилъ его съ дѣтьми въ Вологду. Но Темный, предательски взятый врагомъ своимъ въ стѣнахъ Троицкой лавры, у раки чудотворца Сергія, въ стѣнахъ другой обители получилъ разрѣшеніе отъ невольной присяги. Игуменъ Бѣлозерскій Трифонъ принялъ клятву на себя съ братією, и ко благу отечества побудилъ В. Князя искать себѣ и дѣтямъ законнаго наслѣдія. Съ радостію встрѣтила Москва своего истиннаго Государя и первымъ его движеніемъ было послать опять Святителя Іону для поставленія въ Царьградъ.

Василій подробно описывалъ въ своей грамотѣ Царю и Патріарху о смятеніи, произведенномъ измѣною Митрополита Исидора, и о своей преданности древнимъ благочестивымъ догматамъ; но слухи о сношеніяхъ Константинополя съ Римомъ, заставили В. Князя остановить свое посольство. Въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, пять лѣтъ управлялъ Св. Іона Церковію безъ соборна-

го поставленія; видя же наконецъ продолжающееся неустройство на Востокъ, Василій созвалъ Епископовъ Россійскихъ. Ефремъ Ростовскій, Аврамій Суздальскій, бѣжавшій съ Флорентинскаго собора, Варлаамъ Коломенскій и Питиримъ Пермскій, въ послѣдствіи умерщвленный дикими жителями своей паствы за имя Христово, поставили Митрополитомъ всея Руси Іону, а Св. Евфимій Новгородскій и Епископъ Тверскій прислали утвердительныя грамоты.

Съ тѣхъ поръ, по случаю паденія имперіи 1453. Греческой, всѣ Митрополиты наши были поставляемы соборомъ своихъ Епископовъ, ибо не имѣли возможности ходить чрезъ земли Литовскія въ Царьградъ, бѣдствующій подъ игомъ Оттоманскимъ. Но союзъ духовный съ Церковію Восточною и самое подчиненіе престолу Константинопольскому сохранились неприкосновенными; при всѣхъ возможныхъ случаяхъ Патріархи сообщались, грамотами или чрезъ приходящихъ Архіереевъ, съ Митрополитами Русскими, и прочіе Вселенскіе Патріархи, снисходя къ тягостнымъ обстоятельствамъ времени, одобрили сей порядокъ посвященія, не нарушая союза, какъ явствуетъ изъ кормчей книги.

Но Св. Іона послѣдній носилъ званіе Митрополита Кіевскаго. Преемники его назывались уже Московскими и всея Руси; ибо въ Кіевѣ начался постоянный рядъ своихъ Митрополитовъ, подвластныхъ Литвѣ. Семь лѣтъ продолжалъ онъ являть

примѣръ всѣхъ пастырскихъ добродѣтелей, на престолѣ святительскомъ, утѣшалъ столицу во время пожаровъ и страшнаго нашествія Татаръ, едва не овладѣвшихъ Кремлемъ, и еще при жизни прославился свыше, даромъ предвѣденія и исцѣленій, подобно Св. Петру, предрекши освобожденіе отъ ига невѣрныхъ и славу Россіи.

1461. Правленіе Митрополита Юны кончилось почти въ одно время съ Василіевымъ. Благое Провидѣніе продлило святую жизнь великаго мужа Церкви до славныхъ временъ Іоанна III, новымъ блескомъ озарившаго Россію. Здѣсь съ изумленіемъ должно остановить взоръ на мимошедшихъ вѣкахъ рабства и вознести благодарную молитву къ Господу, который подъ сѣнію своей Церкви охранилъ юное царство, вѣрря кормило ея, посреди раздоровъ и плѣна, въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ, славному ряду великихъ Святителей. Едва появились Татары и разорили отечество наше, какъ одинъ за другимъ возстали, то изъ собственныхъ иждаръ его, то изъ Греціи, — Кирилъ и Максимъ, святые Петръ и Феогность, Алексій, Кипріанъ, Фотій и наконецъ Юна; которыхъ всѣхъ причла Церковь къ лику своихъ заступниковъ, увѣровавъ на опытѣ, еще при ихъ жизни, въ ту небесную защиту, какую даровали ей по блаженной кончинѣ. Время правленія каждаго было столь продолжитель-но, сила характера, приверженность къ Церкви столь неколебимы, и такъ умилительна святая

жизнь ихъ, что внутреннія бури, мало по малу, утихали по кроткому слову Святителей и, какъ въ нѣкоей пристани, вокругъ нихъ умирялись Князья, а внѣшнія волны часто разбивались о твердый оплотъ святительскаго сана. Съ благоговѣніемъ должна памятовать Россія сихъ священныхъ преступовъ мятежныхъ дней ея юности, наипаче же Кирилла, Петра, Алексія, Кипріяна и Іону.

Съ воцареніемъ Іоанна III измѣнились внѣш- 1462.
нія и внутреннія обстоятельства Россіи, которая созрѣла въ мощное государство въ теченіе долгаго и мудраго его правленія. Золотая Орда, дотолѣ грозная, уже распадалась; послѣдній Хауъ ея Ахматъ едва собиралъ слабую дадь съ В. Князя. Изъ ея обломковъ образовались три отдѣльныя царства: Казанское, болѣе другихъ враждебное Москвѣ, хотя Цари его часто поставляемы были отъ Государей нашихъ, какъ нѣкогда наши отъ Хановъ, — Астраханское, собравшееся на дальнемъ югѣ изъ многихъ кочующихъ Ордъ, и Крымское, основатель коего Мингли-Гирей, во всю жизнь свою, былъ вѣрнымъ союзникомъ Іоанна, сокрушая племя Ахматово и тревожа набѣгами Литву. Съ другой стороны великое княжество Литовское, обнимавшее уже всѣ югозападные предѣлы Россіи, еще болѣе усилилось, когда стало давать Государей своихъ, племени Гедиминова, на престолъ Польши. Оно заслоняло намъ западъ, хотя посольства Іоанновы ходили ко всѣмъ самодержцамъ

Европейскій, начиная съ Папы и Императора Римскаго, и даже до Султана. Воинственный орденъ Ливонскій, дѣйствуя за одно съ Литвою, громадь предѣлы Новгородъ и Пскова, которые началъ называть своими отчинами Иоаннъ, къ крайнему неудовольствію вѣча народнаго. Внутри государства междоусобія угасли; одна Рязань смиренно держалась на правахъ отдѣльнаго княженія, подъ вліяніемъ Московскаго, а Тверь уже родственная по брачному союзу Иоанна съ ея Княжною, была присвоена имъ, когда послѣдній владѣтельный Князь бѣжалъ, обличенный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою. Единодержавіе сдѣлалось цѣлю всей жизни Иоанновой.

Сильно было вліяніе его и на дѣла церковныя, ибо Церковь, собственно Россійская, заключалась вся въ предѣлахъ его державы, по отдѣленіи южныхъ епархій отъ власти Митрополитовъ Московскихъ. Съ Іоною окончился рядъ великихъ Святителей, распространявшихъ благодѣтельное вліяніе свое на древнее достояніе нашей Церкви и соединявшихъ все во едино, частыми странствіями по Россіи и въ Царьградъ, отколѣ приносили образованіе духовное. Чувствительно было въ послѣдствіи сіе невольное отдаленіе наше отъ завоеваннаго Царьграда, когда мужи высокаго образованія, подобно Кипріану и Фотію, перестали восходить, на кафедру Московскую; — слабыя погрѣшности, мало по малу вкрашіяся въ богослужебныя книги

Славянскія и въ нѣкоторые обряды, по не сличенію ихъ съ Греческими, укоренились непримѣтно, и послужили наконецъ источникомъ несчастныхъ раздоровъ.

32. **Θεοδοσίη.**

Преемникъ Св. Іоны, Θεοδοσίη, соборно поставленный изъ Архіепископовъ Ростовскихъ, по старшинству своей епархіи, въ послѣдній годъ княженія Темнаго, не болѣе пяти лѣтъ былъ Митрополитомъ Московскимъ. Усилившаяся тогда мысль о скоромъ преставленіи свѣта, по истеченіи седьмой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, возбуждала усердіе бояръ къ созиданію частныхъ церквей; а умноженіе безприходныхъ священниковъ, не допускающая строгаго выбора при ихъ поставленіи, произвело послабленіе въ правахъ духовенства. Строгий ревнитель благочинія Θεοδοσίη, исправительными мѣрами, возбудилъ противъ себя негодованіе, и уклоняясь ропота общественнаго, удалился волею въ Чудовъ монастырь. Тамъ принялъ къ себѣ въ келлію разслабленнаго старца и служилъ ему до кончины, омывая его струпы, въ образецъ Христіан-

скаго смиренія. За годъ до своего отшествія имѣлъ онъ случай участвовать въ дѣлахъ Палестинской Церкви. Патріархъ Іерусалимскій Юсифъ, избѣгая гоненія Египетскаго Султана, искалъ пристанища въ Россіи и скончался на пути въ Кафѣ; братъ его съ грамотами прибылъ въ Москву и, соборомъ Епископовъ Русскихъ, рукоположенъ въ Митрополиты Кесаріи. Это было первое воззваніе бѣдствующей Церкви Восточной къ любви и милости единовѣрной Россіи, послѣ разоренія Византійскаго.

33. Ф и л и п п ъ . 1.

1497. Филиппъ, поставленный изъ Епископовъ Суздальскихъ, наследовалъ сану и добродѣтелямъ Θεодосія, въ семилѣтнее свое правленіе оказавъ замѣчательную твердость характера. Имя Іоанна, уже извѣстное въ Европѣ, обратило на себя вниманіе Первосвятителя Римскаго Павла, при дворѣ коего обрѣло пріютъ семейство Деспота Морейскаго Оомы, брата послѣдняго Константина. Предъ самымъ паденіемъ Царьграда возобновилось родство дома великокняжескаго съ императорскимъ, и сестра Темиаго Анна вступила въ супружество съ Іоан-

номъ Палеологомъ. Послѣ же паденія, Папа не могъ избрать болѣе достойнаго жениха Царевнѣ Греческой Софіи, какъ могущественнаго Государя Россійскаго. Мысль о всеобщемъ крестовомъ походѣ противъ Турокъ и надежда присоединить отечество наше, чрезъ посредство Софіи, воспитанной въ правилахъ Флорентійскаго собора, возбудила Павла передать Россіи сей остатокъ древней Византійской славы, и съ радостію принялъ Іоаннъ послѣдній залогъ ея въ лицѣ Софіи. Но не исполнились надежды Римскія. Царевна, при самомъ вступленіи въ предѣлы наши, показала себя ревнительницею исповѣданія православнаго. Когда жѣ сопутствовавшій ей легатъ Антовій хотѣлъ торжественно вступить въ Москву, съ преднесеніемъ креста по обычаю Латинскому, и колебался Іоаннъ, уважая въ немъ посланника, — тогда Митрополитъ Филиппъ, вступился за преимущество отечественной Церкви: «кто хвалитъ и чествуетъ въручуждую, тотъ унижаетъ свою, сказалъ онъ Іоанну, если же легатъ взойдетъ со крестомъ въ одни врата города, я выйду другими.» Послѣ бракосочетанія, Митрополитъ имѣлъ разговоръ о вѣрѣ съ легатомъ, но осторожный посланникъ Рима избѣгалъ рѣшительнаго пренія, отзываясь неимѣніемъ съ собою книгъ.

Усердствуя къ соборному храму Успенія, гдѣ покоились его блаженные предмѣстники, Филиппъ, подаваніемъ бояръ и духовенства, началъ созидать

новый соборъ на мѣсто ветхаго зданія Калитина; но неопытность строителейъ была причиною скорого паденія сводовъ, и заставила В. Князя вызвать изъ Италіи знаменитаго зодчаго Аристотеля. Онъ соорудилъ соборъ Успенскій въ томъ величественномъ Византійскомъ вкусѣ, въ которомъ красуется донинѣ, какъ лучшее сокровище древняго Кремля; и два другихъ великолѣпныхъ собора, Благовѣщенія и Архангела воздвигнуты имъ вновь, на тѣхъ же мѣстахъ. Внутри же храма Успенія, краеугольными камнями, положены были тѣлеса великихъ Святителей, подобно тому какъ отдыхали они въ древнемъ святилищѣ: Петръ и Теогностъ въ придѣльномъ олтарѣ, Кипріанъ и Фотій въ юго-западномъ углу собора, и на противоположной сторонѣ Іона, обрѣтенный нетлѣннымъ во время строенія. Но Святитель Филиппъ не видѣлъ ни паденія начатаго имъ зданія, ни сооруженія новаго; испуганный сильнымъ пожаромъ Кремля, онъ внезапно заболѣлъ и скончался, и надъ гробомъ его повѣшены были тяжелые вериги, найденныя на его постническомъ тѣлѣ.

34. ГЕРОНТІЙ.

Преемникъ, Митрополитъ Геронтій, избранъ 1472. ный изъ Епископовъ Коломенскихъ, довершилъ начатое Филиппомъ и освящалъ соборъ Успенія. Болѣе двадцати лѣтъ пасъ онъ Церковь Христову, въ самые славные дни княженія Іоаннова; ибо онъ былъ свидѣтелемъ покоренія независимаго Новгорода и сверженія ига Татарскаго, и въ обѣихъ сихъ важныхъ событіяхъ являлись замѣчательныя лица духовныя. Въ первомъ — Теофиль, избранный въ послѣдній разъ народомъ, на престолъ Софійскій, послѣ блаженной кончины Св. Іоны, памятнаго своими удобродѣтелями въ долгое правленіе. Вѣче не допускало новаго пастыря идти ставиться въ Москву, за то что Іоаннъ, въ пригласительной грамотѣ, назвалъ Новгородъ своею отчиною, и хотѣло послать его для посвященія къ Митрополиту Кіева въ союзную Литву; но Теофиль, ревностный блюститель преданій отеческихъ, не со-

гласился нарушить древній порядокъ іерархическій. Онъ, во время перваго похода Іоаннова, примирилъ съ нимъ свою паству и принялъ законное рукоположеніе въ Москвѣ. Когда же вторичное своеволие торговой республики, подстрекаемое Мареою посадницею, состязалось съ единодержавіемъ властнаго Іоанна, и войско его сломило дружины Новгородскія, — Теофиль, уже подъ стѣнами города, испросилъ пощаду жителямъ, хотя и съ лишеніемъ всѣхъ народныхъ преимуществъ и съ утратою собственныхъ богатствъ, отнятыхъ В. Княземъ. Самъ Владыка чрезъ короткое время пострадалъ за остальныхъ искры вольности согражданъ, хотѣвшихъ передаться Литвѣ, и кончилъ тревожные дни въ заточеніи Чудова монастыря, будучи во всю свою жизнь жертвою волненій народныхъ.

Паденіе Новгорода зарапѣе возвѣщено было Архіепископомъ Св. Евфиміемъ, въ самый часъ рожденія его грознаго завоевателя, и предсказаніе повторилось честолюбивой Мароѣ, устами святаго игумна Соловецкаго Зосимы, гордо принятаго въ ея теремъ, когда приходилъ въ славные дни Новгорода, за милостынею для своей убогой обители на Океанѣ. Іоаннъ, заточивъ Теофила, не рѣшился однакоже, безъ соборнаго избранія, поставить новаго Владыку; согласно съ обычаемъ Новгородскимъ, три ииени положены были на престолѣ Успенскаго собора, и жребій палъ на смиреннаго инока Троицкой лавры Сергія, котораго по

святить соборъ Архіереевъ. Скоро однако удался Сергій, избѣгая нелюбви пародной къ чуждому владыкѣ и къ новому порядку управленія церковнаго. Онъ уступилъ мѣсто свое болѣе опытному и просвѣщенному Геннадію, архимандриту Чудова монастыря, оказавшему въ послѣдствіи важныя услуги Церкви, обличеніемъ ересей.

Наступило желанное время освобожденія отечества нашего отъ позорнаго ига, тяготѣвшаго надъ нимъ два съ половиною вѣка. Уже мудрая В. Княгиня Софія, воспитанная въ величїи царскомъ, которымъ искала окружить дворъ Іоанна, испросила удаленіе пословъ Ордынскихъ изъ нѣдръ Кремля, гдѣ на мѣстѣ ихъ подворья устроила церковь Святителя Николая Голступскаго; уже послы Хана перестали быть принимаемы съ честію, прекратилась и самая дань, хотя союзъ Литовскій съ Ордою могъ тревожить Іоанна Наконецъ подвигся Ахматъ; въ послѣдній разъ ополчилась Златая Орда на Россію, напоминая полчища Мамаевы. В. Князь выступилъ съ войскомъ къ берегамъ Оки, прозванной въ народѣ поясомъ Богоматери, ибо не разъ спасалась за нею земля Русская; и колебался. Его осторожная политика боялась доверить будущую судьбу всего государства случаю одной битвы, подобно отважному Доцскому, и оставивъ при войскахъ сына, самъ онъ удался въ столицу, къ общему негодованію народа. Мысль о непобѣдимости Татаръ давно исчезла; Казань, обло-

мокъ царства Капчакскаго, приучила насъ къ побѣдѣ надъ невѣрными: ропоть усиливался. Тогда краснорѣчивый старецъ Вассіанъ, Архіепископъ Ростова, почерпнувшій при ракъ преподобнаго Сергія, гдѣ былъ игумною, наследственную любовь его къ отечеству, смѣлою рѣчью и убѣдительнымъ посланіемъ возбудилъ духъ Іоанна: «Смерти ли страшиться? писалъ онъ, но и ты не безсмертенъ; безъ доли смертной нѣтъ ни человѣка, ни звѣря, ни птицы; — дай мнѣ сихъ воевъ въ мою руку и хотя я старъ, но не пошажу себя и не отвращу лица своего отъ Татаръ!» Митрополитъ Геронтій присоединилъ увѣщанія свои къ рѣчамъ Вассіана

1381. и возвратился въ станъ В. Князь. Ахматъ бѣжалъ безъ битвы и на вѣки освободилась Россія.

Въ послѣдніе годы святительства Геронтіева взаимныя неудовольствія возникли между нимъ и Іоанномъ, и огорченный Митрополитъ хотѣлъ удалиться въ обитель Симоновскую, чтобы тамъ въ уединеніи окончить дни свои, а Іоаннъ предлагалъ мѣсто его Троицкому игумену Паисію; но инокъ, чувствуя всю тягость бремени правительственнаго, не пожелалъ высокаго сана, и Геронтій, убѣжденный В. Княземъ, остался на своемъ престолѣ до самой кончины.

Еще при началѣ его правленія приходилъ другой Митрополитъ всея Руси Спиридонъ, родомъ изъ Твери, происками поставленный Патриархомъ Константинопольскимъ; но онъ не былъ при-

нять ни въ Литвѣ, ни въ Москвѣ, и заточень на Бѣлоозерѣ. — Между тѣмъ въ Кіевѣ продолжался свой рядъ православныхъ Митрополитовъ, чуждыхъ 1471. Москвѣ, которые принимали поставленіе лично въ Царьградѣ, или чрезъ благословенныя грамоты и экзарховъ патріаршихъ, отъ времени до времени посѣщавшихъ южныя области нашп. Мисанлъ, рода княжескаго, первый отдѣльный Митрополитъ Кіева, послѣ Уніата Григорія; Симеонъ, при коемъ Менгли Гирей, Ханъ Крымскій, опустошилъ древнюю столицу, ограбивъ лавру Печерскую и Св. Софію; Юна, пользовавшійся благосклонностію Казимира, Государя Литовскаго, и Св. Макарій, мученически убиенный на пути Татарами, (мощи коего нетлѣнно почиваютъ въ Софійскомъ соборѣ), короткое время управляли своею обширною епархією, имѣя пребываніе въ Вильнѣ, гдѣ съ трудомъ противоборствовали вліянію Рима.

35. З о с и м а .

1491. Въ Москвѣ же, послѣ смерти Геронтія, архимадритъ Симоновской Зосима, рукоположенъ въ Митрополиты, безъ совѣщанія соборнаго; но на сей разъ выборъ великокняжескій былъ неуспѣшенъ, ибо подъ личиною благочестія, злостный еретикъ таился въ новомъ Первосвятителѣ. Уже около двадцати лѣтъ распространялась непримѣтно въ Новгородѣ богохульная ересь Жидовская, отвергавшая Христа Спасителя, и все его ученіе, которая будучи принесена изъ Литвы Евреемъ Схаріею, смѣшалась съ прежними заблужденіями Стригольниковъ. Таинственными гаданіями и кабалястикою завлекъ Схарія двухъ суемудрыхъ священниковъ Новгородскихъ, Алексія и Діонисія, и чрезъ ихъ посредство укоренилъ пагубное свое ученіе въ невѣжественномъ народѣ, ибо они коварно соблюдали всѣ наружные обряды Христіанства, хотя сами ни во что ихъ не вѣняли. Молва о просвѣщеніи и добродѣтели обоихъ священниковъ прель-

стила и В. Князя, во время перваго его похода; онъ взялъ ихъ въ Москву и далъ одному мѣсто протоіерея въ Успенскомъ соборѣ, а другому въ Архангельскомъ. Съ ними впервые проникла ересь въ православную столицу, и хотя не скоро обнаружались гибельные плоды ея, однакоже приближенный дьякъ царскій Курицынъ и архимандритъ Зосима были втайнѣ учениками Алексія, чрезъ котораго даже послѣдній достигъ митрополіи.

Ревностный владыка Новгородъ Геннадій, съ ужасомъ открылъ ересь Жидовскую въ своей паствѣ, и первый обличилъ ее еще Митрополиту Геронтію, по удрученный годами и огорченіями, старецъ не обратилъ должнаго вниманія, полагая ее ничтожною. Второе, болѣе сильное обличеніе, приудило Иоанна и Зосиму созвать соборъ Епископовъ; тогда явился другой краснорѣчивый обличитель жидовствующихъ и Стригольниковъ, Св. Юсифъ, игуменъ Волоколамскій, просвѣщеннѣйшій мужъ своего времени и ученикъ Св. Пафнутія, знаменитаго основателя Боровской обители. Пламенною ревностію къ Церкви горѣло сердце Юсифово, уста его сильныя словомъ и убѣдительныя посланія, карая ересь, поддерживали чистоту православія, и лице его было столь же страшно отступникамъ въ Москвѣ, какъ въ Новгородѣ лице Геннадіево. Но покровительство соумышленника Зосимы укрыло на соборѣ нѣкоторыхъ преступниковъ; главный ересіархъ Алексій уже умеръ, Діонисій и дру-

гіе его послѣдователи преданы были соборомъ анаемѣ и заключенію. Однакоже слѣды пхъ развратнаго ученія истребились въ Москвѣ только чрезъ двѣнадцать лѣтъ, по новымъ настояніямъ Геннадія и Іосифа, когда уже и самъ Митрополитъ принужденъ былъ В. Княземъ удалиться на смиреніе въ прежнюю обитель, подъ предлогомъ нетрезвой жизни, чтобы скрыть отъ народа главную вину его, ересь. Тогда Іоаннъ предалъ торговой казни дьяка своего, архимандрита Юрьевскаго Кассіяна и другихъ виновныхъ, которыхъ не обратили на путь покаянія первыя мѣры кротости церковной.

36. С и м о н ъ .

1496. Послѣ бѣдственнаго для Церкви правленія Митрополита Зосимы, Іоаннъ много занимавшійся дѣлами духовными, нашель достойнаго пастыря въ его преемникъ Симонъ, посвященномъ изъ игуменовъ Троицкой лавры. Можетъ быть, отступленіе отъ узаконенныхъ обычаевъ, при избраніи Зосимы, побудило на этотъ разъ В. Князя, чрезвычайною торжественностію, облечь поставленіе новаго

Первосвятителя. Передавъ нареченнаго въ руки Епископовъ, у дверей храма, самъ онъ привѣтствовалъ его рѣчью, послѣ совершенія надъ нимъ таинства, по примѣру Императоровъ Византійскихъ, конемъ искалъ подражать во всѣхъ блистательныхъ случаяхъ, пышностію обрядовъ дворскихъ и церковныхъ, и Митрополитъ въ свою чреду, съ жезломъ въ рукахъ, отвѣчалъ ему рѣчью съ кафедры.

Еще во время смуть еретическихъ, другое суевѣрное волненіе умовъ, о скоромъ преставленіи свѣта, было виною собора, который уставилъ праздновать начало новаго года, съ перваго сентября, вмѣсто перваго марта, и утвердилъ пасхалию на осьмую тысячу лѣтъ, исчисленную Архіепископомъ Геннадіемъ; ибо прежняя кончилась 1492-мъ годомъ т. е. седьмою тысячею отъ сотворенія міра. Вскорѣ послѣ поставленія Митрополита Симона, Іоаннъ обнаружилъ мысль отобрать земли церковныя и отчивы монастырей области Московскоя, подобно какъ въ Новгородѣ, гдѣ частію роздалъ ихъ дѣтямъ боярскимъ для ратнаго дѣла, частію же взялъ за себя. Но Митрополитъ представилъ В. Князю грамоты завѣщателей, Св. Владиміра, Ярослава и иныхъ Государей, равно какъ ярлыки Царей Ордынскихъ, и Іоаннъ оставилъ свое намѣреніе. На другомъ соборѣ приняты были имъ, вмѣстѣ съ Митрополитомъ, строгія мѣры о соблюденіи чистоты нравовъ въ духовенствѣ, и для сего монастыри мужескіе отдѣлены отъ женскихъ, и

1503.

устранены иноки отъ священнослуженія въ снхъ послѣднихъ; даже чтобы удалить всякій поводъ къ соблазну, вдовымъ священнослужителямъ запрещено было совершать тайны, и недостойныхъ повелѣно лишать сана духовнаго. Не осталась безъ вниманія и плата, требовавшая за рукоположеніе во священство, которая столько разъ возбуждала неудовольствія, въ Новгородѣ, и въ послѣдствіи, по нареканію въ подобномъ злоупотребленіи, невинно пострадалъ самъ владыка Геннадій; лишенный престола Софійскаго, онъ кончилъ дни свои въ той же Чудовской обители, отколѣ взятъ былъ на архіепископію.

1509. Около сего времени и дѣйствуя въ томъ же благочестивомъ духѣ, Митрополитъ Кіевскій Іосифъ Салтанъ, преемникъ Св. Макарія, созвалъ въ Вильнѣ соборъ всѣхъ подчиненныхъ ему Епископовъ, для устройства благочинія духовнаго и для огражденія церковнаго достоянія отъ притязаній вельможъ Литовскихъ, вѣры Римской. Не смотря однакоже на ревность къ пользѣ своей паствы, Іосифъ подвергся подозрѣнію пословъ нашихъ въ неправославіи, даже обвиненъ былъ ими, предъ лицомъ Государя, въ потворствѣ зятю его Александру Литовскому, который не позволялъ супругѣ своей Еленѣ, дочери Іоанна, имѣть при дворѣ домовую церковь, что всего чувствительнѣе было для отеческаго сердца. Тщетно скромная и добродѣтельная Елена, сохраняя закоу свой, старалась

скрывать гоненія супруга, чтобы не поссорить съ родителемъ, ибо свобода исповѣданія была первымъ условіемъ ея брака. Александръ, по слѣпой ревности къ Риму, слишкомъ явно не щадилъ ни подданныхъ, ни супруги, и жестокая война была слѣдствіемъ его гоненій на православныхъ. Оружіе Русское, поднятое за вѣру отеческую, увѣчалось успѣхомъ, не смотря на всѣ усилія Литвы, Ордена и самой Польши, на престолъ коей вступилъ Александръ. Папа и Императоръ заботились о водвореніи мира, но залогомъ побѣдъ Іоанновыхъ осталась намъ область Сѣверская по сию сторону Днѣпра; Князья ея добровольно поддались единовѣрному Государю, и іерархія Русская приобрѣла еще двѣ епархіи Черниговскую и Брянскую, вскорѣ однако же упраздненную.

Съ паденіемъ Золотой Орды Ахмата упразднилась и другая древняя епархія Сарская и Подонская, потому что Епископы наши перестали жить въ Сараяхъ, столицѣ Ханской; они перенесли каѳедру свою въ Москву, и дѣйствовали въ качествѣ намѣстниковъ Митрополита, въ собственной его области; обитель ихъ, на крутомъ берегу Москвы рѣки, присвоила имъ названіе Крутицкихъ.

Кромѣ горестнаго положенія любимой дочери своей на чужбинѣ, въ самой столицѣ, въ стѣнахъ собственнаго дворца, семейныя печали омрачили послѣдніе годы славнаго княженія Іоаннова. Старшій сынъ его, надежда государства, раздѣлявшій

уже бремя правленія, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, оставивъ ему внука Дмитрія, рожденнаго отъ Елены, дочери великаго Стефана, Господаря Молдавскаго. Тайная вражда о престолонаслѣдїи возникла между двумя матерями, Еленою и В. Княгинею Софіею, которая хотѣла видѣть преемникомъ втораго сына своего Василя. — Раздраженный ихъ происками Государь взялъ сторону юнаго внука, по правамъ старѣйшинства, и рѣшился торжественно возвести его на престоль. Митрополитъ Симонъ впервые совершилъ обрядъ вѣнчанія, оставленный со временъ Мономаховыхъ: вѣнецъ его и св. бармы возложены были на невиннаго отрока, но только для его бѣдствія, потому что хитрость Софіи скоро превозмогла волю Іоаннову; еще при жизни отца, Василій былъ уже объявленъ Государемъ всея Руси, а Дмитрій и несчастная мать его кончили дни въ заключеніи.

1505.

Княженіе Василюво было только продолженіемъ Іоаннова, по начертаніямъ коего шелъ онъ къ той же цѣли единойдержавія, хотя съ большею кротостію въ своихъ мѣрахъ. Непримѣтно слились при немъ съ государствомъ Московскимъ удѣльная Рязань и независимый Псковъ, непримѣтно исчезли послѣдніе Сѣверскіе удѣлы рода Шемякина, и уже не оставалось разновластія внутри Россіи. Извнѣ же почти безпрестанно продолжалась борьба: на востокѣ съ непокорною, исполненною мятежами Казанью, которой тщетно посылалъ Василій Ца-

реѣ ея племени; на югѣ съ Ордою Крымскою, отколѣ сынъ Менгли-Гирея, враждебный Махметъ, забывъ союзъ отца своего съ Россією, разорялъ ея предѣлы и даже однажды приступилъ къ Москвѣ; на западѣ же съ Сигизмундомъ, Королемъ Польскимъ и Литовскимъ. Но послѣдняя война сія была успѣшнѣе своими послѣдствіями и упрочила завоеванія Іоанновы; самый Смоленскъ, древнее достояніе наше, сдался В. Князю, хотя Епископъ Варсонофій клонилъ въ пользу Литвы. Его заточили въ Чудовѣ и, съ назначеніемъ новаго Епископа Іосифа, древняя сія епархія присоединилась къ іерархіи Московской. Обитель Новодѣвичья воздвигнута въ столицѣ памятникомъ радостнаго событія. Василій поддерживалъ также и дружественныя сношенія съ Государями Европейскими, съ Императоромъ и Папою, а въ Орденѣ Ливонскомъ, долготѣ всегда враждебномъ Россіи, имѣлъ вѣрнаго союзника противъ замысловъ Сигизмунда.

Чрезвычайное благочестіе было отличительнымъ характеромъ Василія, исполненнаго уваженія къ уставамъ святой Церкви, которая наслаждалась миромъ въ тридцатилѣтнее его княженіе, и подобно какъ при Іоаннѣ славилась великими угодниками Божиими. Новгородъ и Псковъ, въ послѣдніе годы своего величія, украсились новыми обителями, зиждителями коихъ были два сомненные Саввы, Ефремъ и Никаноръ, и двое владыкъ, святые Евфимій и Іона, а на рубежѣ Ливонскомъ ископа-

на Печерская обитель, священнослужителями бѣжавшими отъ гоненій изъ Дерпта. Но наипаче процвѣлъ монастырями дикій сѣверъ, который оживилъ своими пустынными подвигами выходцы Валаама и Бѣлаозера, искавшіе уединенія въ лѣсахъ новой Вологодской епархіи, учрежденной на мѣсто Пермской. Уже издавна основались тамъ Св. Діонисій Глушицкій и ученикъ его Григорій, и Павелъ Комельскій; подражателями ихъ были Корнилій и Θεодосій Тотемскій, и Антоній Сійскій, и еще позже, при Грозномъ, три Александра, Комельскій, Свирскій и Ошевенскій, и многіе другіе, чьи имена и дѣянія не могутъ взойти къ краткій обзоръ сей. — Знаменитые отшельники: Нилъ Сорскій, писатель иноческаго устава, и Кириллъ Новоозерскій, и Нилъ Столбенскій, спасавшійся въ предѣлахъ Твери, гдѣ не за долго предъ тѣмъ, просіяла память Макарія Колязинскаго, были также современниками Василія, а другомъ его и наставникомъ великій Даниилъ, игуменъ Переяславскій,

Однакоже, въ отсутствіе ересей, иныя темныя облака пробѣгали по небосклону Церкви: несогласіе возникло между Серапіономъ Владыкою Новгородомъ, и игуменомъ Волоколамскимъ Іосифомъ, котораго не ограждалъ онъ отъ жестокихъ притѣсненій удѣльнаго Князя. Митрополитъ Симонъ, съ согласія великокняжескаго, покровительствуя новой обители, переписалъ ее къ своей церковной обла-

сти отъ Новгорода, за что Серапіонъ наложилъ запрещеніе на игумна съ братією и горько выразился о лицѣ Митрополита. Судъ соборный лишилъ его престола, и въ Троицкой лаврѣ, прежней своей обители, блаженно окончилъ онъ дни свои на молитвѣ, примиренный съ Первосвятителемъ и съ самимъ Іосифомъ.

Удаленіе Св. Серапіона было весьма чувствительно для Новгорода, который послѣ него, въ теченіи семнадцати лѣтъ, оставался безъ Владыки, до посвященія Макарія. Сей будущій Митрополитъ всея Руси, показалъ еще у Св. Софіи, чего могли отъ него надѣяться Церковь и отечество. Онъ ободрилъ духовенство и народъ, огорченные долгимъ отсутствіемъ Святителей; всѣ монастыри мужескіе и женскіе привяли отъ него уставъ общежитія, обновился и украсился при немъ древній Софійскій храмъ, и въ самый отдаленный сѣверъ проникли его пастырскія заботы: тамъ посланный имъ для проповѣди слова Божія, инокъ Ілія, обратилъ къ Христіанству дикихъ обитателей, и съ благословенія Макарія устроилъ первую церковь, во имя Крестителя, по просьбѣ самихъ Лопарей.

37. ВАРЛААМЪ.

1511. Другимъ неприятнымъ событіемъ для нашей Церкви, послѣ несогласія двухъ святыхъ мужей Іосифа и Серапіона, должно почитать несправедливое гоненіе благочестиваго Святогорца Максима. Многіе монашествующіе начинали приходять съ Аѳона и Синая, за милостынею въ единовѣрную Россію, при Великомъ Князѣ Василю и кроткомъ Варлаамѣ, посвященномъ въ Митрополиты по смерти Симона. Чудовъ монастырь, уже прославленный открытіемъ мошей Святителя Алексія, служилъ для пришельцевъ гостепріимнымъ кровомъ, и быть можетъ, подобное общеніе любви, подало мысль Василю испросить у Патріарха Константинопольскаго одного ученаго мужа изъ Грековъ, чтобы разобрать богатое хранилище Греческихъ рукописей, собранное въ его палатахъ отъ предковъ и матери Софіи. Инокъ Максимъ, получившій высокое образованіе въ Италіи, пришелъ съ Аѳонской горы удовлетворить желанію Государя, и ласково

имъ принятый занялся не только устройствомъ книгохранилища, но и переводомъ толкованія псалтыри, и исправленіемъ нѣкоторыхъ церковныхъ книгъ, въ которыя вкрались грубыя ошибки неопытныхъ писцовъ. Когда же Митрополитъ Варлаамъ, избѣгая молвъ житейскихъ, уединился въ свою прежнюю Симоновскую обитель, и честолюбивый Даниилъ, игумень Волоколамскій, вступилъ на его кафедру, тогда и полезныя труды пришельца Греческаго подверглись осужденію, и самъ онъ сдѣлался предметомъ ропота народнаго.

38. Д а н и и л ь .

Ученикъ просвѣщеннаго Іосифа, коего послѣдователи, отличался особенною ревностію, назывались даже Іосифлянами между прочими шюками, Даниилъ не могъ равнодушно видѣть книжныхъ исправленій ученаго ипоземца, который имѣлъ также свободный доступъ къ В. Князю и не малое вліяніе при дворѣ. Максимъ, какъ бы предчувствуя свою участь, заблаговременно просилъ удалиться, 1522.

но былъ удержанъ, и отъ одного изъ своихъ приближенныхъ услышалъ горькую истину, что онъ слишкомъ многое видѣлъ на Руси, чтобы возвратиться. Нечаянное обстоятельство рѣшило судьбу его: бездѣтный Василій, послѣ двадцатилѣтняго супружества, рѣшился оставить добродѣтельную Соломонію за ея неплодіе, и просилъ разрѣшенія отъ Митрополита. Даніилъ, угождая В. Князю изъ видовъ политическихъ, согласился, вопреки церковныхъ правилъ, на нарушеніе священнаго союза, если только В. Княгиня удавится въ монастырь. Насильственно было ея постриженіе и Соломонія скончалась инокинею въ Суздаль, а Василій вступилъ въ бракъ съ дочерью Князя Глинскаго Еленою. Многіе втайнѣ его осуждали, но два инока, Вассіянъ, роду княжескаго, неволею постриженный Иоанномъ въ Симоновѣ монастырѣ за приверженность къ юному Димитрію, и Максимъ Грекъ, не убоились обличать беззаконіе. Обоихъ заточили, перваго въ Волоколамскій монастырь, втораго въ Тверскій Отрочъ, гдѣ во все время правленія Даніилова, безвыходно сидѣлъ онъ въ келліи. Въ послѣдствіи облегчилась его темница, перемѣщеніемъ въ Троицкую лавру; но не смотря на его убѣдительныя посланія и на предстательство Патріарховъ Вселенскихъ, никогда уже не возвратился дряхлый страдалецъ на свою желанную родину, во святую гору.

Иоаннъ грозный былъ плодомъ воспрещеннаго

брака. Обрадованный отецъ поручилъ его молитвамъ Св. Сергія, въ чью раку положилъ державнаго младенца; крестилъ его игумень лавры Іоасафъ, долженствовавшій пострадать Митрополитомъ въ бурные дни отрочества Іоаннова; восприемниками были три инока и въ числѣ ихъ Св. Даниилъ Переяславскій. 1533. Чрезъ четыре года, ранняя кончина постигла Василя, умилительная благочестіемъ умирающаго. В. Князь, устроивъ дѣла государства и семейства, просилъ одѣянія иноческаго; бояре напротивъ предлагали ему примѣръ великаго родителя и предковъ, преставившихся въ величїи царскомъ: но Василю настоятельно требовалъ постриженія. — Тогда Митрополитъ съ гнѣвомъ сказалъ боярамъ: «никто не отниметъ у меня души его; добръ сосудъ серебряный, еще лучше золотой!» и постригъ В. Князя Василя, Варлаамомъ, па имя любимой имъ Бѣлоозерской обители. Съ келаря Троицкаго сняли мантию для царственнаго инока, и монашествующая братія Волоколамской и Троицкой обители вынесла изъ палаты тѣло его, среди плача народнаго, въ недавно украшенный имъ соборъ Архангельскій, усыпальницу вѣнценосныхъ предковъ.

Митрополитъ успѣшилъ привести къ присягѣ, младенцу и матери его, безпокойныхъ бояръ и народъ, но самъ онъ не долго удержался на своемъ престолѣ. Съ преждевременною смертію правительницы кончилось и его правленіе; Дума боярская,

распорядившая государствомъ въ младенчество Іоанна, все возмутила, своимъ междоусобіемъ и крамолами, и первый пострадалъ Даниль. Могушественные Князья Шуйскіе принудили его написать отреченіе отъ митрополіи, и сослали въ прежній Волоколамскій монастырь, гдѣ строгою жизнію загладилъ погрѣшности своего правленія.

39. І О А С А Ф Ъ .

1539. Новый Митрополитъ Іоасафъ возведенъ быль ими для той же бѣдственной участи. Предстательствомъ его освободились изъ темницы родственные Государю Князья Бѣльскіе и двоюродный братъ его Владиміръ, но благодѣтельное вліяніе кроткаго пастыря продолжалось только до времени паденія Бѣльскихъ. Тѣже Князья Шуйскіе, осыпавъ его поруганіями въ присутствіи малолѣтнаго Царя, низвергли съ престола, едва не лишили самой жизни и сослали на Бѣлоозеро, отколѣ переселился онъ въ лавру. Тамъ гробъ святаго мужа, подлѣ гроба Новгородскаго Владыки Сера-

піона; оба лишены престола, оба блаженны по кончинѣ. Между тѣмъ, посреди десятилѣтнихъ крамоль боярскихъ, возросталъ отрокъ Іоаннъ, преданный на волю всѣхъ своихъ страстей, по творствомъ и примѣромъ преступныхъ пестуновъ; нравъ его отъ природы крутой, еще болѣе ожесточился и обнаружилъ склонность къ тѣмъ ужасамъ, какими омрачилась его старость. Но къ счастью Россіи, среднія лѣта его мужества неожиданно украсились добродѣтелями царственными, подъ спасительнымъ вліяніемъ іерея Сильвестра и Адашева, во дни Митрополита Макарія.

40. М а к а р і й.

- 1542 Вызванный изъ Новгорода, думою боярскою, которая низвергла двухъ его предѣстниковъ, онъ принесъ на кафедру всея Руси достаточную опытность, чтобы устоять посреди крамоль, и былъ мужемъ совѣта юному Царю. Шуйскіе уже пали; но дяди Государевы, Глинскіе, заступили ихъ мѣсто, къ позору отечества, обуреваемому внѣшними врагами при внутреннихъ неурядицахъ. Все измѣнилось неожиданно. Іоаннъ, по совѣщаніи съ Митрополитомъ, объявилъ намѣреніе вѣнчаться на царство, по примѣру Мономаха, и вступить въ союзъ брачный. Радостію исполнилась Москва; въ Успенскомъ соборѣ, съ великимъ торжествомъ, Ма-
1547. карій возложилъ на него св. бармы, цѣпь и вѣнецъ, и крестъ великаго Мономаха, по чину вѣнчанія Греческихъ Царей. Патріархъ Константинопольскій Іоасафъ, благословенною грамотою, утвердилъ на царство Іоанна, какъ послѣднюю отрасль древняго императорскаго дома: тридцать шесть Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ Восточ-

ной Церкви подписали сію драгоцѣнную грамоту, донинѣ хранимую въ архивѣ Московскомъ, за которую, по сказанію Курбскаго, Соловецкій инокъ **Теодоритъ** былъ посланъ **Іоанномъ** въ **Царьградъ**. Скоро другое, брачное вѣнчаніе юнаго Царя съ добродѣтельною **Анастасією**, изъ рода **Романовыхъ**, польстило новыми счастливыми надеждами **Россіи**: набожныя странствія державныхъ супруговъ въ лавру **Сергіеву**, любимое мѣсто молитвъ **Іоанновыхъ**, на **Бѣлоозеро**, въ **Пѣсношь**, **Волоколамскъ**, и другія обители, запечатлѣли радостное событіе государственное и семейное.

Внезапное бѣдствіе совершенно обратило Царя съ гибельнаго пути его юности. Страшный пожаръ опустошилъ столицу, на пепелищѣ ея кипѣлъ мятежь народный: одинъ изъ **Глинскихъ** былъ умерщвленъ черчью въ соборѣ: на **Воробьевыхъ** горахъ трепеталъ въ недоумѣніи самъ **Іоаннъ**. Тогда, какъ ивѣкій Ангелъ обличитель, предсталъ ему престарѣлый пресвитеръ **Новгородскій Сильвестръ** и сильнымъ словомъ пробудилъ его совѣсть. Угрозы небесной казни, въ минуту земной, потрясли не совѣсть еще ожесточенное сердце: **Іоаннъ** сталъ другимъ человекомъ. Онъ призвалъ **Митрополита**, всѣхъ **Святителей**, и торжественно каялся имъ въ грѣхахъ своихъ, собралъ и народъ на лобномъ мѣстѣ, оплакалъ передъ нимъ свои заблужденія, слагая вину на недостойныхъ пестуновъ. Съ чуднымъ исправленіемъ Царя все приняло вокругъ него иной

видъ: удалились преступные бояре; Адашевъ, новый добродѣтельный другъ Царевъ, не знатный родомъ, но дѣянiями, сталъ на ближней ступени престола, процвѣло государство; нашлись въ думахъ мужи совѣта, въ битвахъ вожди. Но если Адашевъ владѣлъ сердцемъ Юзюна, душою его правилъ Сильвестръ. Странно нечаянное явленiе сего iерея Новгородскаго въ палатахъ царскихъ; можно предполагать, что Митрополитъ Макарій, узнавъ лично его достоинства въ прежней своей эпархiи, искалъ приблизить къ Царю въ благопрiятный часъ. Польза Церкви и отечества были единственною цѣлюю обоихъ, слава Россiи отголоскомъ ихъ тридцатилѣтняго влiянiя. На законы гражданскiе вначалѣ обратилось вниманiе новаго правительства; опытная дума бояръ, разсмотрѣвъ уложенiе Юанца III, составила новый судебникъ.

1551. Самъ Юаннъ, не смотря на порочную юность, получившiй довольное образованiе и ревность къ уставамъ церковнымъ, усмотрѣлъ погрѣшности, вкравшiяся въ богослуженiе, и безпорядки въ духовномъ чинѣ. Онъ созвалъ опять соборъ всѣхъ Епископовъ Русскихъ подъ предсѣдательствомъ Митрополита Макарія, и открылъ засѣданiя трогательною рѣчью, въ коей изложилъ бѣдствiя первыхъ лѣтъ своихъ. «Отцы наши, пастыри и учителя, говорилъ онъ, видите въ чувства ваши, прося у Бога милости и помощи, изтрезвите умъ и просвѣтитесь во всякихъ богодухновенныхъ обы-

чаяхъ, какъ предалъ вамъ Господь, и меня сына своего наказуйте и просвѣщайте на всякое благочестіе, какъ подобаетъ быть благочестивымъ Царямъ, во всѣхъ праведныхъ царскихъ законахъ, во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ, и все-православное Христіанство нелицемерно утверждайте, да непорочно сохранятъ истинный Христіанскій законъ. Я же единоподушно всегда буду съ вами исправлять и утверждать все, чему наставитъ васъ Духъ Святыи; еслии буду вамъ сопротивляться, вопреки божественныхъ правилъ, вы о семъ не умолкайте; если же преслушникъ буду, воспретите мнѣ безъ всякаго страха, да жива будетъ душа моя и всѣ сущіе подъ властію нашею.»

Іоаннъ напомнилъ, какъ поручилъ онъ, въ годъ своего вѣнчанія, всѣмъ Епископамъ и игуменамъ собрать житія Святыхъ, спасавшихся въ ихъ областяхъ или обителяхъ, для возданія имъ общей хвалы, и что плодомъ ихъ ревности было прославленіе, двадцати новыхъ угодниковъ, соблюдающихъ молитвами Русскую землю. Въ числѣ ихъ: Митрополитъ Іона и Новгородскій Владыка Іоаннъ, пустынники Соловецкіе Савватїи и Зосима и другіе отшельники: Діонисїи Глушицкїи, Павелъ Комельскїи и Александръ Свирскїи; ученики Св. Сергія, Никонъ и Пафнутїи Боровскїи, и Александръ витязь Невскїи. Соборъ еще однажды утвердилъ праздновать ихъ память, утвердилъ и предложенный ему на разсмотрѣніе новый судебникъ.

Тогда Царь требовалъ разрѣшенія на многіе вопросы, касавшіеся до благочинія вишняго и внутренняго, суда церковнаго, быта миоческаго, обрядовъ, пѣнія, иконъ, знаменія крестнаго, исправленія книгъ, нравственности духовенства, несудимыхъ грамотъ, имуществъ церковныхъ, искорененія многихъ суевѣрій и проч. На всѣ сіи вопросы отвѣчалъ соборъ пространнымъ писаніемъ, раздѣленнымъ на сто главъ, что дало ему слѣшкомъ извѣстное въ послѣдствіи названіе Стоглава. Но хотя, казалось, всѣ недоумѣнія церковныя, того времени, разрѣшались сими правилами соборными, которыя разсматривалъ еще въ тиши келейной бывшій Митрополитъ Іоасафъ съ іерееиъ Сильвестромъ; хотя предсѣдательствовалъ Митрополитъ Макарій, краснорѣчивый писатель житія Святыхъ, собраннаго имъ въ Четьихъ Минеехъ, и хотя цѣлю самаго собора было истребленіе суевѣрій и безпорядковъ, — не смотря на то, предразсудки и невѣжество темнаго вѣка Іоаннова отразились въ нѣкоторыхъ дѣяніяхъ собора; потому что не кому было, просвѣщеннымъ окомъ, безпристрастно повѣрять его рѣшенія : — образованный инокъ Максимъ Грекъ страдалъ въ заточеніи и упалъ духомъ; къ Патріархамъ Вселенскимъ не обращались для утвержденія Стоглава. Такимъ образомъ, нѣкоторые суевѣрные обычаи и погрѣшности мѣстныя, облеклись призракомъ законности, и укоренившись временемъ въ народѣ, произвели тѣ пагубныя рас-

колы, какими донынѣ страдаетъ Церковь, такъ и самое исправленіе богослужебныхъ книгъ, предположенное на стоглавоиѣ соборѣ, отсрочено было, бѣдствіями государства, до временъ Никона Патриарха, хотя его предшественники, мало по малу, уже приступали къ сему великому труду. Еще одно весьма важное обстоятельство бросаетъ невыгодную тѣнь на стоглавый соборъ: дѣянія его остались неутвержденными, подписью Епископовъ Русскихъ, и не только не сохранился его подлинникъ, но даже никакая лѣтопись не упоминаетъ о немъ до Никона, и самъ Митрополитъ Макарій безмолствуетъ о соборѣ въ своей степенной книгѣ, гдѣ изложилъ событія царственныя и церковныя; быть можетъ. и онъ не соглашался на нѣкоторыя его правила, или за утратою подлинника, соборныя дѣянія искажены въ спискахъ.

Между тѣмъ внутреннее благосостояніе государства отозвалось побѣдами врагамъ: царства и области постепенно падали къ ногамъ юнаго Царя: обломки Золотой Орды, рассыпавшейся при Юаннѣ III, взошли въ державу его внука. Еще недавно грозилась Крымъ и Казань, взаимно поддерживая свои силы, и Ханъ Девлетъ Гирей, опустошительнымъ набѣгомъ, приближался къ столицѣ, приводя въ трепетъ думу боярскую и отрока Юанна; въ свою чреду бѣжалъ онъ въ степи, при одномъ слухѣ о вооруженіи возмужавшаго Царя. Въ послѣдній разъ взволновалась Казань противъ на-

иѣстника Русскаго, даншаго ей, когда увезены были въ Москву Царица Татарская Сумбека, съ малолѣтнимъ сыномъ; изъ Астрахани вызвалъ себѣ народъ Казанскій Царемъ Эдигера и возбудилъ гнѣвъ Іоанна. Сильныя приготовленія воинскія предшествовали величайшему изъ ратныхъ подвиговъ сего времени. На пути къ мятежному городу заложена была Свіяжская крѣпость; увѣщательныя грамоты Митрополита возбудили ея новыхъ поселенцевъ и собравшіеся полки къ святому исполненію своего долга. Наконецъ поднялся самъ Іоаннъ; блистательный походъ его имѣлъ совершенное подобіе крестоваго; торжественность обрядовъ церковныхъ мѣшалась съ упражненіями воинскими; молебствія начинали и заключали каждый подвигъ. Въ виду Казани расположился необъятный станъ Русскій и близъ шатра царскаго разбитъ шатеръ церковный. Отчаянны были приступъ и отпоръ, шодъ главную башню подведенъ подкопъ, и когда во время литургіи громко возгласилъ діаконъ слова евангельскія: «и будетъ едино стадо и единый пастырь» ужаснымъ взрывомъ пали стѣны Казанскія.

Торжествующій Іоаннъ, вступивъ въ покоренный городъ, самъ водрузилъ посреди него первый крестъ и обойдя по стѣнамъ съ хоругвями и иконами, посвятилъ его имени Христову. Въ нѣскольکو дней создана имъ малая церковь Благовѣщенія, начатокъ просвѣщенія Востоку, ибо отсель отвер-

злась ему широкая дверь къ услышанію спасительнаго благовѣстія. Ненечислыми были счастливыя послѣдствія взятія Казани, прославившей имя Іоанна въ Европѣ и Азіи: — Владѣтель Сибирскій предложилъ ему дань, Князья Горскіе и Черкасскіе подданство. Скоро пало предъ его оружіемъ и другое царство Татарское, Астрахань, хотя съ меньшими усиліями. Казаки, новый народъ, образовавшійся еще при его дѣдѣ, изъ разнородныхъ племенъ, съ однимъ лишь условіемъ православія, на верховьяхъ Дона и на порогахъ Днѣпра, тревожили Крымъ и Литву, и соединились подъ предводительствомъ вождей Русскихъ, чтобы наступить на Хана. Стоило одной воли Іоанновой, и сей послѣдній остатокъ силы Батыевой исчезъ бы въ предѣлахъ нашихъ, но Царь не послушалъ совѣта благоразумныхъ вельможъ, обратилъ честолювый взоръ на Ливонію, и Крымъ ожилъ для бѣдствія отечества.

Радостно возвращался юный Царь изъ подъ Казани; рожденіе сына Дмитрія усугубило его радость. Онъ направилъ путь въ лавру, чтобы принести тамъ благодарственное моленіе; два святые мужа, какъ жильцы иныхъ временъ, встрѣтили его у гроба Сергіева: Іоасафъ Митрополить, пострадавшій во дни его юности, и Максимъ Грекъ, доживавшій въ заточеніи горькую старость. Другая, болѣе торжественная встрѣча ожидала его въ Москвѣ: Митрополить Макарій со всемъ духовенствомъ

стоялъ у той обители, гдѣ нѣкогда предмѣстникъ его Кипріанъ принималъ икону Владимірскую залогомъ спасенія отъ Тамерлана. Въ умиленной рѣчи изложилъ Царь всѣ свои побѣды, смиренно относя ихъ молитвамъ Святителя и въ избыткѣ чувствъ простерся предъ соборомъ. Въ свою чреду привѣтствовалъ его Макарій, благодаря отъ лица всея земли Русской, и палъ къ ногамъ его съ духовенствомъ. Послѣдняя сладостная встрѣча была въ Кремлѣ: супруга Анастасія съ младенцемъ. Крещеніе его ознаменовалось принятіемъ въ нѣдра Церкви трехъ Царей Казанскихъ: Сумбеки и ея сына, подъ именемъ Александра, и плѣннаго Эдигера, нареченнаго Симеономъ, по собственному ихъ произволенію; Митрополитъ самъ испытывалъ искренность обращенія.

Торжественно было открытіе новой епархіи Казанской. Митрополитъ Макарій, Архіепископы Новгородскій Пименъ и Никандръ Ростовскій, Епископы Аѳанасій Суздальскій, два Гурія, Смоленскій и Рязанскій, Акакій Тверскій, Θεодосій Коломенскій, Нифонтъ Сарскій и Кипріанъ Вологодскій, въ присутствіи двора и пословъ иноземныхъ, избрали и посвятили соборно игумена Селжаровскаго Гурія, Архіепископомъ въ Казань, и далъ ему степень вслѣдъ за Новгородскимъ, изъ уваженія къ царственной его епархіи Десятина доходовъ завоеванной области и многія волости цар-

скія опредѣлены для содержанія Святителя, который отпушенъ изъ Москвы на судахъ, съ крестами и хоругвями. Обращеніе многихъ тысячъ язычниковъ и Магометанъ, къ свѣту Христову, было подвигомъ всей жизни Гурія, причтеннаго къ лику святыхъ. Около того же времени предсѣдательствовалъ Макарій на другомъ, менѣе знаменитомъ соборѣ, осудившемъ начала ереси, которая вкрадывалась къ намъ изъ Литвы. Отверженіе церковныхъ правилъ, обрядовъ и иконъ, и сомнѣніе въ Божествѣ Спасителя, обнаружили виновныхъ, Бакшина и его немногихъ послѣдователей; ихъ предали анаѳемѣ, послѣ тщетныхъ увѣщаній игумна Троицкаго Артемія, который въ послѣдствіи самъ подвергся подозрѣніямъ и сосланъ въ Соловецкій монастырь. Полагаютъ что и Кассіанъ, Епископъ Рязанскій, по той же причинѣ лишенъ былъ своей епархіи. — Преемникъ Артемія, игуменъ Елевѣрій, впервые возведенъ въ санъ архимандрита и лавра его прочтена старѣйшинствомъ предъ всеми обителями Русскими, въ залогъ особеннаго усердія Іоаннова къ великому угоднику Сергію. Наружное его и благочестіе и благодарность Господу за дарованныя побѣды ознаменовались, кромѣ щедрыхъ милостынь и вкладовъ, строеніемъ великолѣпнѣйшаго изъ храмовъ Московскихъ, предъ вратами Спасенни Кремя, во имя Покрова Пресвятыя Дѣвы. Храмъ сей, болѣе извѣстный подъ именемъ Василія блаженнаго, въ немъ почивающаго, пора-

жаеть взоры своею необычайною, полувосточною, полуготическою громадою, какъ славный памятникъ побѣды, какъ бы самый образъ покоренной Казани, припавшей подъ сѣнь древней Московской святыни.

Скоро жестокая болѣзнь, которая едва не свела во гробъ Юанна, послужила началомъ грядущихъ бѣдствій Россіи; ибо на одрѣ смертномъ испыталъ онъ опять смуты боярскія своего дѣтства; самые близкіе вельможи не хотѣли присягать малолѣтнему сыну его Дмитрію, изъ страха безначалія, и клонили на сторону его двоюроднаго брата Владиміра. Однакоже исцѣленный Царь, казалось, забылъ ихъ своеволие и по данному обѣту отправился на богомоіе въ лавру, Пѣсношь и Бѣлоозеро. Инокъ Максимъ Грекъ, является здѣсь въ послѣдній разъ уже на исходѣ своего тридцатилѣтняго страданія. Неизвѣстно, во какимъ тайнымъ побужденіямъ, отклонялъ онъ Юанна отъ дальнѣйшаго пути, предрекая даже безвременную кончину Царевича, но не былъ послушанъ. Въ Пѣсношѣ другое замѣчательное свиданіе ожидало Царя, пагубное для его душевнаго спокойствія; тамъ жилъ на смиреніи бывшій Епископъ Коломенскій Кассіанъ, нѣкогда другъ В. Князя Василія и Митрополита Даніила; ожесточенный годами и затворомъ, старецъ, въ бесѣдѣ съ Юанномъ, далъ ему совѣтъ по сердцу: не держать между близкими никого мудре себя, чтобы свободно властвовать; и посѣ-

янное имъ слово пришло въ свое время гибельный плодъ;

Умершій Димитрій замѣненъ былъ Царю двумя сынами, Иоанномъ и Теодоромъ: но ничто не вознаградило ему ранней кончины добродѣтельной Анастаси, съ которою рушилось все благосостояніе; — жестокой нравъ второй супруги Царя, Княжны Маріи Черкасской, и провски вельможъ погубили лучшихъ его сподвижниковъ: Сильвестра и Адашева обвинили въ отравленіи Царицы Анастаси. Оба, предвидя свою участь, искали удалиться; Сильвестръ постригся на Бѣлозерѣ, но вызванъ на судъ въ Москву и заточенъ въ Соловецкомъ. Адашевъ, заранѣе испросивъ себѣ санъ воеводы въ Ливоніи, былъ лишенъ его и скончался въ темницѣ Дерптской.

Еще пылала тогда война Ливонская, славная оружію нашему, ибо подъ ударами вождей, Курбскаго, Серебрянаго и Адашева, падали строи и города рыцарскіе, и взятъ самый Феллпъ, ихъ столица, но она бесполезна была для государства: Иоаннъ съ немногими городами удержалъ одно титуло Государя Ливонской земли. Орденъ сокрушился, его бывший Магистръ и рыцари томились въ темницахъ Московскихъ; но послѣдній В. Магистръ Кетлеръ, не видя ни отколѣ спасенія, поддался Королю Польскому Сигизмунду, сложивъ съ себя воинскія достоинства главы Меченосцевъ для полученія герцогства Курляндскаго. Часть его при-

морскихъ владѣній отошла къ Швеціи; отсель возникла продолжительная война съ сими двумя державами. Но хотя Литва уже навсегда присоединилась къ Польшѣ и могла дѣйствовать общими силами противъ Россіи; однакоже успѣхи Юанна, до смерти слабаго Короля Сигизмунда, были блистательны. Онъ самъ взялъ Полоцкъ и тѣмъ окончилась его личная воинская слава; Епископъ сей древней Русской епархіи отосланъ съ плѣнными въ Москву, и Суздальскій Трифонъ на краткое время назначенъ туда Архіепископомъ, до обратнаго завоеванія Полоцка Поляками. Встрѣча, подобная Казанской, ожидала побѣдителя, хотя уже перемена его характера убила въ сердцахъ радость.

Митрополитъ Макарій опять привѣтствовалъ въ Москвѣ Царя и вскорѣ преставился. Свидѣтель первой славной половины царствованія Юанна, онъ былъ избавленъ Провидѣніемъ отъ кровавыхъ ужасовъ второй, и еще отошелъ съ миромъ, оставивъ по себѣ благую память опытнаго пастыря, руководившаго его къ добру. Любитель просвѣщенія, съ слабыми средствами своего вѣка, онъ невинно причинилъ много вреда Стоглавомъ, но принесъ и великую пользу своими учеными трудами, продолженіемъ лѣтописи Кипріановой, переводомъ Греческихъ мѣней и заведеніемъ первой въ Москвѣ типографіи, гдѣ напечатаны при немъ дѣянія и посланія Апостольскія Суемудрые толки противъ книгопечатанія, возбуждавшаго нареканія писцовъ, остано-

ли первые его успѣхи, по кончипѣ покровителя Макарія, и хотя еще было издано Евангеліе, по волю Царя, онъ уступилъ однакоже знаменитому Князю Константину Острожскому, намѣстнику Кіева, пособія и славу напечатать у себя полную Славянскую Библию.

Въ Литвѣ, послѣ Митрополита Іосифа Самтана, продолжался рядъ православныхъ Митрополитовъ Кіевскихъ. Не уступалъ ему въ ревности преемникъ Іоанн II, избранный по предстательству В. Княгини Елены, который утвердилъ въ православіи многихъ князей Литовскихъ, и успѣхъ сей былъ причиною, что Король Польскій, на Гродненскомъ сеймѣ, запретилъ назначать православныхъ въ сенаторы и высшія должности государственныхныя, оставивъ имъ однакоже право избранія своихъ Первосвященителей. Послѣдовавшіе за нимъ Митрополиты, благословенные Патріархами Константинополя, — Іосифъ II, изъ Епископовъ Полоцкихъ, Макарій II, изъ придворныхъ священниковъ В. Княгини Елены, Сильвестръ, Іоанн III, при
1522.
1569.

коемъ, конституціею сейма Люблинскаго, совершилось соединеніе княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ, въ лицѣ Сигизмунда Августа, и Илія, съ помощію побѣдъ Государей Россійскихъ, сильно противоборствовали вліянію Рима и ереси Лютеровой, проникшей въ западныя предѣлы наши, гдѣ многихъ обольстило исповѣданіе Латинское, даже изъ числа духовныхъ.

41. А о а н а с і й.

1564. Въ Москвѣ, послѣ Макарія, избранъ Митрополитомъ духовникъ царскій, архимандритъ Аѳанасій и соборною грамотою утверждено ему и преемникамъ ношеніе бѣлаго клобука, который имѣлъ его предѣстникъ, какъ владыка Новгорода. Но не долго оставался на своей каѳедрѣ Аѳанасій; испуганный нравственною переменою своего духовнаго сына, онъ чрезъ годъ удалился въ Новоспасскій монастырь, созданный Іоанномъ III, вмѣсто первоначальной Спасской обители праѣда Калиты:

Внезапное удаленіе Царя, со всею семействомъ, въ слободу Александровскую, подъ предлогомъ опасенія отъ своихъ подданныхъ, ознаменовало начало ужасовъ его царствованія. Смятенная столица послала святителей и бояръ умолять Государя о возвращеніи. Онъ смилосердился съ условіемъ не вступаться за его жертвъ, — и пали головы первостепенныхъ вельможъ. Въ порывѣ непонятнаго изступленія Іоаннъ раздѣлилъ всю Рос-

сію на двѣ части: одну назвалъ своею собственностію или опричиною, въ которую включилъ многіе города и участки самой столицы, подѣ личнымъ управленіемъ; другую, съ именемъ земщины, поручилъ боярамъ, жертвуя ею во всѣхъ случаяхъ своей опричинѣ. Себя же окружилъ шеститысячною стражею буйныхъ юношей, съ коими обтекалъ города и села, предавая ихъ огню и мечу и насилію, такъ что страшные его опричники прослыли кромѣшниками въ народѣ, отъ тьмы кромѣшной, изъ коей казалось исторглись.

Избѣгая столицы, въ Александровѣ устроилъ онъ себѣ келліи, палаты съ крестовою великолѣпною церковью, и обнесъ ихъ оградю на подобіе обители; тамъ, въ черной мантии инока, которою, какъ бы на поруганіе, облекъ и свою кровожадную братію, ревностно исполнялъ онъ весь уставъ церковный, чтобы заглушить совѣсть, молясь и карая, изъ храма выходя на пытки: — страшная игра челоуѣческаго сердца! благочестивыя навѣки дѣтства, всосанные съ млекоу, набожность внѣшняя, обратившаяся ему въ природу, безъ отчета и отголоска въ сердцѣ, пробивалась всюду сквозь жестокую, грубую оболочку страстей, которая въ свою череду сдѣлалась второю природою Іоанна. Твердо изучивъ писанія, владея перомъ сильнымъ, изъ грѣзнаго своего пріюта разсымалъ онъ язвительныя посланія по окрестнымъ монастырямъ, обличая ихъ въ несоблюденіи устава, въ наруше-

ни строгихъ правилъ житія иноческаго, котораго казался первымъ ревнителемъ.

Нашелся и ему отважный обличитель, вѣнчаный также, но только вѣнцемъ мученика, поверхъ пастырской митры. Робкій Аѳанасій удался, не въ силахъ будучи противустоять подобной бурѣ; на Германа Архіепископа Казанскаго палъ выборъ Царскій. Тщетно отказывался святой старецъ; ему повелѣли занять покой первосвятительскіе въ ожиданіи торжественнаго поставленія. Чувствуя долгъ своего званія, Германъ хотѣлъ однако же предварительно бесѣдовать съ Царемъ, и увѣщаніемъ пастырскимъ, дерзнулъ отклонять его отъ гибельнаго пути, по коему стремился. Разгнѣванный Іоаннъ изгналъ его изъ палатъ Кремлевскихъ въ прежнюю епархію и приступилъ къ новому выбору.

42. Святый Филиппъ II.

Онъ вспомнилъ знакомаго ему въ дѣтствѣ св. 1565.
игумна Филиппа, происходившаго отъ рода бояр-
скаго Колычевыхъ. Давно уже, оставивъ суету мі-
ра, спасался онъ въ дикой пустынѣ Соловецкой,
гдѣ строгая жизнь инока не мѣшала ему занимать-
ся устройствомъ своей далекой обители и распро-
страненіемъ свѣта Христова вокругъ Бѣлаго помо-
рія. Молва о святой жизни Филиппа побудила
Царя вызвать его къ себѣ, подъ предлогомъ ду-
ховнаго совѣта. Съ горькими слезами оставилъ
старецъ свое уединеніе и, испуганный предложе-
ніемъ высокаго сана, умолялъ не лишать его пу-
стыни и святыхъ отецъ. Онъ видѣлъ долгъ зва-
нія, предвидѣлъ и участь, и на первомъ шагу уже
не хотѣлъ признать гибельной опричины, оттор-
гавшей часть его паствы. Онъ убѣждалъ Еписко-
повъ стоять твердо противъ столь пагубнаго раз-
дѣла; но одни безмолвствовали отъ страха, другіе
потворствовали изъ челоуѣкоугодія; всѣ умоляли
его не раздражать изступленнаго, своимъ удале-

ніемъ, не предавать гнѣву его государство и Церковь, и, ради ихъ будущихъ льстивыхъ надеждъ, согласился Филиппъ, избѣгая нареканія гордости и упорства. Онъ зналъ, что новыя бѣдствія скоро поставятъ его лицомъ къ лицу съ Іоанномъ и дадутъ изречь слово истины.

Въ самый день посвященія уже раздались съ кафедръ увѣщанія его на привѣтственную рѣчь Царя: ибо молчаніе, говорилъ ревностный пастырь, полагаетъ на душу грѣхъ и наноситъ всенародную смерть. Іоаннъ, еще подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, внималъ спокойно Митрополиту, ласкалъ, или лучше сказать, терпѣлъ его, и временно престоли казни, но не на долго. Они повторились съ новыми ужасами въ бѣдствующей столицѣ и жалобы бояръ, прибѣгавшихъ къ заступленію Филиппа, подвигли его душу.

Однажды, въ день воскресный, когда служилъ онъ литургію въ соборѣ Успенскомъ, взошелъ Царь въ толпѣ своихъ опричниковъ, облеченный самъ въ странныя одежды, и сталъ у кафедръ принять благословеніе; но Святитель, устремивъ взоры на икону Спасову, казалось, не замѣтилъ прихода царскаго; бояре возвѣстили ему Іоанна. «Не узнаю Царя въ такой одеждѣ, возразилъ онъ, не узнаю и въ дѣлахъ царства: кому поревновалъ ты, о Царь, измѣнивъ образъ твоего благомѣрія? убойся Божія суда; здѣсь приносимъ мы безкровную жертву Господу, а за олтаремъ льется непо-

винная кровь Христіанская!» — Іоаннъ закипѣлъ гнѣвомъ, угрозами хотѣлъ закрыть уста его, но онъ не страшны были святому мужу; «я пришлецъ и пресельникъ на земли, какъ и всѣ отцы мои, тихо отвѣчалъ онъ, и готовъ пострадать за истину; гдѣ же вѣра моя, если умолкну?»

Внѣ себя отъ ярости вышелъ изъ собора Іоаннъ; однакоже, не смотря на внушенія своихъ приближенныхъ, нѣкій тайный страхъ еще удерживалъ его возложить руку на святаго. Онъ только избѣгалъ лица его, встрѣчаясь съ нимъ въ однихъ храмахъ, но тамъ гремѣли обличенія. Крестный ходъ соединилъ обоихъ на стѣнахъ Дѣвичьяго монастыря, и Митрополитъ, обратясь къ народу, увидѣлъ одного изъ опричниковъ съ покровенною головою. Онъ указалъ виновнаго Іоанну, жалуясь на сей татарскій обычай его дружины; но любимецъ царскій уже успѣлъ снять тафью, и въ свою чреду обвинилъ въ клеветѣ Филиппа. Іоаннъ рѣшился наконецъ свергнуть тягостное для себя иго его добродѣтели, и искалъ лишь законной вины. Онъ послалъ Суздальскаго Епископа Пафнутія въ Соловецкую обитель испытать жизнь Филиппову, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ протекла большая часть ея въ подвигахъ духовныхъ; но никто изъ братіи не дерзнулъ клеветать на бывшего настоятеля; одинъ только игумень Паисій увлеченъ былъ лестію и угрозами къ его обвиненію. Обрадованный Царь призвалъ Митрополита, какъ подсудимаго, на соборъ

духовный, гдѣ въ числѣ судей его, застѣдалъ и владыка Новгородъ, честолюбивый Пимень, скоро воспріявшій достойную мзду, съ Филоосеемъ Рязанскимъ, Пафнутіемъ Суздальскимъ и другими угодниками Іоанна; заточеніе было ихъ наградою. Св. Филиппъ предрекъ его Пимену, и самъ, слагая съ себя мантию и бѣлый клобукъ, радостно отдавалъ ихъ Царю, прося опять пустыни и безмолвія, и убѣждая Епископовъ твердо стоять за Церковь Христову. Но Іоаннъ хотѣлъ мщенія торжественнаго за обличенія всенародныя; онъ принудилъ Митрополита служить еще однажды литургію. Толпа опричниковъ съ воплемъ ворвалась въ храмъ, когда Святитель стоялъ уже предъ престоломъ, спокойно принося послѣднюю жертву, готовый принести и самого себя за ния Христова; съ него сорвали ризы, одѣли въ рубище и повлекли въ тейницу. Старецъ, осѣняя на пути народъ, повторялъ только, «молитесь» и въ дверяхъ собора возгласилъ: «радуюсь, что все сіе пріобрѣлъ ради Церкви; но наступитъ время вдовства ея, когда пастыри ея будутъ презираемы, какъ наемники.»

На другой день, въ палатахъ царскихъ, въ присутствіи Царя, объявлено Филиппу его низложеніе; съ спокойствіемъ выслушавъ приговоръ свой, онъ еще однажды умолялъ Царя, вспомнить примѣръ своихъ предковъ и престать отъ убійствъ. Въ монастырѣ Никольскомъ, куда временно былъ заточенъ, получилъ онъ даръ отъ Іоанна — окро-

вавленную голову своего племянника. Филиппъ благословилъ ее и возвратилъ пославшему. Черезъ недѣлю отвезли его, подъ крѣпкою стражею, въ Тверскій Отрочъ монастырь, гдѣ въ тѣсной келліи пребывалъ на молитвѣ до мученической своей кончины.

43. К и р и л л ѣ . III.

Безмолвный инокъ, игумень Новинскій Ки- 1568.
риллъ, посвященъ былъ на его мѣсто, но Церковь и государство не примѣтили пребыванія его на кафедрѣ Московской. Онъ и преемникъ Антоній, избранный изъ Архіепископовъ Полоцкихъ, скользнули какъ тѣни, во мракѣ послѣднихъ, ужасныхъ лѣтъ Іоанна; послѣ Св. Филиппа они уже казались мертвыми!

На свой Новгородъ поднялся Іоаннъ, когда еще длилась безъ успѣха внѣшняя война съ Сигизмундомъ; — преданность Королю Польскому послужила предлогомъ разоренія собственныхъ городовъ. Все предано было огню и мечу, на пути его къ Ильмену, начиная съ Клина. Посреди опу-

шенія Твери не забылъ мучитель о прежней своей жертвѣ; онъ послалъ достойнаго клеветы Малюта Скуратова, какъ бы за благословеніемъ, въ Отрочъ монастырь. «Твори то, зачѣмъ присланъ» спокойно сказалъ ему Св. Филиппъ, и былъ задушенъ въ келліи, пострадавъ за истину какъ другой Предтеча. Многими великими Іерархами просіяла Церковь Россійская, но въ числѣ ихъ одинъ только мученикъ, и слава его нетлѣнна, какъ нетлѣнны самыя останки. Живое слово Филиппа, казалось, удержало жизнь и въ мертвенномъ его тѣлѣ, и не могъ рассыпаться неколебимый столпъ сей, подпиравшій Церковь. На четырехъ столпахъ покоится Церковь Московская и всея Руси: Петръ, Алексій, Іона, Филиппъ, — кто потрясетъ подобную твердыню! Въ соборѣ Успенскомъ мощи священномученика; тщетно обитель Соловецкая испросила ихъ, въ кроткіе дни Θεодора, чтобы упокоить, подъ шумъ своихъ бѣлыхъ пучинъ, избравшаго нѣкогда утесъ океана пустыннымъ себѣ пріютомъ. Пастырь добрый, положившій душу за овцы, долженъ былъ отдыхать на мѣстѣ своего подвига.

Отъ Твери продолжалась кровавая стезя Іоанна; дружина предупредила его убійствами въ Новгородѣ: инокіи, богатѣйшіе граждане поставлены были на нравежъ и многіе не перенесли ударовъ; однихъ духовныхъ пострададо болѣе пятисотъ; имущества обителей разграбили; простой на-

родъ свергали тысячами въ Волховъ. Владыка Пимень встрѣтилъ со крестами на мосту; Царь назвалъ его измѣнникомъ и сурово велѣлъ идти служить литургію въ Софійскій соборъ; изъ храма зашелъ къ нему на трапезу, и, по данному знаку, съ воплемъ бросились на него опричники, схватили всѣхъ бояръ и посадили подъ стражу. Со-сланный въ слободу Александровскую, онъ тамъ лишенъ былъ сана и заключенъ въ монастырь Тульскій; а Новгородъ, исполненный смерти, которую умножили еще голодъ и моръ, слѣдствіе казней, онустѣлъ послѣ грознаго посѣщенія Іоаннова. Опъ собралъ тамъ великія богатства и побѣжалъ изъ Хутыня, пораженный тайнымъ ужасомъ, когда хотѣлъ коснуться раки преподобнаго Варлаама. Расхищая святотатно однѣ обители, благоговѣнно украшалъ онъ другія; троицкая лавра и Кирилловъ монастырь были исключительнымъ предметомъ его усердія; два собора, Успенскій и Сошественскій, воздвигнуты имъ въ лаврѣ и обитель Бѣлоозерская укрѣплена твердыми стѣнами, гдѣ думалъ найти спасеніе отъ набѣговъ Татарскихъ и отъ своихъ подданныхъ, ибо тамъ намѣренъ былъ постричься и туда сложилъ сокровища; добытыя имъ въ Казани и Новгородѣ.

Псковъ едва не подвергся той же участи, какъ и древняя столица Рюрика. Уже грозный истребитель стоялъ подъ его стѣнами, и послѣдняя ночь остѣнила трепещущій Псковъ; всѣ гра-

ждане; проводили ее на молитвѣ; ударили въ колоколъ къ утренни и тихій звонъ смягчилъ жестокое сердце; умилился Іоаннъ и утихъ. Съ хлѣбомъ и солью встрѣтилъ его народъ, кускомъ [сыраго мяса, юродивый Салось, въ своей келліи. «Я Христіанинъ и не ѣмъ мяса въ великій постъ,» сказалъ ему удивленный Царь. «Ты пьешь человѣческую кровь,» отвѣчалъ смѣлый отшельникъ, и смятенный Іоаннъ остался безотвѣтенъ и поспѣшилъ изъ Пскова. Не радостный гость ожидалъ его въ Москвѣ: воинственный Ханъ Девлетъ Гирей, съ Ордою Крымцевъ, обошелъ на Окѣ воеводу и подступивъ къ Москвѣ, выжегъ всѣ ея посады. Митрополитъ Кирилль едва не задохся отъ дыма въ Кремль; Іоаннъ бѣжалъ. Вторичное нашествіе Хана было менѣе ему удачно; знаменитый воевода Воротынскій, будущій мученикъ неблагодарнаго Іоанна, разбилъ совершенно Хана недалеко отъ столицы; а Царь опять удалился въ Новгородъ, но на сей разъ безъ пролитія крови, смиреннымъ богомольцемъ, на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ свирѣпствовалъ мучителемъ, и привезъ съ собою въ утѣшеніе гражданамъ новаго Владыку Леонида.

Тревожимый совѣстію Іоаннъ, какъ бы невольно, тѣснимся въ Церковь, чтобы въ ней пайти пріютъ отъ внутренней бури, и наполнялъ ее непрестанно своими ужасами, такъ, что на каждомъ шагу его жизни, дѣяніе церковное стоитъ подлѣ убійства, и въ страшномъ смѣшеніи мель-

кають вокругъ него то лица святительскія, то опричники. Послѣ убіенія Св. Филиппа и сверженія Пимена, странно видѣтъ того же Іоанна, преданнаго всему пыму страстей своихъ, смиренно просящаго разрѣшенія на четвертый бракъ у собора Епископовъ, которые разрѣшили бракъ, вопреки правилъ церковныхъ, и возложили на него эпитимию, безмолвствуя о потокахъ крови, имъ проливаемой. Это происходило уже по кончинѣ Кирилла и въ небытность Митрополита. Антопій, возведенный на его мѣсто, предсѣдательствовалъ на другомъ соборѣ, который, по требованію царскому, запретилъ монастырямъ пріобрѣтать новыя 1572. вотчины, и возвратилъ Государю тѣ изъ нихъ, которыя пожертвованы были В. Князьями Московскими. Затруднительныя обстоятельства Россіи принудили прибѣгнуть къ сей мѣрѣ.

44. А н т о н и й.

Уничтожилась наконецъ несправедливая опричнина, стоившая столько крови, но не перестала литься кровь сановниковъ, мирскихъ и духовныхъ; въ числѣ ихъ пострадалъ Владыка Новгорода Леонидъ, и благочестивый игуменъ Печерскій Корпилий, который встрѣтилъ болѣе счастливо Юанна, въ часъ опасности Пскова, нежели въ собственной обители, во время Ливонскаго похода, и Феодоритъ мужъ праведный, принесшій ему нѣкогда благословенную грамоту патріаршую на царство, и съ тѣхъ поръ опять уединившійся на сѣверѣ, гдѣ устроилъ обитель посреди крещенныхъ имъ Лопарей. Когда же такимъ образомъ внутри враждовалъ самъ Юаннъ, извнѣ возстали новые сильные враги. Несчастная Ливонія продолжала быть предметомъ и поприщемъ жестокой борьбы. Съ одной стороны опустошали ее войска Юанновы, который самъ домогался званія ея Государя, и далъ мечтательный титулъ Короля Ливонскаго Принцу Датскому Магнусу, женивъ его на своей племянницѣ. Съ другой стороны вторгались Шведы, стараясь удержать за

собою поморіе: явился и третій могущественный вонтель, сильнѣе и дѣятельнѣе своихъ соперниковъ, новый Король Стефанъ Баторій, избранный изъ Князей Седмиградскихъ, послѣ бѣгства Генриха Валуа. Еще недавно чины Польскіе и Литовскіе предлагали корону юному сыну Іоанна Теодору; но честолюбивый отецъ, присвоивая ее себѣ, утратилъ для обоихъ. То же самое должно было повториться чрезъ нѣсколько лѣтъ съ Сигизмундомъ и Владиславомъ Польскими, въ отношеніи Россіи. Витязь, посѣдѣвшій въ битвахъ, Баторій, славою побѣдъ своихъ, затмилъ оружіемъ воеводъ нашихъ. Древній Полоцкъ, не смотря на мужественную защиту жителей, ободряемыхъ своимъ архіепископомъ Кипріаномъ, сдался. Непритель двинулся въ самыя предѣлы наши и поставилъ станъ свой подъ стѣнами Пскова, но храбрый воевода Шуйскій отразилъ всѣ его приступы и сдѣлалъ тщетную долгую осаду.

Непонятная робость, слѣдствіе внутренняго смятенія, овладѣла душою Іоанна. Имѣя многочисленное войско, онъ искалъ помощи въ посредничествѣ чуждыхъ державъ, съ коими, во все теченіе долгаго царствованія, находился въ сношеніяхъ дружественныхъ и торговыхъ. Императоръ и Папа вступились въ дѣла Польскія. Григорій XIII не упустилъ случая благоприятнаго для своихъ видовъ; онъ отправилъ Іезуита Антонія Посевина, къ враждующимъ, который въ качествѣ посредни-

ка, переходя изъ стану въ станъ, способствовалъ къ заключенію перемирія, невыгоднаго для Россіи, ибо послѣ столькихъ пожертвованій она уступила Ливонію и Полоцкъ Литвѣ. — Хитрый Антоній усиливался обратить Іоанна къ союзу Флорентинскому, въ каждой изъ политическихъ бестѣдъ своихъ примѣшивая слова о соединеніи Церквей; но Іоаннъ, не менѣе тонкій, старался отклонять всякое состязаніе, чтобы оскорбленіемъ легата не повредить дѣламъ своимъ. Когда же увѣренъ былъ въ перемиріи, рѣшительнѣе давалъ отвѣты; иногда даже не въ силахъ будучи умѣрить своего пылкаго права, онъ выражался сильно на счетъ честолюбія и самовластия первосвященниковъ Римскихъ, и опять смягчался видя неудовольствіе Поссевина. Не смотря однакоже на всѣ его просьбы, онъ не дозволилъ купцамъ Венеціанскимъ строить Латинскихъ церквей въ государствѣ и отпустилъ посла съ честію и богатыми дарами. Но посѣщеніе Антонія, недѣйствительное въ Москвѣ, оставило по себѣ глубокіе слѣды въ Литвѣ, гдѣ ревностныя его увѣщанія и хитрая политика произвели чрезъ нѣсколько лѣтъ Унію, столь гибельную въ лѣтописяхъ Церкви и отечества.

Покореніе Сибири Ермакомъ было послѣднимъ отблескомъ могущества Іоаннова, болѣе славнаго на востокъ, нежели на западъ. Третіе царство Татарское уже сокрушалось у подножія его престола; оставалась одна тревожная Орда Крымская

для совершеннаго сотрєнія памяти Монгольской. А самъ онъ преждевременно склонялся въ могилу, изпепелившійся внутренно пыломъ страстей цѣлой жизни. Сильно потрясла его бѣдственная кончина царевича Іоанна; неистовый отецъ поразилъ его жезломъ, въ припадкѣ ярости, и опомнился уже надъ трупомъ; богатая милостыня, по душу его, посланы были на Синай и Аѳонъ и къ Св. гробу. Наслѣдниками остались слабый Ѳеодоръ и младенецъ Димитрій, рожденный отъ седьмаго брака, горько памятный Россіи. Наконецъ болѣзнь душевная Іоанна сообщилась и тѣлу; окруженный столькими тѣнями, имъ убіенныхъ, онъ угасалъ какъ багровое солнце въ тучахъ. Въ часъ кончины, Митрополитъ Діонисій, зная желаніе державнаго, сталъ постригать его на имя любимой имъ обители Бѣлозерской, и уже не грозный Іоаннъ, но смиренный инокъ Іона, предалъ духъ свой небесному судіи его страшнаго на землѣ царствованія.

45. Діонисій.

1582. Настало мирное время Θεодора, какъ тишина послѣ бури; въ лицѣ его родъ Рюриковъ прошался съ Россією, осыпая ее послѣдними благодѣянiями, и торжественно было сіе прошаніе, между ужасовъ Іоанновыхъ и мятежей Самозванцевъ. Пять думныхъ бояръ оставлены были могущественнымъ отцемъ слабому сыну: Князя Шуйскій, Мстиславскій и Бѣльскій, и родственные Никита Романовъ, и шуринъ Борисъ Годуновъ, будущій Царь, заблаговременно принявшій бразды правленія и удалившій прочихъ вельможъ. Малолѣтняго Дмитрія, съ матерію Царицею Марѳою и всѣмъ дворомъ его, послали на воспитаніе въ удѣльный Угличъ. По примѣру родителя вѣнчался на царство Θεодоръ; Митрополитъ Діонисій, возложивъ на него вѣнецъ Мономаховъ, помазалъ Св. муромъ, по чину вѣнчанія Императоровъ Греческихъ, которое получилъ Іоаннъ отъ Патріарха.

Мудрыми распоряженіями Годунова благоденствовало государство, мирное съ сосѣдними державами, Швецією и Польшею, гдѣ доживалъ слав-

ные дни старецъ Баторій, расширяющееся къ востоку. Строеіе Архангельска, Уральска, слободы Волжскихъ Казаковъ, и крѣпостей на Терекѣ, обозначило наши дальшія грани. Сибирь, покинутая послѣ завоеванія Ермакомъ, вторично покорилась Воеводамъ царскимъ, которые основались близъ древней столицы ея Искера въ Тобольскѣ. Царь Кучумъ бѣжалъ въ степи; плѣнныя дѣти его стояли уже въ рядахъ царедворцевъ, съ бывшимъ Царемъ Касимовскимъ, изъ рода Казанскихъ, Симеономъ, переименованнымъ въ В. Князя Твери. Еще одно царство покорилось, древняя Иверія, тѣснимая Персами и Турками. Царь ея Александръ присягнулъ на подданство Россіи и Θεодоръ послалъ въ его области священниковъ, для поддержанія Христіанства и просвѣщенія, между пострадавшими отъ долгихъ бѣдствій.

Одно только честолюбіе Бориса нарушало временно спокойствіе палатъ Кремлевскихъ, возбуждая ненависть боярѣ, которымъ въ свою чреду отмщаль овъ заточеніемъ. Князь Шуйскій, единомышленный Митрополиту, возсталъ противъ правителя, и хотѣлъ убѣдить Θεодора развестись съ сестрою Годунова, Иринею, за ея неплодіе, подобно какъ поступилъ дѣдъ его съ Соломоніею; но умыселъ открылся: тщетно миряль Діонисій Шуйскаго съ Борисомъ; не проченъ былъ миръ, и знаменитый защитникъ Пскова скончался въ темницѣ Бѣлоозерской. Самъ Митрополитъ, мужъ характера твердаго, прозван-

ный граматикомъ, по своей учености и краснорѣчю, пострадалъ за славнаго друга. Онъ отважился обличать Царю своеволие и гоненія Годунова и не устоялъ противъ его власти. Лишенный кафедры, вмѣстѣ съ преданнымъ ему Архіепископомъ Крутицкимъ Варлаамомъ, Діонисій былъ сосланъ въ Новгородъ и тамъ скончался, въ прежней своей Хутынской обители. Согласно съ желаніемъ правителя, на престолъ Московскій и всея Руси, возвели Архіепископа Ростовскаго, еще недавно бывшаго Епископомъ Коломенскимъ, Іова. — Отселе разверзаются уже скривали Патріаршія.

46 Іюль
1587.

ПАТРИАРХИ.

1. П о в ъ.

Важное событіе совершилось тогда въ Російской Церкви, важное по самой эпохѣ, ибо гражданское благосостояніе уже клонилось къ паденію, съ угасающимъ родомъ Рюрика, и предстояла долгомѣтная буря, во время коей Церковь спасла отечество, въ лицѣ своихъ первосвятителей, пріившихъ кормило; важное и по возстановленію внѣшняго, церковнаго порядка. Протекло уже около полутора ста лѣтъ послѣ паденія Царяграда, и Митрополиты Всероссійскіе, поставляемые соборомъ своихъ Епископовъ, не были утверждаемы Патріархами Константинопольскими, хотя продолжали числиться въ ихъ духовной области. — Первоначальное ихъ на то согласіе и бѣдственныя

обстоятельства Востока могли отчасти извинять сію неточность въ подчиненности іерархической, столь необходимой для единства Каѳолической Церкви; но продолженіе подобнаго состоянія могло бы сдѣлаться опаснымъ. Отдаленность и самая обширность Россійской Церкви невольно устраняли непосредственную зависимость ея отъ бѣдствующаго престола Константинопольскаго; но съ другой стороны ей нельзя было сдѣлаться самобытною, безъ общаго согласія четырехъ Вселенскихъ Патріарховъ, чтобы не впасть въ пагубный разрывъ единства.

Господь же Иисусъ Христосъ, промышляющій о той, которую стяжалъ своею драгоцѣнною кровію, самъ все устроилъ ко благу, такими средствами, которыя по наружности кажутся иногда только счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, въ сущности же суть таинственные пути Провидѣнія. Въ короткое время два Патріарха, Аптіохійскій и Константинопольскій, пришли за милостынею въ наше отечество, а набожный Царь Феодоръ, услаждавшій душу благолѣпіемъ обрядовъ церковныхъ, пожелалъ возвеличить саномъ патріаршимъ Митрополитовъ Всероссійскихъ, и сіе произвольное стремленіе его сердца едва ли не было единственнымъ самобытнымъ дѣйствіемъ всего его правленія, въ которомъ не участвовало честолюбіе Бориса. — Учрежденіе соборное пятаго Патріарха, на мѣсто отпадшаго Римскаго, представлялось столь вели-

кимъ событіемъ въ мірѣ церковномъ, какъ явствуетъ изъ самыхъ выраженій современныхъ актовъ, что оно никакъ не могло входить въ расчеты политическіе людей и вѣка, жившихъ болѣе жизнію церковною, нежели гражданскою. Самая постепенность въ ходѣ сего дѣла показываетъ, съ какою робостію къ нему приступали, и что всего замѣчательнѣе, — Церковь Россійская узнала о томъ, уже послѣ согласія Царя съ Патріархомъ Цареградскимъ.

Въ 1580 году, еще при Митрополитѣ Діонисіѣ, когда приходилъ въ Москву Патріархъ Антіохійскій Іоакимъ, встрѣча ихъ въ Успенскомъ соборѣ подала первую мысль о учрежденіи патріаршества; ибо часто отъ малыхъ началъ происходятъ великія послѣдствія. — Митрополитъ Діонисій не хотѣлъ уступить первенства Патріарху Іоакиму и благословилъ его прежде нежели самъ принялъ отъ него благословеніе, что тогда же слегка замѣтилъ ему Патріархъ. Вскорѣ послѣ, благочестивый Государь, изложивъ своей боярской думѣ, о древнемъ и новомъ образѣ поставленія Митрополитовъ нашихъ, разсуждалъ, что приличнѣе было бы учинить въ Россіи Патріарха, и послалъ боярина Годунова совѣтоваться о томъ съ Антіохійскимъ Святителемъ; но Іоакимъ отозвался, что дѣло сіе подлежитъ суду цѣлаго собора, и общалъ только совѣщаться съ Константинопольскимъ и прочими Патріархами.

Два года спустя, уже при Митрополитѣ Іовѣ, посѣтилъ Россію самъ Патріархъ Цареградскій Іеремія II, знаменитый своею ученостію и страданіями ради Церкви; онъ даже былъ заточенъ Султаномъ Муратомъ въ Родосъ, за твердую защиту правъ ея. Лишенный древняго патріаршаго храма, Іеремія пришелъ просить вспоможенія у Царя Θεодора, будучи предваренъ Антиохійскимъ о его желаніи, и принять былъ съ честію, подобающею Вселенскому Архипастырю, отъ коего завистѣла и Московская Церковь. Обрадованный Государь предложилъ Святителю навсегда остаться въ Россіи, во избѣжаніе бѣдствій Востока, и утвердить престолъ патріаршій въ начальномъ городѣ Владимірѣ; ибо Θεодоръ, привсемъ желаніи ниѣтъ въ Россіи Патріарха, еще колебался, чтобы съ одной стороны не нарушить правъ Константинопольскаго престола, независимостію Россійской Церкви, съ другой же чуждался видѣть близъ себя Первосвятителемъ иноземца, не знавшаго ни обычаевъ нашихъ, ни языка для совѣщаній; не хотѣлъ также оскорбить и Митрополита Іова, поддерживаемаго Годуновымъ, и вотъ единственное участіе личныхъ видовъ боярина въ столь важномъ дѣлѣ церковномъ.

Опытный старецъ Іеремія, посѣдѣвшій посреди трудныхъ обстоятельствъ Востока, и ревностный къ поддержанію собственнаго престола, не могъ согласиться на предложеніе царское; онъ ясно видѣлъ, что отдаленное жительство во Влади-

міръ сдѣлаеть его равно бесполезнымъ обѣимъ Церквамъ, Константинопольской и Московской, и просилъ отпуска въ Царьградъ; наконецъ, послѣ новыхъ настояній со стороны Государя, рѣшился поставить избраннаго имъ Митрополита Іова въ Патріархи Всероссійскіе. Торжественный соборъ всѣхъ Архіереевъ Русскихъ былъ созванъ въ столицѣ: самъ Царь предложилъ имъ совѣщаться между собою, о учрежденіи патріаршества Московскаго, и соборъ положился во всемъ на волю Государя, будучи твердо увѣренъ въ его благочестивомъ рвеніи ко благу Церкви. Приступили въ Успенскомъ храмѣ къ избранію трехъ духовныхъ особъ, съ предоставленіемъ окончательнаго выбора Царю; Патріархъ Іеремія принесъ имена ихъ въ палаты и на имени Іова остановился Феодоръ.

Но когда однажды уже испрошено было законное согласіе отъ престола Цареградскаго, на самобытное существованіе Церкви Россійской, Государь сталъ наблюдать, чтобы ни въ чемъ не нарушались права братскаго равенства между обоими Первосвятителями, и чтобы съ первой минуты, полною независимостію отъ Царьграда, пользовался Іовъ Московскій. Такимъ образомъ, при нареченіи, ему велѣно цѣловаться братски въ уста съ Іеремією, и не оставлять своего посоха, если самъ онъ не оставитъ пастырскаго жезла; измѣненъ былъ и чинъ нареченія, предложенный Вселенскимъ Владыкою. Іовъ, со свѣчею въ рукахъ, не про-

1788.

взносилъ ему благодарственной рѣчи посреди собора, по древнему чину Константинопольскому; оба только привѣтствовали взаимно другъ друга, на амвонѣ, и разошлись съ равною честію въ разныя врата; торжество посвященія совершилъ Іеремія соборно, повторивъ опять надъ избраннымъ весь чинъ рукоположенія епископскаго, ибо сугубая благодать нужна была высшему пастырю Церкви; потомъ оба Патріарха сѣли рядомъ на возвышенномъ амвонѣ, и Государь вручилъ драгоценный посохъ Іову, вмѣстѣ съ богатою мантиею и бѣлымъ клобукомъ, украшеннымъ каменьями. Царская трапеза ожидала въ палатахъ Первосвятителей, и самъ копюшій бояринъ Годуновъ водилъ коня подъ новымъ Патріархомъ Московскимъ, когда по обычаю поѣхалъ онъ благословлять весь городъ вокругъ стѣнъ; — великолѣпные взаимные дары Царя и Патріарха заключили торжество.

Черезъ нѣсколько дней, Іовъ поставилъ въ присутствіи святѣйшаго Іереміи, двухъ бывшихъ Архіепископовъ, Новгородскаго Александра и Ростовскаго Варлаама, въ Митрополиты тѣхъ же епархій, а потомъ еще двухъ: Епископа Геласія Крутицкаго, какъ намѣстника области патріаршей, и архимандрита Казанскаго монастыря, знаменитаго Гермогена, Митрополитомъ въ Казань. Два первые были въ числѣ кандидатовъ на патріаршество, при избраніи Іова, и послѣ того каждый изъ нихъ опять былъ представленъ, съ двумя ар-

химандритами, для выбора царскаго на свою митрополию. Царь Феодоръ Иоанновичъ предварительно условился со святѣйшемъ Іереміею, чтобы Патріархи Московскіе поставлялись соборомъ своихъ Епископовъ, съ извѣщеніемъ только Цареградскаго престола, которое долженствовало быть взаимнымъ, при перемѣнѣ каждаго изъ Вселенскихъ Патріарховъ. А для соборнаго избранія положено было тогда же умножить, въ Россійской Церкви, число митрополій до четырехъ и возвысить шесть епископствъ въ архіепископін: Вологодскую, Суздальскую, Нижегородскую, Смоленскую, Рязанскую и Тверскую, и прибавить къ бывшимъ епископствамъ Коломенскому и Брянскому, еще пять во Псковѣ, Ржевѣ Володиміровомъ, на Устюгѣ, Белоозерѣ и въ Дмитровѣ.

Государь, для большей прочности, велѣлъ изложить на пергаменѣ все сіе новое учрежденіе, митрополій, архіепископствъ и епископствъ, равно и пришествіе Іереміи, посвященіе имъ Іова и данное согласіе на поставленіе впредь Патріарховъ Всероссійскихъ, соборомъ своихъ Архіереевъ. Онъ скрѣпилъ грамоту, царскою своею печатью и двумя патріаршими, и печатями всѣхъ Архіереевъ нашихъ и Греческихъ, а въ рукоприкладствѣ участвовали большая часть архимандритовъ и игуменовъ Русскихъ, съ архимандритами Цареградскими, отъ святыхъ горъ Синая и Аѳона и отъ Св. гроба, пришедшихъ съ Патріархомъ. При наступленіи

весны отпущенъ былъ Іеремія съ великими дарами и честію, обѣщавъ вскорѣ прислать утвердительную грамоту отъ Вселенскаго собора.

Между тѣмъ, перемяна внѣшнихъ отношеній Первосвятителя Московскаго къ Царьградскому, изъ подчиненнаго въ равнаго ему Патріарха, не измѣнила внутреннихъ его отношеній къ своей Церкви: возвысился только одинъ титулъ, но Митрополитъ, сдѣлавшись Патріархомъ, не приобрѣлъ новыхъ правъ надъ своими Епископами: — сохранился неприкосновеннымъ церковный судъ его надъ подчиненнымъ духовенствомъ и волостями ему принадлежавшими, исключая тѣхъ обителей, коимъ была предоставлена своя расправа, несудимыми грамотами В. Князей; сохранились и обычныя пошлины за вершеніе дѣлъ судебныхъ, до него восходившихъ, о бракахъ, наследствахъ, завѣщаніяхъ, святотатствахъ, и другихъ, и узаконенная подать, которую взимали Митрополиты съ каждаго прихода своей церковной области, и уставленныя деньги при рукоположеніи діаконовъ, священниковъ, и дары при поставленіи Епископовъ. Не измѣнился и самый дворъ древнихъ Митрополитовъ, состоявшій изъ своихъ бояръ, дворянъ и дяковъ, дѣтей боярскихъ и людей приказныхъ, на подобіе великокняжескаго. Въ отношеніи же Самодержца, Патріархъ остался въ томъ священномъ положеніи, въ какое искони поставила Вселенская Церковь своихъ Іерарховъ, предъ лицомъ Константина, Тео-

досія, Іустиніана и другихъ величайшихъ Императоровъ Римскихъ: какъ духовный отецъ и богомолецъ царскій, Іовъ приглашаемъ былъ въ его совѣты, не вступаясь въ нихъ произвольно, и съ благословенія его вершались дѣла, предлагаемыя ему на усмотрѣніе Государемъ, который довѣрялъ его опытности въ трудныя години царства.

Спустя годъ послѣ отшествія Іеремія, Митрополитъ Діонисій Тырновскій и всея Болгаріи, отъ роду императорскаго Кантакузиновъ и Палеологовъ, принесъ въ Москву къ Царю и Патріарху соборную утвердительную грамоту Вселенскихъ Святителей, которые признавая съ любовію Патріарха Московскаго своимъ собратомъ, на мѣсто отпадшаго Римскаго, давали ему пятую степень въ чинначалии Вселенской Церкви и въ ея молитвахъ послѣ Іерусалимскаго, хотя первое желаніе Θεодора было, чтобы Московскій Первосвятитель поминался третьимъ, уступая Александрійскому, только по его титулу Судіи вселенной. Грамоту сію подписали три Патріарха, Константинопольскій Іеремія, Антіохійскій Іоакимъ и Іерусалимскій Софроній, за смертію четвертаго Александрійскаго, и сверхъ того сорокъ два Митрополита восточные, девятнадцать Архіепископовъ и двадцать Епископовъ, съ прочимъ освященнымъ соборомъ. Не смотря на то, Царь и Патріархъ продолжали настаивать о третьей степени, а святѣйшій Іовъ, на торжественномъ отпускѣ Митрополита Діонисія Тырновскаго, не

принялъ его предложенія, о избраніи кого либо изъ Митрополитовъ Греческихъ, въ представителни лица своего у Константинопольскаго патріаршаго престола, по примѣру прочихъ іерарховъ восточныхъ. Съ великою честію и съ богатѣйшими дарами, ко всѣмъ Патріархамъ, отпустилъ Государь Митрополита Діонисія и, въ пространной грамотѣ, изложилъ опять всему собору и наипаче Константинопольскому Владыкѣ, все дѣло о его пришествіи, совѣтѣ, избраніи и самой степени Іова, и послалъ щедрую милостыню на сооруженіе новой патріаршей церкви, вмѣсто древняго храма Пантократора, отнятаго Султаномъ Муратомъ.

Когда такимъ образомъ устроилась православная Церковь въ Россіи, великая опасность угрожала ей въ предѣлахъ Польскихъ и Литовскихъ, выборомъ новаго Короля. Колебалась безначальная Польша на сеймѣ Краковскомъ, гдѣ между тремя искателями ея шаткаго престола, Максимилианомъ Австрійскимъ, Сигизмундомъ Шведскимъ и самимъ Теодоромъ, всенародное множество клонилось уже въ пользу Царя; но рѣшительный отзывъ великихъ пословъ нашихъ, о неизмѣнномъ православіи Государя, открылъ путь Королевичу Шведскому, и съ воцареніемъ Сигизмунда, ревнителя Рима, началась та враждебная политика Западной Церкви противъ Россіи, которая столь жестоко отозвалась въ Уніи и Самозванцахъ и наконецъ въ бѣдственномъ разореніи Московскомъ. Теодоръ, какъ бы предчув-

ствуя грозу отъ Сигизмунда, всѣми средствами убѣждалъ Максимилиана не уступать ему короны Польской, но дружественныя сношенія съ Цесаремъ и богатые дары царскіе, предназначенные для общаго крестоваго похода, были единственнымъ плодомъ желаннаго союза.

Начались пограничныя распри съ Швеціею, за частые набѣги ея въ Кореліи, гдѣ разоряла волости Соловецкаго монастыря и малыя беззащитныя пустыни. Самъ Государь, не получивъ удовлетворенія, поднялся въ походъ подъ Нарву; однакоже приступомъ сего города окончилась война, доставившая Россіи нѣсколько порубежныхъ крѣпостей и краткое перемиріе; враждебные замыслы Швеціи обнаружались при первомъ благопріятномъ для нея случаѣ, во время смуть самозванцевъ.

Но самымъ гибельнымъ происшествіемъ сей эпохи, которое искуплено было въ послѣдствіи столь многою Христіанскою кровію, была несчастная кончина Царевича Дмитрія, осмылѣтняго брата Феодорова, убіеннаго въ Угличѣ. По сказанію всѣхъ лѣтописцевъ и единодушному гласу народа, онъ палъ отъ руки людей, подосланныхъ Годуновымъ, изъ опасенія нелюбви къ нему Дмитрія, и, чтобы истребленіемъ сей послѣдней отрасли царской, держава Россійская перешла въ его родъ. Князь Василій Шуйскій, отправленный Царемъ въ Угличь, для изслѣдованія кроваваго дѣла, обвинилъ въ мятежѣ гражданъ, умертвившихъ убійць Царе-

вича, а дядей его Нагихъ и всѣхъ приближенныхъ, въ небрежномъ за нимъ смотрѣніи; по неправому розыску, укрѣпленному многими свидѣтелями, выведено было, будто блаженный отрокъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, играя самъ накололся на ножъ. Въ Углицкомъ соборѣ погребли праведное тѣло; казни и ссылки постигли ревностныхъ горожанъ, конии населили Пельми на тундрахъ Сибирскихъ, и запустѣлъ многолюдный Угличъ; а тѣла убитыхъ въ немъ ради смерти Царевича, пристава Битятовскаго, его сына, племянника, сына мамки Дмитріевой, и другихъ оглашенныхъ въ убійствѣ, предали землѣ съ честію. Трое Нагихъ, дяди отрока, были разосланы по дальнимъ темницамъ; Царица мать пострижена неволею, подъ именемъ Марѣы, въ дальнихъ предѣлахъ Бѣлозерскихъ, въ убогой обители Св. Николая. Молва народная временно утихла, подъ спудомъ благодѣяній Бориса, послѣ страшныхъ пожаровъ, опустошившихъ Москву и другіе города; наконецъ всѣ мѣры предосторожности человѣческой были приняты, чтобы заглушить вопль земли Русской и вопіющую изъ нѣдръ ея кровь неповиную; — тщетно, самъ Господь явилъ себя мстителемъ за неправду.

Неожиданное нашествіе Хана Крымскаго Казы Гирея, отвлекло на время общее вниманіе. Воеводы пропустили полчища Крымскія на берегахъ Оки, и съ вершины Воробьевскихъ горъ, хищный Ханъ уже пожиралъ взорами златоверхую Москву,

какъ бы свою добычу, которую обступили несмѣтныя его рати. Но, съ высоты своего Кремлевскаго терема, спокойно взиралъ набожный Θεодоръ на враждебныя полки невѣрныхъ и почиталъ грѣхомъ боязнь. Онъ поднялъ икону Донской Божіей Матери, которая нѣкогда сопутствовала предку его Димитрію на побоищѣ Мамаевомъ. Патріархъ Іовъ, съ молебнами, вручилъ ее духовному собору, чтобы нести вокругъ стѣнъ и поставить подъ шатромъ въ походной церкви Св. Сергія, всегдашняго заступника въ часъ бѣдствій, среди стана ратныхъ, ополчившихся наскоро у вратъ столицы. День цѣлый бились со стѣнъ и подъ стѣпами, и Годуновъ съ воеводами распоряжалъ битвой; день цѣлый страшное ожиданіе волновало сердца осажденныхъ, кромѣ одного Θεодора, который тихо заснулъ подъ шумъ воинской бури, сказавъ: «завтре не будетъ врага» и наутро его не было; — онъ бѣжалъ испуганный вѣстію о приближавшейся помощи, оставивъ по себѣ богатую добычу. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ шатеръ Сергіевъ съ чудотворною иконою, воздвигнуть былъ усердіемъ царскимъ монастырь, во имя Донской Божіей матери, избранной воеводы сего побѣднаго дня, и щедро наградилъ Государь вождей своихъ, наипаче же правителя Бориса златою гривною.

Но едва миновалась опасность, какъ опять пробудилась молва народная о смерти Царевича; говорили, что Годуновъ былъ виною пожаровъ,

Годуновъ накликалъ Хана, чтобы заглушить память Димитрія, Годуновъ будто бы подиѣшилъ сына, родившагося у Теодора, дочьрю, (рожденіе коей ознаменовано было богатою милостынею четырьмя патріаршими престолами и горько оплакана ранняя смерть ея безутѣшными родителями). Жестокая молва сія, непрестанно возобновляясь при каждомъ событіи, преслѣдовала Бориса во все царствованіе Теодора, доколѣ не возрасла, при собственной его державѣ, въ мѣру возраста, въ страшное лице чловѣческое, которое однимъ своимъ подобіемъ съ Димитріемъ, сокрушило престолъ его.

Между тѣмъ, въ южной Россіи, усилія хитраго Іезуита Антонія Поссевина, отринутаго Іоанномъ, о возстановленіи союза Флорентинскаго, возымѣли наконецъ желанный успѣхъ, подѣ покровительствомъ Сигизмунда. Притѣсненія вельможъ, которые вопреки статуту Литовскому, данному при его коронаціи, силою приобрѣтали себѣ имѣнія православнаго духовенства, принудили Митрополита Онисифора, пастыря ревностнаго, испросить новыя привилегіи у Короля, для огражденія своей Церкви. Уже десять лѣтъ управляя ею, съ трудомъ могъ онъ, при Стефанѣ Баторіѣ, отклонить введеніе новаго календаря Григоріянскаго, запрещеннаго окружною грамотою Патріарха Іереміи. Съ одной стороны безирестанныя гоненія, и внушенія тайныя и явныя, къ измѣнѣ православію; съ другою слабость защиты и крайняя борьба за

основныя права свои, произвели послабленіе нравовъ въ духовенствѣ и неправильность въ избраніи Епископовъ. Самъ Митрополитъ, хотя житія непорочнаго, былъ женатъ дважды, вопреки каноновъ, равномѣрно и Епископъ Луцка Кирилль Терлецкій, первый виновникъ Уніи.

Патріархъ Іеремія, посѣщая впервые паству, не могъ равнодушно смотрѣть на подобныя безпорядки; властію своею онъ отрѣшилъ Митрополита Онисифора, и посвятилъ на его мѣсто представленнаго ему въ Вильнѣ дворянами Литовскими, Михаила Рагозу, противъ своего желанія, по свидѣтельству лѣтописи, какъ бы предчувствуя его отпаденіе. Къ несчастью двоеженство и порочная жизнь Епископа Луцкаго не были еще тогда извѣстны Патріарху, обольщенному его притворною ревностію; но Іеремія лишилъ сана преступнаго архимандрита Супрасльскаго Тимофея, и отправляясь въ Москву, поручилъ новому Митрополиту созвать въ его отсутствіи соборъ для исправленія церковнаго. Чувствуя необходимость просвѣщенія, Патріархъ Іеремія, по примѣру той ставропигіи, какую основалъ онъ въ Успенскомъ монастырѣ города Львова, принялъ подъ свое особое покровительство и училище братской Святодуховой обители въ Вильнѣ, объявивъ ее ставропигіальною, а на обратномъ пути благословилъ въ Кіевѣ начало Божоявленскаго братства, въ послѣдствіи преобразовавшагося въ академію; потому что онъ видѣлъ

какое преимущество имѣли надъ православными образованные ревнители западной Церкви, Іезуиты. Архіепископъ Елассонскій Арсеній, сопутствовавшій ему въ Москву съ митрополитомъ Монавасійскимъ, гдѣ остался и получилъ епархію Суздальскую, можетъ быть не безъ цѣли, взять былъ Іереміею, изъ ректоровъ училища Львовскаго, чтобы на пути своемъ распространять повсюду просвѣщеніе.

Но послѣ годичнаго пребыванія въ столицѣ Русской, Патріархъ не нашелъ въ Вильнѣ желаннаго собора, и увлекаемый далѣе дѣлами церковными, рѣшился ожидать его сперва въ Замостьѣ, потомъ въ Валахія, хотя съ тратою драгоцѣннаго времени и съ большими издержками, тягостными для его убогаго престола. — Но ожиданія Іереміи были тщетны, слишкомъ много обличеній предстояло на соборѣ, а слабый Митрополитъ Рагоза опасался послѣдствій. Между тѣмъ слухъ о порочной жизни Епископа Луцкаго уже достигъ до Іереміи, и онъ послалъ изъ замостья іеромонаха Григорія, съ грамотою для его обличенія, къ Митрополиту; но Епископъ Кирилль велѣлъ силою отнять ее у Григорія, на пути чрезъ свою область; а самъ, исполненный дерзости, не утратился ѣхать прямо къ Патріарху для оправданія, взявъ съ собою ревностнаго въ православіи Епископа Львовскаго Гедсона Болобана, и снова обольстил коварными увѣреніями Первосвятителя; въ знакъ своей при-

верженности онъ даже проводилъ его, вмѣстѣ съ Гедеономъ, до границъ Валахіи.

Однакоже насильственный поступокъ Кирилла, съ посланнымъ патріаршимъ, не могъ долго таиться; пробудилась новая молва, и Епископъ Владимірскій, Мелетій Богуринскій, обличилъ опять Кирилла предъ Патріархомъ. Тогда Іеремія, назначивъ своимъ экзархомъ на соборъ архимандрита Діонисія, вручилъ довѣрительную грамоту Мелетію для созванія сего собора; потому что не надѣялся болѣе на Митрополита; съ него же требовалъ какъ бы въ наказаніе за потворство виновнымъ, уплаты тѣхъ издержекъ, какія принужденъ былъ сдѣлать во время тщетныхъ ожиданій въ Замостьѣ. Коварный Кириллъ Терлецкій умѣлъ употребить въ свою пользу и это малое обстоятельство; предвидя свое осужденіе на соборѣ, онъ испугалъ Митрополита вымышленною пѣнею, и тѣмъ уклонилъ отъ исполненія воли патріаршей; а у Мелетія похитилъ, во время дружескаго посѣщенія, вѣрющую грамоту и, послѣ скорой его кончины, убѣдилъ Рагозу посвятить на епископію Владимірскую Игнатія Поцея, котораго самъ недавно постригъ въ монашество изъ кастеляновъ Брестскихъ, для своихъ преступныхъ замысловъ, зная, что Игнатій уже измѣнилъ однажды православію.

Оба они сдѣлались главнѣйшими ревнителями Уніи, и всѣми убѣжденіями старались склонить къ ней прочихъ православныхъ Епископовъ, на двухъ

частныхъ сѣздахъ въ Брестѣ Литовскомъ и Львовѣ; но встрѣтили сильныхъ себѣ противниковъ въ Гедеонѣ Балабанѣ Львовскомъ и Михаилѣ Копыстенскомъ, города Перемышля, и въ краснорѣчивомъ архимандритѣ Киевопечерской лавры Никифорѣ Турѣ. Однакоже, почтя каждое средство позволительнымъ для достиженія цѣли, испросили лестію подпись обоихъ Епископовъ на пергаментѣ, на коемъ будтобы хотѣли писать челобитную къ Королю, о новыхъ привилегіяхъ и огражденіи Церкви православной, а вмѣсто того написали соборное прошеніе къ нему и Папѣ о соединеніи съ Римскою.

Между тѣмъ, Патріархъ Іеремія, слыша о волненіи церкви Малороссійской, разослалъ окружную грамоту съ другимъ экзархомъ своимъ Никифоромъ, угрожая Митрополиту и Епископамъ въ случаѣ отступничества, изверженіемъ; но Король Сигизмундъ обадежилъ ихъ своимъ покровительствомъ, обѣщая, что отлученіе патріаршее будетъ педѣйствительно въ областяхъ его. Скорая копчина опытнаго правителя Церкви, святѣйшаго Іеремія, и, въ теченіи двухъ лѣтъ, частая перемѣна трехъ его преемниковъ, благопріятствовали Уніи, хотя управлявшій послѣ нихъ престоломъ Константинопольскимъ, мудрый Патріархъ Александрійскій Мелетій Пига, посылалъ новыя окружныя грамоты для поддержанія православія, съ экзархомъ своимъ Кирилломъ Лукаремъ, будущимъ Патріархомъ Царяграда. Не умолкали и два ревностные пастыря, Ге-

деонъ и Михаилъ Перемышльскій, и Архимандритъ Печерскій: на ряду съ ними по́двизался столѣтній старецъ воевода Кіевскій, Князь Константинъ Острожскій, издавна знаменитый любовію своею къ просвѣщенію. Еще при Іоаниѣ Грозномъ ему обязана была Церковь православная, изданіемъ первой печатной Библии и другихъ священныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ, и цвѣтущими училищами въ Острогѣ и Кіевѣ. Онъ разсылалъ повсюду грамоты патриаршія и принималъ подъ свое покровительство экзарховъ и православныхъ, гонимыхъ Королемъ, который не смѣлъ его касаться.

Не смотря на сіи противудѣйствія, Ипатій успѣлъ созвать въ своѣй епархіи соборъ, потому что удобнѣе могъ склонить на свою сторону слабаго Митрополита на пограничномъ Брестѣ Литовскомъ, нежели въ столицѣ православія Кіевѣ, или Вильнѣ и Новогородѣ, обычномъ его пребываніи. Кромѣ Митрополита, Ипатія и Кирилла, присутствовали еще, со стороны православныхъ, Наваналъ Полоцкій, Гедеонъ Львовскій, Михаилъ Перемышльскій, Леонтій Пиискій, Діонисій Холмскій, со многими архимандритами и игуманп; а со стороны Римлянъ, примать королевства, Архіепископъ Гнѣзненскій, съ четырьмя другими Епископами. Ипатій открылъ соборъ убѣдительною рѣчью о присоединеніи къ Западной Церкви, и, послѣ многихъ преній, преклоненный Митрополитъ съ четырьмя Епископами, измѣнившими правосла-

вію, Ипатіємъ, Кирилломъ, Леонтіємъ и Діонисіємъ, подписали соборную грамоту о союзѣ, на условіяхъ Флорентинскихъ, но съ сохраненіемъ всѣхъ правилъ и обрядовъ Восточной Церкви. — Смерть избавила Наѳанаила Полоцкаго отъ подписанія столь горестнаго акта, но Гедеонъ и Михайлъ сильно возстали противъ и нашли себѣ отголосокъ въ духовенствѣ и народѣ. Однакоже Ипатій и Кирилль, стараніемъ Короля Сигизмунда, посланы были, какъ бы отъ лица всей Россійской Церкви, къ первосвященнику Римскому, для засвидѣтельствованія предъ нимъ своей покорности, и Климентъ VIII торжествовалъ успѣшное совершеніе давно желаннаго союза. Но еще до возвращенія пословъ, Гедеонъ и Михайлъ, узнавъ о злоупотребленіи ихъ собственноручной подписи, всепародно огласили сей коварный поступокъ, а Князь Острожскій громко вопіялъ противъ измѣны Брестской, гдѣ пять Архіереевъ выдали все православіе. Волненіе общее, за древніе догматы вѣры, въ такое время, когда долженъ былъ собраться сеймъ королевскій, сдѣлало необходимымъ для обѣихъ сторонъ, созваніе новаго собора, который бы могъ опредѣлять яснѣе настоящее положеніе Церкви и обнаружить ея истинныхъ пастырей или противниковъ, и въ томъ же Брестѣ Литовскомъ соединился опять соборъ гораздо многочислѣннѣйшій перваго. Тамъ уже не одно духовенство православное пришло защищать права свои, но поднялся и старецъ Князь Констан-

тинъ Острожскій съ лучшимъ дворянствомъ; отъ имени же Короля присутствовали гетманъ Литовскій Радзивиль съ приматомъ и воеводами.

Два экзарха, патріаршіе, Никифоръ и Кирилль 1596. Лукарь, Митрополитъ Бѣлградскій Лука и Епископы Гедеонъ и Михаилъ, архимандритъ Печерскій Никифоръ и другія священныя особы, были представителями своей Церкви на соборѣ Брестскомъ. Видя колебаніе Митрополита Михаила, который только наканунѣ подписалъ окончательное согласіе на Унію, и притѣсненія отъ своихъ противниковъ, не принимавшихъ Никифора за экзарха патріаршаго, они собрались торжественно въ отдѣльномъ домѣ, потому что не могли испросить себѣ церкви; тамъ, со всѣми православными изъ клира и мірянъ, послѣ двукратнаго, тщетнаго призванія Митрополита, предали его анаемѣ, какъ отступника отъ православія, вмѣстѣ съ отпадшими Епископами. А соборище Уніятское и Римское, подтвердивъ торжественно первыя условія союза, который запечатлѣло общественнымъ служеніемъ въ единомъ храмѣ, произнесло тоже отлученіе противъ благочестивыхъ, и такъ распалась Церковь Малороссійская, на Православную и Уніятскую, сохранивъ однакоже единообразіе, не только въ священнослуженіи наружномъ, но даже и въ догматахъ, ибо Римъ допустилъ сперва символъ вѣры безъ измѣненія, и требовалъ наипаче одной лишь покорности Папѣ.

Отселе начались тяжкая долготная борьба Православія съ Уніею, во всѣхъ предѣлахъ Польскихъ и Литовскихъ, и гоненія западной Церкви, въ особенности же правительства на тѣхъ, которые не хотѣли измѣнить вѣрѣ предковъ; вопреки всѣхъ прежнихъ основныхъ узаконеній, они лишались своихъ гражданскихъ правъ, исконно равныхъ для обоихъ исповѣданій. Гоненія были столь жестоки, что три года спустя послѣ Брестскаго собора, сенаторы и дворяне православные принуждены были соединиться съ другими первостепенными и меньшими членами государства, исповѣданія протестантскаго, чтобы торжественнымъ актомъ конфедераціи Виленской, обѣщать другъ другу взаимную помощь и защиту на сеймахъ и трибуналахъ, предъ лицомъ королевскимъ. Явились и другіе защитники, вооруженные мечемъ вмѣсто закона, вольные казаки съчи Запорожской, которые, подъ предводительствомъ своихъ атамановъ, не разъ уже устрашали Польшу. Король Стефанъ Баторій далъ имъ привилегіи законныя, признавъ ихъ атаманомъ; но опасность въ свободномъ исповѣданіи вѣры православной, бывшей необходимымъ условіемъ съчи, возмутила ихъ противъ Сигизмунда, и даже на время лишила всѣхъ привилегій коронныхъ, когда храбрый атаманъ Наливайко, нанесшій столько уроновъ войскамъ Польскимъ, самъ наконецъ былъ разбитъ и созженъ гетманомъ Жолкевскимъ. Скоро однакоже они

возстали, подъ предводительствомъ новаго витязя Сагайдачнаго.

Возгорѣлась и нная войпа, язвительныхъ преній и укоризнъ, между духовными обѣихъ враждующихъ сторонъ, и доколѣ смерть не заключила уста защитниковъ Церкви, Гедеона, Михаила, Тура и самаго Князя Острожскаго, они подвизались словомъ и писаніемъ, но все это было слабо въ сравненіи превозмогавшаго насилія Уніи. Епископы, избираемые изъ числа самыхъ приверженныхъ въ Римъ, имѣли не только возможность проповѣдывать словомъ, но и дѣйствовать помощію правительства, и такимъ образомъ, въ теченіе не многихъ лѣтъ, совратили до четырехъ милліоновъ людей въ своихъ епархіяхъ.

Митрополитъ Рагоза отнялъ у православныхъ въ Кіевѣ древній соборъ Софійскій, который однако не долго оставался въ рукахъ Уніатовъ; но онъ тщетно старался присвоить себѣ лавру Печерскую, огражденную молитвами основателей Антонія и Θεодосія. Самъ онъ не смѣлъ уже, послѣ своего отпаденія, обитать въ Кіевѣ и Вильнѣ; мѣстомъ постояннаго пребыванія избралъ Новоградокъ, и тамъ до конца жизни не преставалъ колебаться, увѣряя письменно въ своемъ православіи Князя Острожскаго и пословъ Россійскихъ, пріѣзжавшихъ въ Польшу. Ипатій Владимірскій, избранный по смерти его Митрополитомъ, поддержалъ и утвердилъ Унію, распространеніемъ Доми-

никанскихъ монастырей, во всей своей церковной области и насильственнымъ отнятіемъ многихъ имуществъ у обителей православныхъ, начиная съ Кіева. Онъ испросилъ запрещеніе королевское принимать въ училища православныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нигде не позволялъ посвящать не ученыхъ. Много содѣйствовалъ въ его рѣшительныхъ мѣрахъ къ успѣху Уніи, Папа Климентъ VIII, дважды посылавшій своего легата, аббата Комулея къ Царю Феодору, будто бы для общаго крестоваго похода, но съ тою же цѣлю, съ какою нѣкогда странствовалъ по Россіи Іезуитъ Антоній Поссевишъ.

А между тѣмъ, одинъ за другимъ, отходили къ покою поборники православія, уже никѣмъ незамѣняемые. Прежде всѣхъ и почти въ одно время скончались, столѣтній Князь Константишъ Острожскій, какъ бы отжившій уже другой вѣкъ человѣческій, чтобы поддержать бѣдствующую Церковь, въ ожиданіи лучшихъ временъ, и бодрый ея пастырь Епископъ Львовскій Гедеонъ. — Семейство перваго, кромѣ одного сына, воеводы Князя Василія, отпало въ Унію; паства втораго оставалась долго безъ главы, доколѣ наконецъ Митрополитъ Валахскій не поставилъ на мѣсто его Епископа Іосифа. Скоро преставился послѣдній ревнитель Церкви, Епископъ Перемышльскій Михаилъ, и всѣ православные, не имѣя болѣе святителей, принуждены были прибѣгать, для рукоположенія священ-

никовъ и для святаго мѳра, въ отдаленный городъ Львовъ, къ Епископу Юсифу, единственному во всей югозападной Россіи. А дерзость Митрополита Ипатія возрастала по мѳрѣ ихъ упадка; даже съ опасностію жизни продолжалъ онъ передавать древнія обители Уніатамъ, и въ Вильнѣ едва не сдѣлался жертвою ярости народной, за насильственное присвоеніе Троицкаго кафедральнаго монастыря. Вопреки правилъ церковныхъ, заживо назначилъ онъ себя преемникомъ, любимца своего Юсифа, который еще усилилъ Унію, учрежденіемъ конгрегаціи училищъ и главной надъ ними семинаріи. Противодѣйствуя ему тѣми же средствами, нѣкоторые изъ вельможъ православныхъ старались съ своей стороны заводить такъ называемыя училищныя братства, жертвуя въ нихъ своимъ имуществомъ.

Въ столь бѣдственномъ и безутѣшномъ положеніи находилась, въ теченіи болѣе двадцати лѣтъ, Церковь Малороссійская, лишенная своихъ Митрополитовъ и всѣхъ Епископовъ, до пришествія Патриарха Іерусалимскаго Теофана, волнуемая Уніею, одолюваемая Римомъ. — Но и Церкви Россійской горько откликнулись сіи смятенія страждущей сестры ея, когда изъ того же зараженнаго гнѣзда, изъ тѣхъ же гибельныхъ стихій, создался страшный Самозванецъ, искусною рукою Іезуитовъ, и тою же бурей дохнулъ на Россію.

Но уже Θεодоръ закрылъ глаза на вѣки, спавшій 1589. севный Провидѣніемъ отъ зрѣлища грядущихъ

бѣдствій: въ лицѣ его шестивѣковъй родъ Рюрика прощался съ Россією, осыпая ее послѣдними благодѣяніями на вѣчную разлуку; — блаженна была кончина христіюлюбиваго Царя: ему видѣлся святыи мужъ, срѣтающій его въ небесныя сѣни, и пусть остался безъ него домъ царства Московскаго. Безутѣшная вдовица Ирина, единодушно признанная правительствующею Царицею, оставила престолъ и постриглась въ монастырѣ Новодѣвичьемъ; однакоже, на ея новое ангельское имя Александры продолжали писаться грамоты и вершиться всѣ дѣла, ибо не было другой главы государству. Патріархъ соблюдалъ только тишину и созывалъ думу, сперва боярскую, потомъ земскую, для избранія Царя. Два лица привлекали на себя общее вниманіе, по сродству съ усопшимъ: двоюродный братъ его, по матери Анастасіи, бояринъ Феодоръ Никитичъ Романовъ, и шуринъ его по супругѣ Иринѣ — Борисъ Годуновъ.

Но Россія, въ теченіи четырнадцатилѣтняго царствованія Феодора, уже привыкла къ правленію Бориса и испуганная небывалымъ дотолѣ сиротствомъ своимъ и безначаліемъ, избрала его, по внушенію Патріарха Іова и приближенныхъ Бояръ. — Долго отказывался Борисъ, и даже укрылся въ келлію Царицы сестры своей. Патріархъ, съ крестнымъ ходомъ всего духовенства, едва могъ умолигъ его на царство, ради пришествія къ нему въ обитель самой иконы Владимірской Бо-

гоматери, и торжественно вѣнчалъ въ соборѣ Успенскомъ, вѣнцемъ Мономаха.

Казалось, все благопріятствовало новому Царю, мудрому и опытному въ дѣлахъ правленія, уважаемому внутри и внѣ государства, коего одинъ воинскій станъ испугалъ пословъ Крымскихъ на берегахъ Оки, и съ которымъ дружественно сносились Кесарь, Королева Англинская, Шахъ Персидскій и ближніе сосѣди. Дворъ его царскій славился необычайною пышностію, а теремъ украшался цвѣтушею семьєю, сыномъ Θεодоромъ и дочерью Ксенією, предметами его пѣжпѣйшей любви, для коихъ старался упрочить свѣтлое будущее и два престола: Русскій Θεодору и Датскій Ксеніи, чрезъ союзъ брачный съ Королевичемъ — Не было причины сомнѣваться въ порядкѣ законнаго престолонаслѣдія; но ближніе бояре и родственники Θεодора, Романовы, возбуждали подозрѣвіе Годуноза. Ихъ оклеветали въ покушеніи на жизнь царскую и подобно Нагимъ, дядямъ отрока Димитрія, разосланы были по дальнимъ темницамъ пять братьевъ Романовыхъ, гдѣ четверо скончались. Старшій изъ нихъ Θεодоръ и супруга его Марія пострижены неволею, первый, подъ именемъ Филарета, въ пустынной Сійской обители, другая же, подъ именемъ Марфы, въ обители Заонежской; а юный сынъ ихъ Михаилъ, будущій Царь, раздѣлилъ за ключеніе съ дядею своимъ, Княземъ Черкасскимъ, на Бѣломъ озерѣ.

Скоро распространился жестокий голод по всей Россіи, тщетно облегчаемый благоразумными мѣрами Бориса, который кормилъ и занималъ работами народъ; памятникомъ царскихъ заботъ осталась сооруженная въ столицѣ колокольня Ивана Великаго. Отъ голода возникли болѣзни, разбои и своеволие по всему государству. — Это было только начало бѣдствій, которыхъ не могли отклонить ни усердныя молитвы, ни щедрые вклады и милостыни Бориса, великолѣпнаго изъ всѣхъ Царей по своимъ даяніямъ. Страшныя знаменія какъ бы предвѣщали о наступающихъ смятеніяхъ; но подобно кроткому супругу Θεодору, еще съ миромъ отошла инокиня Царица Александра; — остался Борисъ одинъ, чтобы исчерпать все горе.

Въ сіе тяжкое время пророчески слухъ по Россіи, что давно оплакиваемый ею отрокъ, сынъ Іоанновъ, Царевичъ Димитрій, живъ и явился въ Польшѣ. Смущенный Борисъ сталъ испытывать о времени явленія его, и о самомъ лицѣ Самозванца, и вызвалъ даже, для объясненія, заточенную мать Царевича, изъ Бѣлоозера въ столицу. Открылось, что нѣкто изъ дѣтей боярскихъ, Григорій Отрепьевъ, жившій сперва въ служеніи у Романовыхъ, смѣтливый и грамотный, постригся въ иноки, перешелъ изъ Суздаля въ Чудовъ монастырь, гдѣ Патріархъ Іовъ посвятилъ его въ діаконы и занималъ писаніемъ каноновъ, не смотря на предостереженіе Митрополита Ростовскаго Іоны,

который предвидѣлъ въ юномъ недостойномъ чернецѣ сосудъ діавольскій. При дворѣ Патріарха и Царя слышалъ Григорій о бѣдственной кончинѣ Царевича, о случайномъ сходствѣ своего лица съ Димитріевымъ, и въ нескромныхъ шуткахъ обѣщался быть Царемъ на Москвѣ. Дерзкая рѣчь достигла Царя, и Соловецкій островъ ожидалъ инока, когда, чрезъ родственнаго дьяка, узнавъ о своемъ осужденіи, Отрепьевъ тайно бѣжалъ, съ двумя другими чернецами, въ Новгородъ Сѣверскій, переходя изъ обители въ обитель. Въ Путивлѣ впервые намекнулъ онъ архимандриту о своемъ высокомъ происхожденіи. Принятый въ Кіевѣ, у сына знаменитаго Князя Константина Острожскаго, онъ опорочилъ себя нечистою жизнію, бѣжалъ въ сѣчу Запорожскую къ казакамъ, участвовалъ въ ихъ удамыхъ походахъ; потомъ учился грамотѣ Польской и Латинской, въ Волинскомъ училищѣ, и поступилъ въ услуженіе къ богатому вельможѣ Князю Адаму Вишневецкому, гдѣ въ часъ мнимой болѣзни открылся духовнику и убѣдилъ легковѣрнаго Князя въ своемъ царскомъ родѣ.

Такое сказаніе, о бѣгломъ инокѣ Отрепьевѣ, распушено было изъ столицы, при первыхъ слухахъ о появленіи Лжедимитрія, и возглашена ему соборная анаѳема вмѣстѣ съ вѣчною памятію блаженному отроку; посланъ и дядя Отрепьева, Смирной, въ Польшу для обличенія племянника прель Свигизмундомъ, куда уже проникъ Самозванецъ, че-

стинный Княземъ Вишневецкимъ, какъ истинный сынъ Іоанна, будто бы спасенный вѣрнымъ врачомъ изъ Углича: онъ былъ поддерживаемъ Іезуитами и папскимъ нунціемъ Рангони, которые избрали его орудіемъ для покоренія Россіи и обратили къ нему сердце Короля. Посреди тяжкой борьбы Уніи съ Православіемъ, обуревавшей тогда Литву и Волинь, ничто не могло быть благопріятнѣе Риму, какъ появленіе такого лица, которое бы въ силахъ было лестію потрясти православіе въ самомъ его сердцѣ, въ столицѣ Русской; всякое средство казалось позволительнымъ. — Сигизмундъ, признавъ Лжедимитрія, не рѣшился однакоже нарушить перемирія съ Россіею, и дозволилъ только своимъ вельможамъ дѣйствовать въ пользу мнимаго Царевича.

Первый вооружился воевода Сендомирскій Мишекъ, горделивой дочери коего Маринѣ обѣщаль Самозванецъ руку и престолъ Московскій; скоро присоединились къ нему бѣглыя шайки Украйны и казаки Донскіе, убѣжденные однимъ измѣнникомъ въ подлинности Царевича: взволновались предѣлы Сѣверскіе. Борисъ въ недоумѣніи мѣшкалъ и рассылалъ соборныя грамоты патриаршія въ Кіевъ и Литву, для разувѣренія воеводъ, духовенства и народа; наконецъ выслалъ и войско, которому споспѣшествовала мужественная защита Новгорода Сѣверскаго, воеводою Басмановымъ. — Дважды разбитый Самозванецъ, дважды опять появлялся съ новыми силами уже въ предѣлахъ Ор-

ловскихъ, и между тѣмъ болѣе и болѣе приобрѣталъ себѣ мнѣніе народное, когда внезапная кончина поразила Бориса, по выходѣ изъ царственной трапезы. Едва успѣлъ онъ пріять образъ икоическій, съ именемъ Боголѣпа, и поручить Патріарху юнаго сына Θεодора: — съ нимъ кончилось и величіе его дома.

Бояре присягнули новому Царю, но не надолго: мужественный Басмановъ, избранный воеводою войску царскому, предалъ его Лжедимитрію; за сею измѣною послѣдовали другія, первѣйшихъ вельможъ Россійскихъ. Ужась объялъ столицу, грамоты Самозванца загремѣли съ лобнаго мѣста; тщетно бояре Шуйскій и Мстиславскій, по совѣту Патріарха, вышли изъ Кремля уговаривать народъ, буйные кинулись въ Кремль и свели юнаго Царя, съ его матерію и сестрою, въ тотъ частный домъ Бориса, отколѣ такъ пышно возшелъ онъ на царство. Бояре, единомышленники Самозванца, возгласили ему присягу; тщетно въ соборномъ храмѣ Успенія обличалъ ихъ Патріархъ Іовъ: во время литургіи вторглись злодѣи въ храмъ и совлекли съ него святительскія ризы. Самъ онъ, сложивъ съ себя панагію къ образу Владычицы, съ твердостію произнесъ: «здѣсь, предъ сею иконою святою, поставленъ я былъ въ святители и девятнадцать лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры: пылъ вижу бѣдствіе царства, торжество обмана и ереси; Матерь Божія спаси православіе.» На него надѣли

черную рясу, позорили на площади и повезли на телегахъ въ Старицкій монастырь, прежнюю его обитель. А юнаго Царя и его несчастную мать удушили убійцы, подобныя тѣмъ, какіе нѣкогда нашлись для отрока Димитрія, — ибо Господь взыскиваетъ иногда грѣхи отцевъ на дѣтяхъ.

Торжественно подвигался къ Москвѣ Лжедимитрій; сановники государства устремились къ нему на срѣтеніе въ Тулу, и уже тамъ увидѣли его предпочтеніе иноземцамъ; первымъ совѣтникомъ его былъ Іезуитъ. Радостно встрѣтила столица мнимо воскресшаго сына Іоаннова, по привязанности къ древнему племени Царей своихъ, и скоро остыла къ самозванцу, видя нечестіе и своеволіе окружавшихъ его Поляковъ, и неуваженіе къ святынѣ самаго Царя, поправшаго отеческія преданія. Приступили наскоро къ избранію Патріарха, вмѣсто заточеннаго Іова. Самозванецъ страшился Святителей Русскихъ и выбралъ Грека Игнатія, Архіепископа Рязанскаго, бывшаго нѣкогда Кипрскимъ, который пришелъ въ Россію съ Патріархомъ Антиохійскимъ и остался на жительство, подобно Арсенію Элассонскому. Однакоже, для соблюденія порядка церковнаго, Лжедимитрій послалъ избраннаго имъ въ Старицу, испросить благословеніе у старца Іова; но твердый посреди гоненій, зная преклонность Игнатія къ обычаямъ Римскимъ, Святитель отказалъ въ благословеніи и, не смотря на угрозы, назвалъ его пастыремъ достойнымъ

своего атамана: вопреки Юву посвятили Игнатія. Для большаго свидѣтельства о мнимомъ родствѣ съ Юанномъ, возвращены были изъ заточенія оставшіеся еще въ живыхъ, Нагіе и Романовы, инокъ Филаретъ, инокиня Марѳа и юный сынъ ихъ Михаилъ. По волѣ Провидѣнія, употребляющаго и недостойныя орудія на пользу, Лжедмитрій сдѣлался виною возвышенія Филарета Никитича, котораго посвятили Митрополитомъ въ Ростовъ. Возвращены и другіе знаменитые изгнанники, мертвые и живые: гробы Нагихъ и гробы Романовыхъ съ честію перенесены въ Москву; гробъ же Бориса съ безчестіемъ извергнуть изъ собора Архангельскаго, и зарыть въ монастырѣ Варсонофьевскомъ, въ ожиданіи третьяго погребенія въ лаврѣ Троицкой, уже при Шуйскомъ.

И бѣдствующій Царь, изъ рода Казанскихъ, Симеонъ Бекбулатовичъ, названный В. Княземъ Тверскимъ при Юаннѣ Грозномъ, сосланный въ свою область и ослѣпшій при Феодорѣ, на краткое время воспользовался милостію царскою, чтобы опять кончить заточеніемъ въ Соловецкой и Бѣлозерской обители, гдѣ довершилъ инокомъ странное и многоятежное свое поприще. Сама Царица инокиня Марѳа, мать настоящаго Дмитрія, вызвана была вторично изъ Бѣлозерской пустыни, мнимымъ ея сыномъ, и должна засвидѣтельствовать, безмолвнымъ сознаніемъ и пріятіемъ почестей царскихъ, о подлинности Лжедмитрія. Ей устроили

келіи въ Кремлѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ приняла она какъ дочь гордую невѣсту Самозванца. Съ чрезвычайнымъ торжествомъ пришла изъ Польши Марина, съ отцемъ своимъ воеводою, къ крайнему соблазну народа, по нескромности обычаевъ западныхъ и неумѣстной расточительности Царя, который отдавалъ цѣлыя области ей и тестю Мнишкѣ. Два мужественные Святителя дерзнули требовать крещенія новой Царицы и оставленія догматовъ Римскихъ, прежде ея вѣнчанія, Митрополитъ Гермогенъ Казанскій и Юсифъ Епископъ Коломенскій, и сосланы были въ монастыри своихъ епархій; бракъ и вѣнчаніе совершились вмѣстѣ. Лжедимитрій, еще прежде дозволившій Римскимъ священникамъ и Лютеранамъ отправлять свое богослуженіе въ Кремлѣ, уже совершенно пренебрегалъ обряды православные, переписываясь съ Папою, который приглашалъ его къ соединенію Церквей, и находясь въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ его нунціемъ Рангои и Іезуитами. Походъ крестовый, для завоеванія Царьграда, былъ любимомъ мечтою воинственнаго Самозванца. — Между тѣмъ, съ умноженіемъ пасилій Польскихъ, оскудѣвало терпѣніе народа; ропотъ и обличенія дѣлались болѣе гласными. Одинъ дьякъ царскій не убоился, въ лице Лжедимитрію, назвать его Отрепьевымъ, и заплатилъ жизнью за великодушную смѣлость, подобно другимъ, не щадившимъ себя для истины. Въ числѣ ихъ явился царедворецъ, нѣкогда льсти-

вый при Годуновѣ, Шуйскій, который лже-свидѣтельствовалъ о убіеніи истиннаго Дмитрія и отважился сказать правду о ложномъ. Ходатайство Царицы матери едва могло спасти его отъ казни, уже на лобномъ мѣстѣ, но онъ сдѣлался за то предметомъ любви народной; безпечный Самозванецъ, забывъ всѣ мѣры благоразумія, посреди увеселеній брачныхъ, скоро возвратилъ его изъ ссылки, и Шуйскій составилъ въ домѣ своемъ заговоръ съ боярами, людьми градскими и воинскими, для низверженія лжецаря.

Ночью взволновалась Москва, съ разсвѣтомъ ударили въ набатъ и толпы вооруженныхъ, предводимыя Шуйскимъ, устремились въ Кремль къ палатамъ царскимъ. Одни только тѣлохранители иноземные защищали Самозванца; онъ бросился изъ окна на житный дворъ, гдѣ былъ прежній домъ Царя Бориса, и съ сломанною ногою поднятъ былъ стрѣльцами. Еще разъ требовали свидѣтельства матери, чтобы удостовѣриться въ истинѣ лица его, и въ сію минуту вызванная изъ келліи Марѳа не признала его сыномъ. — Стали допрашивать самаго Лжедмитрія, два выстрѣла поразили его среди допроса: бояре едва спасли его супругу Марину, съ отцемъ ея и послами Польскими; но не многіе изъ Поляковъ избѣгли яростной черни. Шуйскій съ трудомъ усмирилъ мятежъ; прахъ Самозванца сожгли и развѣяли. На другой день послѣ смятенія, дума боярская и народъ еди-

подушно избрали Царемъ виновника избавленія, Князя Василія Шуйскаго, старѣйшаго между родами княжескими Рюрика. Митрополиты и Епископы благословили его на царство и тогда же заключили въ Чудовъ лжепатріарха Игнатія, поблажавшаго Самозванцу. Новый Царь прежде всего требовалъ избранія новаго Патріарха, чтобы не оставалась безъ пастыря Церковь Русская; — дряхлый Ювъ уже ослѣпъ отъ золь и гоненій. Общимъ голосомъ освященнаго собора избранъ былъ великодушный Митрополитъ Казанскій Гермогенъ, исповѣдникъ во дни Лжедмитрія, мученикъ за вѣру и отечество во время междуцарствія, ибо страшная буря, возбужденная Самозванцемъ, не утихла его сверженіемъ; спасеніе Марины, пословъ и нѣкоторыхъ вельможъ Сигизмундовыхъ не удовлетворило Польши, которая хотѣла воспользоваться бѣдствіемъ Россіи и сокрушить въ ней державу и православіе подобно какъ въ Литвѣ.

2. ГЕРМОГЕНЪ.

Не утихла буря и внутри государства; достаточно было однажды возбудить и взволновать умы, ииенемъ близкимъ сердцу народа, чтобы безпрестанно являлись новые самозванцы и новые измѣнники, съ которыми тщетно боролся Василій въ четырехлѣтнее свое царствованіе. Казалось Россія не вѣрила ему за первую ложь надъ гробомъ Царевича. — Этотъ самый гробъ, съ нетлѣнными мошами блаженнаго отрока, рѣшился перенести въ столицу Шуйскій, для большаго удостовѣренія Россіи, на которую мало дѣйствовали его грамоты, вмѣстѣ съ грамотами Царицы Марѣы. Онъ послалъ родственнаго Димитрію Митрополита Ростовскаго, Филарета, съ Архіепископомъ Астраханскимъ Θεодосіемъ и боярами, за святыми останками въ Угличь, и самъ принялъ на рамена сіе царственное бремя, чтобы опустить въ могилу, изготовленную нѣкогда въ Архангельскомъ соборѣ для праха Борисова. Но обиліе чудесъ и исцѣленій надъ гробомъ Царевича, не допустило довершить погребенія; онъ былъ поставленъ среди собора для благоговѣйнаго чествованія, и предъ нетлѣннымъ лицомъ своего

сына, еще однажды, всенародно испросила себѣ его мать Царица разрѣшеніе въ невольномъ лже-свидѣтельствѣ, у Патріарха Гермогена.

И другой великій разрѣшитель и страдалецъ былъ вызванъ изъ глубины своей келліи, гдѣ уже ослѣпшій плакался о суетѣ міра, — Іовъ Московскій. На краю гроба, за нѣсколько дней до кончины, подвигся онъ изъ обители Старицкой, мольбами Царя и Патріарха, чтобы придти разрѣшить въ столицѣ народъ Московскій и всю землю Русскую, отъ извѣны сыну Бориса и присяги Самозванцу. Трогательное зрѣлище открылось въ соборѣ Успенскомъ: — слѣпой, въ рясѣ иноческой, стоялъ Іовъ у патріаршаго мѣста, рядомъ съ Гермогеномъ, и внималъ покаянію народному, изложенному въ грамотѣ царской, которую громогласно читали ему съ амвона; самъ онъ, въ свою череду, прочелъ отпустительную грамоту народу и разрѣшалъ его, какъ бывшій Патріархъ, исчисляя бѣдствія отчизны и собственныя страданія, въ томъ самомъ соборѣ, гдѣ стоялъ уже какъ выходецъ другаго міра, безмятежнаго, безпечальнаго, съ тихимъ соболѣзнованіемъ взирая на многмятежное волненіе земли и, какъ всякое завѣщаніе твердо лишь по смерти завѣщателя, Іовъ, едва достигнувъ обители Старицкой, — скончался.

Первый поднялъ на югѣ знамя бунта Шаховской, именемъ Димитрія, когда еще семействомъ Мнишекъ не былъ созданъ новый самозванецъ, и

Марина съ отцемъ своимъ сидѣли въ Ярославѣ. Къ нему присоединились Болотниковъ и Ляпуновъ, вождь Рязанцевъ, но послѣдній, проникнувъ коварство своихъ сообщниковъ, съ омерзениемъ ихъ оставилъ. Взволновались опять предѣлы Сѣверскіе, и явился у Донцевъ еще мнимый сынъ Царя Феодора, Лжепетръ: воеводы Василевы бѣжали; Тула и Калуга впали въ руки мятежниковъ, которые дерзнули приступить къ столицѣ, и подъ стѣнами ея отражены войсками царскими. Они напали и на беззащитную Тверь, но мужественный Архіепископъ Феоктистъ одушевилъ гражданъ и отбилъ непріятеля. Самъ Государь принужденъ былъ ополчиться и, послѣ долгой осады, взятіемъ Тулы прекратилъ первую начала бунта; но не смотря на плѣнъ и казнь зачинщиковъ, Калуга осталась въ рукахъ другой шайки.

А между тѣмъ, происками мятежниковъ, нашелся наконецъ, въ низшихъ сословіяхъ народа, человекъ, который принялъ на себя личину Дмитріеву, явился въ Сѣверской области и опять собралъ ватаги разбойниковъ, вольницу Донскую и шляхту Польскую. Опять присоединились къ нему конфедераты и вельможи Литовскіе, князь Рожинскій, гетманъ Сапѣга и наѣздникъ Лисовскій; они двинулись къ смятенной столицѣ и основались на полтора года, за двѣнадцать верстъ отъ нея, въ селѣ Тушинѣ. Василій поставилъ станъ свой въ предмѣстіи и послалъ племянника, юнаго воеводу князя Михаила Скопина, уже прославленнаго нѣ-

сколькими побѣдами, искать помощи у Шведовъ, потому что положеніе Россіи становилось безнадежно. Предательство открылось внутри Москвы, измѣнники вельможи равнодушно переходили отъ Царя къ самозванцу, прослывшему Тушинскимъ воромъ; съ нимъ соединилась честолюбивая Марина, когда по ходатайству Сигизмунда, неосторожно выпустили ее изъ темницы Ярославской. Одинъ за другимъ сдавались города Русскіе, Лисовскому и другимъ атаманамъ, и немногіе остались вѣрными Василю; горы могилъ, по выраженію лѣтописей, воздымались на землѣ Русской, терзаемой повсюду безначаліемъ и грабежами; казалось все царство, собиравшееся вѣками, рассыпалось внезапно, не смотря на усилія доблестныхъ пастырей Церкви, которые твердо держались престола и страдали вмѣстѣ съ паствою.

Уже отважный Архіепископъ Θεоктистъ взятъ былъ въ покоренной Твери и убитъ на пути, за покушеніе избѣгнуть плѣна Тушинскаго; Геннадій Псковскій не пережилъ измѣны своего города; Галактіонъ Суздальскій скончался въ изгнаніи за то, что не хотѣлъ благословить самозванца; Юсифъ, Епископъ Коломенскій, уже однажды сопротивлявшійся первому, схваченъ былъ воинами втораго, которыхъ тщетно хотѣлъ вразумить, и влачимъ вслѣдъ за ними привязанный къ пушкѣ. Не кончилось время испытанія и для будущаго предстоятеля Церкви, Филарета Романова, Митрополита

Ростовскаго. Въ древнемъ Успенскомъ соборѣ, своей епархіи, мученически вступилъ онъ въ тотъ десятилѣтній подвигъ страданій, изъ коего вышелъ Патріархомъ, уже въ царствованіе сына. Измѣнники Переяславскіе внезапно напали на Ростовъ, граждане коего бѣжали въ укрѣпленный Ярославль; но Филаретъ какъ добрый пастырь, полагающій душу за паству, не преклонился на бѣгство ихъ мольбамъ: — онъ заперся въ соборѣ и совершивъ литургію, причастилъ народъ, спокойно ожидая своей участи. Мятежники ломились въ двери, Митрополитъ же не престававъ ихъ увѣщавать, доколѣ, вторгшись силою, сорвали съ него святительскія одежды и повлекли едва живаго, въ рубищѣ, среди посмѣяній, на новыя поруганія въ Тушино; тамъ долженъ онъ былъ терпѣть лице Лжедмитріево и видѣть его мнимый дворъ и царство, и не прежде освободился, какъ послѣ бѣгства Тушинскаго вора, отбитый отрядомъ Шуйскаго изъ рукъ вражійхъ, подъ стѣнами обители Св: Іосифа Волоколамскаго.

Въ свою чреду прославилась мужествомъ иноковъ лавра Троицкая, которой не могло быть чуждо ни одно изъ бѣдствій столицы. По совѣту самозванца съ союзниками, гетманъ Литовскій Сапѣга и панъ Лисовскій пришли осадить твердыню монастырскую, чтобы прекратить сообщеніе Царю Василію съ сѣверными и восточными его областями. Архимандритъ Іоасафъ и воеводы князь Долго-

рукій и Голохвастовъ, словомъ и дѣломъ укрѣпились противъ льстивыхъ рѣчей и смѣлыхъ нападеній, и помощію преподобнаго Сергія шестнадцать мѣсяцевъ отсиживались отъ тяжкой осады, хотя 30,000 непріятелей обставили турами и обнесли валомъ ограду, изъ шестидесяти орудій непрестанно стрѣляя по стѣнамъ и храмамъ. Отважны и жестоки были приступы, не менѣе убійственны вылазки; по всѣмъ окрестностямъ лавры, въ росяхъ, на прудахъ и оврагахъ кипѣла сѣча; иноки и простые поселяне волостей Троицкихъ не уступали храбрѣйшимъ воинамъ; подкопы ведены были подъ башни, но они встрѣчались подъ землею съ другими подкопами, и башни, готовыя взлетѣть на воздухъ, оставались неколебимы. Таковъ былъ видимый покровъ святыхъ игуменовъ Сергія и Никола, утѣшавшихъ своими явленіями братію, которой болѣе осьмисотъ человекъ пало отъ меча и болѣзней въ теченіе осады, но лавра устояла. Служившая тогда единственною защитою царству, обуреваемая врагами, она еще вспомоществовала столицѣ своими хлѣбами, когда во время голода, знаменитый келарь Аврамій Палицынъ открылъ, по просьбѣ царской, свое хранилище и пропиталъ дважды истощенную Москву.

Василій уже колебался на шаткомъ престолѣ, окруженный бурями, какихъ дотоле не видала Россія; съ трудомъ разсѣялъ онъ на красной площади мятежное сонмище, которое тщетно увѣщавалъ

Патріархъ Гермогенъ, но еще въ послѣдній разъ и на краткое время прояснились для Царя темные дни его правленія, побѣдами юнаго племянника князя Михаила. Съ помощію Митрополита Исидора, утвердивъ вѣрность гражданъ Новгородскихъ, онъ заключилъ договоръ со Шведами и, вмѣстѣ съ нихъ военачальникомъ Делагарди, началъ постепенно очищать предѣлы сѣверные, всюду поражая измѣнниковъ и Литовцевъ. Обитель Св. Макарія Колязинскаго видѣла его побѣду; въ слободѣ Александровской, нѣкогда страшномъ жилищѣ Іоанна, утвердился юный стратигъ, собирая полки восточные, и бѣжали изъ подъ стѣнъ лавры Сапѣга и Лисовскій.

Но сіе первое испытаніе доблести Троицкой служило только началомъ исполнскихъ трудовъ, какіе подняла лавра за отечество. Уже ея сокровища были истощены, тремя займами въ 65,000 рублей (около милліона нынѣшнихъ) Царей Годунова, Лжедмитрія и Шуйскаго; послѣдній потребовалъ еще новыхъ пособій, — отдали сосуды и утварь, когда долгая осада сдѣлала необходимымъ починку обрушенныхъ стѣнъ. Не много дней оставалось Царю Василию до насильственнаго постриженія и плѣна Польскаго, не много и Патріарху Гермогену исповѣдывать имя Христово на престолѣ святительскомъ до мученической кончины, когда обоимъ пришла свыше благая мысль избрать Старицкаго архимандрита Діонисія настоятелемъ лавры,

вмѣсто умершаго Юсифа, и тѣмъ спасти отечество; ибо когда болѣе не существовало ни Царя, ни Патриарха, когда такъ сказать не было самой Москвы, полтора года томившейся подъ игомъ Польскимъ, — тогда лавра сдѣлалась сердцемъ всея Руси, Діонисій одинъ замѣнилъ всѣ власти, и какъ видимый покровъ Св. Сергія, осынилъ всю землю Русскую и собралъ ее къ развалинамъ столицы.

Бѣдствія государства, отсюду воюемаго, подвигли и заколебалаго ея врага Сигизмунда вступить въ беззащитные предѣлы уже не съ шайкою конфедератовъ, подобно Лжедмитрію, но съ устроеннымъ войскомъ, потому что онъ хотѣлъ себѣ и сыну Владиславу престола Московскаго. Король надѣялся пайти измѣну въ Смоленскѣ, но Смоленскъ соревновалъ лаврѣ; тамъ укрѣпились воевода Шеинъ съ Архіепископомъ Сергіемъ и сдѣлали тщетнымъ все нашествіе Польское; въ долгой осадѣ истощились духъ и силы войска и походъ сей временно освободилъ Москву отъ полчищъ самозванца, не признаваемаго Королемъ. Лжедмитрій бѣжалъ съ Мариною въ Калугу, ему вѣрную, и составилъ тамъ новое скопище; а Тушинскіе измѣнники, Салтыковъ и Мосальскій, предложили вѣнецъ Королевичу Владиславу, сыну Сигизмундову.

Между тѣмъ, очищая себѣ путь побѣдами, радостно приближался къ столицѣ князь Михаилъ; народъ привѣтствовалъ съ восторгомъ своего избавителя; Ляпуновъ предложилъ ему вѣнецъ царскій

и великодушно отринуть его юный витязь; но подозрѣніе впадо въ душу Царя, зависть овладѣла братомъ его Димитріемъ и злобною невѣсткою, дочерью злодѣя Скуратова, и на пиршествѣ въ ихъ домѣ внезапно скончался Михаилъ; ярость народа, съ трудомъ укрощеннаго, обратилась въ плачь надъ его раннимъ гробомъ; еще однажды и уже въ послѣдній разъ потряслось въ основахъ царство Василя. Опять возгорѣлся мятежь, Ляпуновъ отторгнулъ Рязанскую область, одинъ только Зарайскъ удержанъ княземъ Пожарскимъ, будущимъ освободителемъ Россіи; поколебалась вѣрность Казани и другихъ городовъ.

Гетманъ Жолкевскій уже шелъ къ Москвѣ изъ подъ Смоленска, чтобы покорить ее Владиславу. Князь Димитрій Шуйскій, воевода по смерти храбраго племянника, встрѣтилъ гетмана подъ Клушинымъ, около Можайска, и бѣжалъ разбитый, Шведы, его союзники, отступили къ Новгороду съ Демагардіемъ. Зашевелилось и смрадное гнѣздо Лжедимитрія въ Калугѣ; полчища его разрушили обитель Пафнутіевскую, гдѣ защищался съ иноками доблестный князь Волконскій; враги явились опять подъ Москвою въ селѣ Коломенскомъ. Взволновалась столица и измѣнила несчастливому Царю: братъ Ляпунова, князь Голицынъ и другіе вожди Московскіе, съѣхались съ измѣнниками Тупицкими и рѣшили отложиться равно отъ Лжедимитрія и Василя, убѣдить его оставить цар-

ство и ввѣрить старшему боярину князю Мстиславскому, съ думою боярскою, кормило правленія, до новаго избрапія.

Сильно воспротивился Патріархъ Гермогенъ сей новой измѣнѣ: его не послушали. Василій низведенъ былъ съ престола и постриженъ въ Чудовѣ, а супруга его въ Ивановскій обители. Одинъ изъ мятежниковъ приносилъ обѣты за постригаемаго неволею Царя; — Патріархъ объявилъ ихъ недѣйствительными. Но приверженцы самозванца обманули бояръ Московскихъ, и когда не стало у нихъ Царя, предложили опять Ажедимитрія, а Жолкевскій уже подступилъ. Въ столь крайнихъ обстоятельствахъ князь Мстиславскій предложилъ думѣ избрать Царемъ Владислава Польскаго. Снова возсталъ Патріархъ, убѣждая не жертвовать Церковію, предлагалъ дать вѣнецъ знатному вельможѣ князю Василю Голицыну, или юному Михаилу, сыну Филарета Романова, внуку первой супруги Іоанновой, но большинство голосовъ рѣшило въ пользу Владислава, потому что боялись слабости избираемыхъ соотечественниковъ. Начались переговоры съ Жолкевскимъ, который радостно принялъ предложенія столь лестныя Польшѣ, и безъ воли Сигизмунда заключилъ торжественный договоръ съ Патріархомъ и боярами. Всѣ условія были въ пользу Россіи, и великіе послы, князь Василій Голицынъ и Митрополитъ Филаретъ Ростовскій, которые оба могли имѣть виды на престолъ, вмѣстѣ

съ келаремъ Тронцкимъ Авраміемъ, отправлены были подъ Смоленскъ, просить у Сигизмунда сына на царство, съ тѣмъ чтобы крестился онъ въ православную вѣру. Гермогенъ заклиналъ ихъ не выдавать отечества, и Филаретъ далъ обѣтъ умереть за вѣру.

Между тѣмъ столица присягнула Владиславу; самозвапецъ, оставленный Польскими союзниками, бѣжалъ опять въ Калугу, гдѣ скоро былъ убитъ за свою жестокость; осталась тамъ одна Марина съ новорожденнымъ сыномъ. Но Жолкевскій не отступалъ отъ Москвы; измѣнники Тушинскіе ее наводняли, Самтыковъ, Мосальскій, Молчановъ; они пришли въ соборъ просить благословенія патриаршаго; съ твердостью отвѣчалъ имъ пастырь: «если вы пришли въ церковь праведно и не съ лестію, буди на васъ благословеніе, если же нѣтъ,— анаѳема.» Скоро оказалась ихъ правда: ночью впустили они Поляковъ въ Кремль, подъ предлогомъ усмиренія черни, утромъ оружіе ихъ заблестало къ ужасу гражданъ, на стѣнахъ Кремля и Китая. Сего только ожидалъ гетманъ, чтобы удалиться; онъ оставилъ въ Москвѣ военачальникомъ Гонсѣвскаго и думу боярскую для управленія, взялъ съ собою двухъ братьевъ Царя, и самаго Василія изъ обители Волоколамской, куда былъ заточенъ, и отправился къ Королю подъ Смоленскъ.

Тамъ уже бѣдствовали послы наши, удивляя враговъ твердостью и терпѣніемъ, наравнѣ съ мужественными защитниками города. Король не разгадалъ вели-

кой мысли гетмана, не радовался воцаренію Владислава, думая самъ за него властвовать и прежде всего требовалъ сдачи Смоленска и денегъ. Слезно молили Филаретъ и Голицинъ не испровергать дѣла гетманова. — тиетно; самъ гетманъ, видя нарушеніе договора и плодъ своихъ побѣдъ, теряемый мѣлкимъ честолюбіемъ Сигизмунда, удаллся изъ стана, предавъ Королю Василю, который поддержалъ свое достоинство въ бѣдствіи и не унизился предъ гордымъ побѣдителемъ. А непреклонные послы, претерпѣвая долгое время холодъ и нужду, подобно Царю своему, отправлены были подъ стражею въ Польшу, гдѣ еще девять лѣтъ томилсь въ тяжелой неволѣ.

Наконецъ общее негодование, противъ Сигизмунда и насилія Поляковъ, обнаружилось; Гермогенъ благословилъ ополчаться за родину, Ляпуновъ Рязанскій поднялъ оружіе. Народъ ропталъ громко и ссорился съ Поляками; грамоты Московскія и Смоленскія, о помощи, ходили по всѣмъ частямъ государства, гдѣ собирались ополченія. Убѣдительно были посланія архимандрита Троицкаго Діонисія къ воеводамъ; на слезный зовъ его подвиглись даже Тушинскіе вожди, князь Трубецкой и атаманъ казаковъ Заруцкій, скоро опять измѣнившій; но покамѣстъ они медлили — сгорѣла Москва.

Дума боярская уже потеряла всю силу; Гонсѣвскій убѣждалъ Патріарха, чтобы онъ запретилъ

общее возстаніе, измѣнникъ Салтыковъ требовалъ сего нагло. «Запрещу, твердо отвѣтствовалъ Гермогенъ, если увижу крещеніе Владислава и выходящихъ Поляковъ; велю, если сего не будетъ, и разрѣшаю всѣхъ отъ присяги Королевичу.» Салтыковъ поднялъ ножъ на старца; Святитель, осѣнивъ его крестомъ, сказалъ: «се знаменіе противъ твоего дерзновенія, да въздетъ вѣчная клятва на главу твою; и обратясь къ князю Мстиславскому, который далъ совѣтъ на избраніе Королевича, тихо произнесъ: «твое начало, тебѣ первому должно пострадать за правду; но ты прельстился, и преселить Господь тебя, и корень твой отъ земли живыхъ.» — Время текло и разгоралась буря отечественная; еще однажды посланы были бояре съ угрозами къ Гермогену. «Все смирится, опять отвѣчалъ онъ Салтыкову, если ты удалишься, измѣнникъ, съ своею Литвою; я же всѣхъ благословляю умереть за православную вѣру, ибо вижу ея поруганіе и не могу слышать Латинскаго пѣнія на Царе-Борисовомъ дворѣ.» Къ нему приставили стражу и принудили въ послѣдній разъ совершить торжество ваій въ вербное воскресеніе.

На страстной недѣлѣ вспыхнулъ мятежъ народный, отъ частной ссоры съ Ляхами, и дружина Гонсѣвскаго устремилась на кровопролитіе и грабежъ. Пламя разлилось по всей столицѣ, почти беззащитной; одинъ только князь Пожарскій бился въ дыму съ ея врагами и палъ раненый. Три

дня горѣла Москва, безпрестанно поджигаемая тамъ, гдѣ угасала, и вся опустѣла внезапно; Поляки неистовствовали, жители разбѣжались: остался одинъ обгорѣлый снаружи Кремль и Китай, гнѣздо злодѣевъ Русскихъ. Посреди такого пепелища уже не могъ оставаться Патріархомъ Гермогенъ; — его свели съ престола и заключили въ Чудовъ, а на мѣсто святаго старца извели опять изъ келліи угодника самозванцевъ, Грека Игуатія, и вторично лжепатріархъ сталъ на мѣсто двухъ святителей, каковы были Ювъ и Гермогенъ. Съ такими страданіями сопряжено было начало патріаршества въ Россіи. Но если Ювъ сдѣлался только исповѣдникомъ за вѣру, то сего недостаточно было для Гермогена: до конца претерпѣлъ онъ и сподобился вѣнца мученическаго, непреклонный ко всѣмъ мольбамъ и угрозамъ, и изнемогъ голодомъ въ темни-
1612. цѣ, въ залогъ спасенія отечеству.

Тогда подступили къ Москвѣ воеводы, стѣсня враговъ въ одинъ убійственный голодный кругъ. Келарь Аврамій отпущенъ былъ, со святою водою, изъ лавры Троицкой въ станъ ратныхъ, для укрѣпленія духа; тамъ несогласіе возникло между Ляпуновымъ, Трубецкимъ и измѣнникомъ Заруцкимъ, котораго первый обличилъ въ измѣнѣ, и атаманъ, соединившійся съ Мариною для честолюбивыхъ замысловъ, умертвилъ на сходкѣ сего мужественнаго защитника отечества.

Между тѣмъ, послѣ двухлѣтней осады, присту-

помъ былъ взятъ вѣрный Смоленскъ, но Сигизмундъ не смѣлъ и не могъ идти далѣе съ изнуренными войсками. Онъ послалъ на помощь осажденнымъ въ Кремль отрядъ гетмана Хоткевича, а самъ возвратился съ знатными плѣнниками, бояриномъ Шенномъ и Архіепископомъ Сергіемъ, торжествовать побѣду въ Варшавѣ, гдѣ томилась другіе великіе плѣнники: Царь Шуйскій съ братьями и послами. Одно только личное самолюбіе Короля удовлетворилось наружнымъ блескомъ, престолъ же Московскій навсегда утраченъ былъ для него и для Владислава.

Но слабость и безначаліе Россіи доставили ей непріятелей въ прежнихъ союзникахъ и новыхъ искателей вѣнца подобно Сигизмунду. Шведскій воевода Делагарди, отступившій къ Новгороду, послѣ Клушинской битвы съ Жолкевскимъ, началъ дѣйствовать въ пользу своего Короля и захватилъ нѣсколько порубежныхъ крѣпостей; онъ взялъ самый Новгородъ, хотя и беззащитный, однакоже послѣ кровопролитной сѣчи съ гражданами, которыхъ возбуждалъ, съ высоты Софійскихъ стѣнъ; Митрополитъ Исидоръ, ревностный блюститель своей паствы. Сила одолѣла мужество и Делагарди принудилъ великій Новгородъ заключить съ нимъ договоръ, о признаніи Царемъ Московскимъ одного изъ Королевичей Шведскихъ, Густава Адольфа или Филиппа, по выбору отца ихъ Карла IX, самъ же продолжалъ именовъ ихъ громить съвер-

ные предѣлы; но онъ нашелъ противудѣйствіе въ лаврѣ Соловецкой.

Лавра сія, еще при первыхъ набѣгахъ Шведскихъ, укрѣплена была твердыми стѣнами, по волю Царя Θεодора, и снабжена орудіями и стрѣльцами, изъ собственныхъ ея волостей, равно какъ Сумскій и другіе остроги, отъ нея зависѣвшіе на берегу. Когда же начались смуты самозванцевъ, Король Шведскій спрашивалъ, чрезъ воеводу своихъ, игумена Антонія, кого признаетъ онъ Царемъ: Шуйскаго или Лжедимитрія? коварно предлагая свою защиту, и получилъ твердый отвѣтъ: что никогда иноземецъ не будетъ Царемъ Русскимъ и что лавра не нуждается въ его войнахъ. Съ тѣхъ поръ не уступала она Троицкой, усердіемъ къ общей пользѣ, пожертвовала Царю Василию и князю Михаилу 500 рублей, для пайма союзниковъ Шведскихъ, и дѣятельно споспѣшествовала къ водворенію спокойствія въ отечествѣ. Благоразуміемъ игумена Антонія спасена вся область поморская отъ Шведовъ, которые послѣ неудачной лести, нѣсколько разъ приступали къ Сумскому острогу и приплывали даже осаждать самую обитель. Но славное мѣсто, куда еще недавно принесены были мощи великаго страдальца Филиппа Митрополита, настоятеля Соловецкаго, не могло поколебаться въ вѣрности къ отечеству, и во все время смуть до заключенія конечнаго мира съ Шведами, великодуш-

ный игумень Антошій и его преемникъ Иршархъ стояли тамъ на неусыпной стражѣ.

Наконецъ, когда уже все казалось погибшимъ, истощены были послѣднія силы государства и разрознены всѣ его части, внезапно рукою Божіею оно воздвиглось, и стряхнувъ съ себя пепель сель и городовъ, процвѣло въ новой силѣ. Лавра Троицкая согрѣла, своею пламенною любовію къ отечеству, остывшіе, омертвѣвшіе его члены: Святый архимандритъ Діонисій бодрствовалъ, призиравъ бѣгущій изъ столицы народъ, обратилъ всю обитель въ богадѣльню для страждущихъ, вооружилъ слугъ монастырскихъ, разсылалъ грамоты въ тревожную Казань къ Митрополиту Ефрему, чтобы присоединилъсь къ общему востанію, и въ понизовскія земли и на сѣверъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нужные запасы и снаряды къ осаждающимъ Москву воеводамъ. По тайному видѣнію очистительный постъ наложенъ былъ на всю Русскую землю, и въ Нижнемъ вспыхнула искра чистаго самоотверженія, въ сердцѣ гражданина Минина, который нашелъ себѣ отголосокъ въ цѣломъ народѣ; тамъ сосредоточилась воинская сила, долженствовавшая освободить отечество, подъ руководствомъ воскресшаго, отъ одра болѣзни, Пожарскаго.

Непрестанныя моленія Діонисія и Аврамія заставили князя пренебречь опасностію, какая угрожала ему подъ Москвою, въ станѣ ратныхъ, отъ мятежныхъ крамоль, и двинуться изъ Яросла-

вля, гдѣ долго собирался, для совершенія великаго дѣла. Келарь Аврамій безотлучно находился при войскахъ, лицомъ не менѣе дѣйствующимъ князя и Минина, а вѣстѣ и лѣтописцемъ. Его красно-рѣчивое перо передало потомству современные подвиги, подобно какъ его сладкія рѣчи возстановляли тишину и миръ, посреди враждующаго стана, доколѣ наконецъ съ Заруцкимъ бѣжала изъ него измѣна. Аврамій споспѣшествовалъ побѣдѣ Пожарскаго, въ день жестокой битвы, на Дѣвичьемъ полѣ, съ Гетманомъ Польскимъ, убѣдивъ казаковъ выдти изъ окоповъ и участвовать въ сѣчѣ. Принявъ отъ старца ясакомъ ния Св. Сергія, они бросились чрезъ Москву рѣку съ кликами: Сергіевъ! Сергіевъ! и погнали Литву. Поляки крѣпко засѣли въ Кремль; возникли новыя возмущенія между казаками, которые жалуясь на нищету свою и богатство вождей, хотѣли разойтись; но архимандритъ и келарь послали въ ихъ таборъ послѣднія сокровища лавры, ризы жемчужныя, съ слезнымъ моленіемъ не покидать родину, и тронутые покланіемъ переносить всѣ лишенія.

Скоро преподобный Сергіій явился во снѣ Греческому архіепископу Арсенію, заключенному въ Кремль, и утѣшилъ вѣстію о избавленіи. Приступомъ взятъ былъ Китай, сдался Кремль; съ торжественнымъ пѣніемъ вступилъ архимандритъ Діонисій и весь священный соборъ въ храмъ Успенія и восплакали всѣ, при видѣ заустѣнія свя-

тыни. Оба, архимандритъ и келарь, присутствовали на единодушномъ избраніи юнаго сына Филаретова, Михаила, которое совершилось на Троицкомъ подворьи, къ общей радости и удивленію; соборъ и синклитъ говорили какъ одинъ человекъ. Келарь возвѣстилъ съ лобнаго мѣста избраніе народу, и народъ столь же единогласно произнесъ то же имя.

Совѣтъ земскій назначилъ послами къ избранному Михаилу, для приглашенія на царство, архіепископа Рязанскаго Феодорита, келаря Аврамія и боярина Шереметева, и написалъ, отъ лица всей земли Русской, грамоту Сигизмунду, въ которой исчисливъ всѣ его вѣроломства, отрекался отъ Королевича Владислава и просилъ о выдачѣ знаменитыхъ плѣнниковъ, въ замѣнъ Польскихъ: но отецъ Царя, Митрополитъ Ростовскій, былъ слишкомъ драгоценнымъ залогомъ, чтобы рѣшились отпустить его враги, хотя твердость старца сокрушала всѣ ихъ надежды.

Юный сынъ его, не ожидая блистательной судьбы своей, смиренно обиталъ съ матерію инокинею въ Костромѣ, въ обители Ипатьевской. Пришествіе пословъ исполнило страхомъ вѣжную мать, уже испытавшую столько бѣдствій; долго отвергала она всѣ моленія, за себя и за сына, которому страшно было промѣнять тишину обители на бурный престолъ, колеблемый всѣми ужасами войны и междоусобія. Но по многомъ плачѣ, при-

существование двух чудотворных иконъ, Владимирскія и Феодоровскія Божія Матери, преклонили на жалость инокиню Марю и она вручила сына своего Россіи. Набожное шествіе Михаила въ столицу, мимо лежащей на пути его святыни Ярославля, Ростова, Переяславля и лавры Троицкой, было истиннымъ торжествомъ благочестія царскаго и любви народной. Три Митрополита: Ефремъ Казанскій, Іона Крутицкій, Кирилль Ростовскій, приглашенный народомъ, принять опять оставленную имъ епархію, и много трудившійся своими увѣщаніями для спасенія отчизны, — вѣнчали его вѣнцемъ Мономаха, въ храмъ Успенскомъ; и уставная грамота всего собора и синклита запечатлѣла избраніе Романовыхъ, возстановивъ навсегда права наследственнаго самодержавія, потрясенныя несчастными избраніями Годунова и Шуйскаго.

1613.

Но еще не утихли смятенія внутреннія и наружныя; обширныя области Русскія оставались въ рукахъ непріятелей, близь самой Москвы находились города, преданные измѣнѣ, другіе мятежу и безначалію. Заруцкій страшилъ многочисленною толпою сообщниковъ; тысячи Литовцевъ, Казаковъ и Русскихъ измѣнниковъ, разсыяны были повсюду и, неожиданными нападеніями, грабили беззащитные города по разнымъ предѣламъ государства. Крымцы грозили набѣгами, Малороссія, Донъ, Уралъ, готовы были, какъ прежде, подкрѣпить новое злодѣйство, ради добычи. Опытные вожди

Польши и Швеціи могли двинуться по первому слову своихъ повелителей, — Жолкевскій, Хоткевичь, Делагарди. Въ Польшѣ властвовалъ ревнитель Рима Сигизмундъ, соединявшій виды личнаго честолюбія съ видами церковными, для покоренія Россіи Папѣ. Страшный сосѣдямъ витязь Густавъ Адольфъ воцарился въ Швеціи. Народъ Русскій радовался Михаилу, но привыкъ въ теченіе столѣтій къ частымъ перемѣнамъ властителей; самая дума царская состояла изъ вельможъ, пережившихъ въ краткое время пять Царей и бывшихъ отчасти виновниками безначалія; — и посреди всѣхъ сихъ опасностей, внутреннихъ и вѣдшихъ, рукою Провидѣнія, утвердился неопытный, но чистый прѣдъ Богомъ и людьми, Михаилъ, чуждый всѣхъ ужасовъ минувшаго, начиная собою новую свѣтлую будущую Россію.

Чтобы придать болѣе твердости думѣ боярской, столь шаткой при его предмѣстникахъ, Михаилъ укрѣпилъ ее соборомъ неколебавшихся святителей, и съ общаго ихъ приговора вершились дѣла; по возвращеніи же двухъ старшихъ Митрополитовъ, Казанскаго и Ростовскаго, на свои епархіи, Іона Крутицкій, какъ блюститель престола патріаршаго, временно управлялъ Церковію. Юный Царь отправилъ посольства въ дальнія земли, чтобы возстановить связь гражданскую государства съ Шахъ-Аббасомъ Персидскимъ, Цесаремъ Рудольфомъ и морскими державами, Голландією, Ан-

глією, посредничество конхъ имѣло спасительное вліяніе на Польшу и Швецію; а между тѣмъ велѣлъ осаждать Смоленскъ и воеводы его, князья Пожарскій, Черкасскій и другіе, безпрестанно сражались въ окрестностяхъ столицы съ мимоходными ватагами Литовскими. Астрахань и югъ Россіи успокоились, взятіемъ въ плѣнъ измѣнника Заруцкаго и Марины: но на сѣверѣ Густавъ Адольфъ приступалъ ко Пскову, хотя и неудачно; дружины Делагардіа разорили богатый Новгородъ, который съ тѣхъ поръ уже не возставалъ въ прежнемъ своемъ величіи. Но не угасъ духъ его гражданъ; великодушный архимандритъ Хутыня монастыря, Кипріянь, возбуждалъ воеводъ и почетныхъ людей обратиться къ новому Царю, и по внушенію Митрополита Исидора, посланъ былъ отъ Шведовъ, какъ бы для переговоровъ съ правительствомъ Русскимъ; въ Москвѣ испросилъ онъ прощеніе у Михаила всѣмъ присягнувшимъ Королевичу и соединилъ опять древній Новгородъ съ Россією, за что претерпѣлъ тяжкія муки по возвращеніи.

Наконецъ, видя упорство Россіянъ, рѣшились Шведы заключить миръ, при ходатайствѣ посла Англійскаго, въ селѣ Новгородской области Столобовѣ, и хотя сѣверныя владѣнія Россіи, Ингерманландія, Карелія, временно отъ нея отторглись, миръ сей былъ необходимъ, чтобы управиться съ другимъ болѣе сильнымъ врагомъ, Польшею. Переговоры съ нею подѣ Смоленскомъ были нарушены, не смо-

тря на посредничество пословъ цесарскихъ, и послѣднее, грозное нашествіе, Королевича Владислава, еще однажды поколебало Россію, до желаннаго отдыха. Отступленіе воеводъ нашихъ изъ подъ осажденнаго Смоленска, сдача городовъ на пути къ столицѣ ознаменовали опять бѣдствіями начало сего похода; но Можайскъ, около котораго суждено рѣшаться судьбамъ столицы, устоялъ. Минуя его Королевичъ, съ помощію гетмана Запорожцевъ Сагайдачнаго, ударилъ на Мѡскву, исполненную уже инымъ духомъ: — со всѣхъ сторонъ отразила она приступъ Польскій. Наконецъ, къ священной оградѣ Троицкой лавры двинулись полчища Литовскія, архимандритъ Діонисій и келарь велѣли выжечь посады и укрѣпились опять на осаду. У ногъ Св. Сергія должна была разразиться громовая туча, пятнадцать лѣтъ скитавшаяся по мрачному небосклону Россіи, и послѣдній ударъ ея скользнулъ по лаврѣ, какъ бы только для того, чтобы осіять ее повымъ блескомъ, ибо она одна устояла въ долгую бурю, не запятнавъ ни единою измѣною свою славу. Въ виду ея стѣнъ, въ сосѣднемъ селѣ Деулинѣ, начались переговоры съ Королевичемъ о мирѣ, и послѣ долгихъ преній заключено пятнадцатилѣтнее перемиріе, хотя съ большими пожертваніями для Россіи, уступившей Ливонію, Смоленскъ и западные города; но спасительное смятенному царству.

Тогда лишь освобождены были долго томив-

шіеся въ неволѣ, именитые плѣнники наши, сперва живые, потомъ и мертвые; уже Царь Шуйскій съ братьями погребенъ былъ на распутіи Варшавскомъ подъ столбомъ, коего надпись гласила о его горькой участи, скончался и твердый посолъ князь Голицынъ; но возвратились храбрый воевода Шейнъ, съ архіепископомъ Сергіемъ Смоленскимъ, и, къ несказанной радости своего царственного сына, самъ Митрополитъ Ростовскій Филаретъ. Трогательна была встрѣча сына Царя, съ отцемъ Святителемъ, при входѣ въ столицу: каждый хотѣлъ припасть къ ногамъ одинъ другому и, взаимнымъ нѣжнымъ объятіемъ, запечатлѣли они союзъ царства и церкви, которыя оба представляли лицомъ своимъ.

Въ сіе замѣчательное время, столь смутное для сѣверной и южной Россіи, по дѣламъ церковнымъ, ибо ни та, ни другая не имѣла пастыря, прибылъ въ Москву Патріархъ Іерусалимскій Теофанъ, и былъ Ангеломъ мира для обѣихъ. Восточные Патріархи, слыша о неурядицахъ единовѣрнаго царства Россійскаго и о гоненіяхъ Римскихъ противъ православія, уже изнемогавшаго на югѣ безъ Епископовъ, — сошлись для совѣщанія у гроба Господня и послали кроткаго его блюстителя устроить Церковь Россійскую; Патріархъ Константинопольскій далъ ему полномочіе дѣйствовать лицомъ своимъ и отправилъ съ нимъ своего экзарха, архимандрита Арсенія.

Посѣтивъ сперва столицу Русскую, еще до освобожденія отца Государева, Феофанъ нашель Церковь въ волненіи, по случаю нѣкоторыхъ исправленій въ требникѣ. Самъ Государь замѣтилъ грубыя ошибки, издавна вкравшіяся, не только въ рукописныя служебныя книги, но и въ тѣ, которыя напечатаны были при Патріархахъ Іовѣ и Гермогенѣ, и поручилъ святому Діописію заняться, вмѣстѣ съ братією Троицкою, исправленіемъ сихъ погрѣшностей, по книгамъ ученаго Максима Грека и другимъ, хранившимся въ Лаврѣ; потому что со временъ Стоглава и до Никона трудъ сей былъ постоянно предметомъ заботъ царскихъ и патріаршихъ. Діонисій, сличивъ Русскій требникъ съ Греческими, выкинулъ на водоосвященіи слово о г н е м ъ, неправильно поставленное послѣ призванія на воды Св. Духа, исправилъ также нѣкоторые возгласы, въ коихъ славословіе святыхъ Троицы сопряжено было съ предшествовавшею молитвою къ Сыну Божію, и за то подвергся жесточайшимъ гоненіямъ, отъ необразованнаго Митрополита Крутицкаго Юны. Въ теченіе цѣлаго года терпѣлъ святой старецъ душную темницу, побои и пытки, даже поруганія отъ народа, который немѣло обвинялъ его, будто онъ хочетъ истребить огонь въ землѣ Русской, и все сіе переносилъ онъ съ необычайною кротостію и терпѣніемъ, какъ исповѣдникъ слова Божія. Пріѣздъ Патріарха облегчилъ его участь.

3. ФИЛАРЕТЬ.

Прежде всего Ософанъ, по совѣту Царя, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, слезно молили великаго труженика, Митрополита Филарета, принять на себя высокій санъ патріаршій, и долго отрекался святитель, который даже въ часъ освобожденія, будучи уже въ предѣлахъ отечества, не хотѣлъ идти далѣе, узнавъ что отпускавшіе его враги требовали новыхъ уступокъ, сверхъ договора, ради нѣжности сыновней Царя. Испытанный всеми бѣдствіями, въ теченіе двадцати лѣтъ, постриженный неволею, сосланный съ семействомъ, взятый силою изъ храма, поруганный, наконецъ девять лѣтъ томившійся въ плѣну, усталый старецъ хотѣлъ только житія безмолвнаго, и едва былъ упрошенъ Царемъ. Патріархомъ и соборомъ, украсить собою престолъ Св. Петра. Такимъ образомъ уже третій исповѣдникъ восходилъ на него, со времени учрежденія патріаршества, и тѣмъ прекратилось девятилѣтнее сиротство Церкви Московской; предатель, лжепатріархъ Игнатій, бѣжалъ,

еще до воцаренія Михаила, въ Польшу. — Самъ Иерусалимскій святитель совершилъ посвященіе великаго Филарета и, уставною грамотою, утвердилъ на будущія времена права, данныя при поставленіи Іову, святѣйшимъ Іереміею Цареградскимъ. Такимъ образомъ устроилось чудное явленіе въ лѣтописяхъ міра, нигдѣ и никогда не повторявшееся, — родителя Патріарха и сына Царя, вмѣстѣ управлявшихъ государствомъ.

Патріархъ Θεοφάνъ не замедилъ оправдать, предъ новымъ Святителемъ Московскимъ, страждущаго Діонисія и общалъ, въ засвидѣтельствованіе правоты его, прислать объяснительныя грамоты, по совѣщаніи съ прочими Восточными Патріархами, что въ послѣдствіи исполнилъ, ибо святѣйшій Филаретъ ревностно продолжалъ заниматься дѣломъ исправленія книгъ служебныхъ. Освобожденный архимандритъ возвратился въ лавру, прославленную его подвигами, и тамъ имѣлъ утѣшеніе принять торжественно своего избавителя и видѣть смиреніе владыки Иерусалимскаго предъ мощами преподобнаго Сергія. Онъ представилъ Θεοφану добрыхъ иноковъ, подвизавшихся вмѣстѣ съ нимъ за отечество, которые находили, что раны полученныя въ битвѣ, служили имъ еще лучшими будильниками для плача и воздыханія о грѣхахъ.

Съ благословеніями сѣверной Россіи, направился блаженный Θεοφанъ въ южную, и посѣтилъ Кіевъ, древнюю мать православія, страдавшую

безначаліемъ церковнымъ. Король Сигизмундъ, не смотря на свои гоненія, призналъ въ Оеофанѣ лице патріаршее и вслѣлъ воздавать ему должныя почести, хотя потомъ опять усумнился въ его санѣ. Ревностный къ просвѣщенію церковному, Оеофанъ именемъ Патріарха Константинопольскаго, утвердилъ Богоявленское братство въ Кіевѣ, ставропигіальнымъ, т. е. прямо зависящимъ отъ Вселенскаго Владыки, благословилъ завести въ немъ училище на Эллино-Славянскомъ и Латинно-Польскомъ языкахъ, и присовокупилъ къ нему братство милосердія, или страннопріимный домъ, обратившійся въ бурсу академическую. Гетманъ Запорожцевъ Сагайдачный пожертвовалъ свое имущество въ пользу сей новой обители, гдѣ самъ окончилъ на молитвѣ воинственный подвигъ жизни.

Когда долгимъ пребываніемъ Патріарха въ Кіевѣ мало по малу стали ободряться православные, то почетное духовенство и дворянство, собравшіяся вмѣстѣ съ гетманомъ изъ сосѣднихъ городовъ, на праздникъ Успенія, упросили Оеофана дать имъ наконецъ главу церковную и пастырей, коихъ такъ давно уже была лишена Малороссія. По примѣру прежнихъ Патріарховъ торжественно посвятилъ онъ въ лаврѣ, Митрополитомъ Кіевскимъ 1620. Іова Борецкаго, игумена Михайловскаго монастыря, и еще двухъ, ректора Виленскаго училища, архимандрита Мелетія Смотрицкаго Архіепископомъ въ Полоцкъ и Юсиѳа Курцевича во Владиміръ Вольт-

скій, а потомъ и прочихъ: Исаакія въ Луцкѣ, Исаію въ Перемышль, Паисія въ Холмѣ, Грека Аврамія въ Пинскѣ; такимъ образомъ возстановивъ упраздненія епархіи и возбудивъ всѣхъ стоять твердо за вѣру, спокойно возвратился въ свои предѣлы.

Тогда начался опять козни Уніятскія и сильное гоненіе со стороны правительства, на Епископовъ православныхъ, которыхъ оно не признало законными, хотя не препятствовало ихъ посвященію. Митрополитъ Іовъ принужденъ былъ послать, для оправданія собственнаго и всѣхъ архіереевъ, Епископа Іосифа на сеймъ Варшавскій; но хотя удостовѣреніе, полученное Королемъ изъ Турціи, о полномочіи Патріарха Теофана, смягчило его къ лицу самыхъ Епископовъ, не преставали однакоже гоненія на Церковь православную: ставропигія Богоявленская въ Кіевѣ была разорена Уніятами, въ Вильнѣ и Луцкѣ православные храмы обращены въ гостинницы; въ Оршѣ, въ Могилевѣ, Мстиславѣ, Гроднѣ и иныхъ мѣстахъ, запечатали церкви; въ Минскѣ землю церковную отдали подъ мечеть; во Львовѣ и Хельмѣ не смѣли показывать съ дарами священники православные и открыто погребать умершихъ; монастыри опустошались, пресвитеровъ и монаховъ мучили, и новые Епископы не могли свободно сообщаться съ паствою. Всѣхъ превосходилъ, своими гоненіями на православныхъ, архіепископъ Уніятскій Полоцка Іоасафатъ Купцевичъ, который ругался даже надъ тѣлами погре-

баемыми, и до такой степени ожесточилъ народъ, что самъ былъ убитъ въ Витебскѣ; онъ причтенъ Римлянами къ лику своихъ мучениковъ. Въ то же время и казаки Запорожской сѣчи, которая одна только стояла твердо за православіе и укрощала въ Кіевѣ насилия Уніатовъ, утопили въ Днѣпрѣ игумена Выдубецкаго Антонія, намѣстника Уніатскаго Митрополита Іосифа.

Несчастливая кончина Іосифата стоила Церкви православной одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ ея пастырей, Мелетія Архіепископа Полоцкаго, который отличался своими писаніями въ ея защиту. Неправильно обвиняемый правительскомъ Польскимъ, будто бы подалъ поводъ къ умерщвленію Іосифата, онъ принужденъ былъ бѣжать въ Грецію, гдѣ скитался три года, думая что между тѣмъ утихнеть молва; наконецъ, движимый страхомъ, онъ передался малодушно на сторону Уніи и написалъ свою апологію въ укоризну Восточной Церкви.

1622. Митрополитъ Іовъ созвалъ въ Кіевѣ соборъ и обличивъ Мелетія, заставилъ его принести въ церкви торжественное покаяніе и даже изорвать свою книгу. Но Мелетій Смотрицкій, возвратясь въ епархію, въ Дерманскій монастырь, гдѣ основался по сосѣдству Польши, издалъ вторично первую апологію, рѣшительно отступилъ отъ православія и даже ѣздилъ въ Римъ для поклоненія Папѣ, который далъ ему санъ архіепископа Іерапольскаго; съ тѣхъ поръ епархіа Полоцкая перестала числиться

въ спискѣ православныхъ. Оба Митрополита, Кіевскій Іовъ и Уніятскій Іосифъ, созывали въ Кіевѣ и Львовѣ соборы еднomyшленныхъ себѣ Епископовъ, одинъ для охраненія терзаемой паствы, другой для расширенія собственной; а сеймъ коронный въ Варшавѣ подтвердилъ права каждого исповѣданія, болѣе на словахъ, нежели на дѣлѣ. Смерть гонителя Сигизмунда и воцареніе Владислава IV, объявившаго при вступленіи на престолъ свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, подали только краткія надежды, скоро измѣнившія.

Между тѣмъ, пользуясь временемъ перемирія съ Польшею, государство Московское управлялось въ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ, подъ единоподушнымъ блюстительствомъ Михаила и Филарета, которому предоставилъ любящій сынъ самое титуло Великаго Государя. Измѣнился отчасти внутрешній порядокъ управленія: дума боярская осталась на древнемъ основаніи, т. е. совѣтомъ Царя во всѣхъ дѣлахъ важныхъ; но множество дѣлъ требовало болѣе посредниковъ между Государемъ и народомъ, нежели однихъ воеводъ и намѣстниковъ, рядившихъ области именемъ царскимъ. Учредились въ Москвѣ различныя приказы, которые вѣдали дѣла всѣхъ городовъ и судили намѣстниковъ. Знаменитый указъ Царя Θεодора, коимъ воспрещалъ крестьянамъ произвольно мѣнять своихъ помѣщиковъ, отмѣненный Годуновымъ, подтвержденный опять Шуйскимъ, укрѣпленъ былъ окончательно

Михаиломъ, и при немъ же заведены первыя писцовыя книги, содержавшія въ себѣ опись городовъ и разграниченіе земель.

Движимый любовью къ родителю, Царь распространилъ его права, придавъ большой блескъ и двору патриаршему. — Еще въ 1599 году Борисъ, въ знакъ благоволенія къ Патриарху Іову, возобновилъ желанную грамоту, данную Іоанномъ Митрополиту Аванасію, духовнику своему, такого содержанія: что всѣ люди Первосвятителя, его чиновники, слуги и крестьяне, освобождаются отъ вѣдомства царскихъ бояръ, намѣстниковъ, тиуновъ, не судятся ими ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ душегубства, засвидѣтельствованнаго судомъ патриаршимъ, и увольняются также отъ всякихъ податей казѣнныхъ. Сіе древнее государственное право нашего духовенства оставалось неизмѣннымъ въ царствованіе Василія, Михаила и сына его, до времени Никона. Царь же Михайлъ Оеодоровичъ установилъ еще, чтобы во всѣхъ мѣстахъ и городахъ монастыри, церкви и земли, составлявшіе собственно патриаршую область, имѣли особенное преимущество вѣдаться, по дѣламъ гражданскимъ, только въ приказѣ большаго дворца, какъ бы предъ лицомъ самаго Государя, и чтобы всѣ архимандриты, игумены, священники, діаконы и причты сихъ сбителей и приходоу, съ ихъ волостями, подсудны были только одному Патриарху, кромѣ случаевъ уголовныхъ; чтобы никто наконецъ не вступался

въ судъ его, расправу, десятину и оброки, которые онъ по собственному усмотрѣнію положить на причты и приходы своей области; а лавръ Троицкой, ради заслугъ ея, равно какъ двумъ обителямъ, Вознесенской въ Кремль и Новодѣвичей, гдѣ отошло на покой столько царственныхъ инокинь со временъ Іоанна, предоставлено было право завѣсть единственно отъ суда патріаршаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ указъ царскій, въ подтвержденіе прежнихъ указовъ Іоанна, воспретилъ обителямъ пріобрѣтать, покупкою или вкладами, новыя волости, или недвижимыя имѣнія, число коихъ чрезвычайно возрасло съ годами благоденствія.

Россія сокращаемая съ запада, сильною рукою Польши и Швеціи, расширялась исполнски къ востоку. Сибирь, едва открытая Ермакомъ, чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, уже до половины составляла область Россійскую. Удалые казаки и люди промышленные, съ малыми пособіями правительства, продолжали покорять необъятныя пустыни во имя Годунова, Лжедмитрія, Шуйскаго, въ то время, когда они сами торяли нетвердый престолъ въ Москвѣ: Алтынъ Ханъ Монгольской услышалъ наконецъ, у верховья Амура, имя Михаила. Какъ древніе Варяги, казаки подымались и спускались по рѣкамъ до впаденія другихъ рѣкъ, ставили на устьѣ ихъ малые остроги, съ двумя и тремя вооруженными блюстителями новыхъ владѣній; а дикіе жители приходили платить дань, мѣхами, и смирялись предъ

величіемъ невѣдомой Россіи, которая ихъ изумляла подвигами сыновъ своихъ. Не съ большею отвагою совершилось завоеваніе новаго свѣта Кортесомъ и Пизарромъ: — Сибирь была также новымъ міромъ для Россіи. Постепенно воздвигались въ ней города, все дальше къ востоку, и посреди безлюдной пустыни, по свойственному благочестію предковъ, съ городами возникали обители, первая въ Верхотурекъ, основанная нѣкимъ отшельникомъ Іоною, потомъ въ Тюмени и иныхъ мѣстахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сіе обширное царство не имѣло никакого управленія духовнаго; буйные казаки едва слушались воеводъ царскихъ, и жертвовали самымъ грубымъ страстямъ, насиліемъ приобрѣтая себѣ женъ изъ Россіи или между язычниковъ; безпорядки ихъ обратили вниманіе святѣйшаго Филарета.

1067 Хотя по общему совѣту Патріарховъ, Іереміи и Іова, значительно умножено было число епархій Россійскихъ, однакоже еще Гермогенъ почувствовалъ необходимость устроить новыи престоли архіепископскіи, въ отдаленной Астрахани, и посвятилъ туда впервые Θεодосіа. Когда же, во время смутъ междоусобныхъ, покорилось царство Сибирское, Патріархъ Филаретъ не могъ найти лучшаго средства къ внутреннему его устройству, какъ
1623. учрежденіе новой архіепископіи Тобольской и Сибирской. Выборъ патріаршій палъ на знаменитаго, своими страданіями, архимандрита Хутынскаго Кипріана и онъ первый посвятилъ сію отдаленную паству,

въ четырехлѣтнее свое правленіе, положивъ прочное основаніе для будущаго. Возбуждаемый грамотами Первосвятителя къ исправленію правдивости казаковъ, онъ съ помощію воеводъ, началъ мало по малу распространять на нихъ свое благодѣтельное вліяніе и, чтобы укрѣпить ихъ въ законѣ Божіемъ, основалъ новыя между ними обители, въ Невьянскѣ, Тагилѣ, Тартѣ, Томскѣ и Туруханскѣ; украсилъ Знаменскую обитель въ самомъ Tobольскѣ и привелъ въ должный порядокъ основанные прежніе мужскіе и женскіе монастыри въ Верхотурѣ и Туринскѣ; онъ испросилъ также угодья новому архіерейскому дому, чтобы обезпечить его въ краю дикомъ для своихъ преемниковъ; самъ же скоро переведенъ былъ въ Москву на митрополию Крутицкую, а оттолѣ въ родственнѣй ему Новгородъ. Кипріанъ оставилъ по себѣ вѣчную память въ Сибири, гдѣ собралъ, еще изъ устъ сподвижниковъ Ермака, преданія о его удалыхъ походахъ, и написалъ лѣтопись, которая сохранила потомству подвиги отважнаго завоевателя.

Заботы патріаршія равно простирались на дальній Tobольскъ и на близкій Новгородъ. Скорбѣ и радѣя о православныхъ чадахъ Церкви, отторгнутыхъ Столобовскимъ договоромъ въ подданство Швеціи, онъ писалъ къ Митрополиту Новгородскому Макарію, чтобы продолжалъ завѣдывать ими, какъ своею духовною паствою, и Шведы, съ своей стороны, не препятствовали имъ сно-

ситься съ бывшимъ ихъ архипастыремъ. Такимъ образомъ союзъ церковный поддерживался при разрывѣ гражданскаго, до новаго присоединенія. Преемнику Макарія поручалъ также Патріархъ истребить уставы церковные, разсѣянные въ предѣлахъ сѣвера, которые безъ вѣдома святѣйшаго Гермогена, съ грубыми ошибками, напечатаны были уставщикомъ Троицкой лавры Логинномъ, злымъ еретикомъ, напосившимъ много личныхъ оскорбленій святому архимандриту Діонисію, за его раченіе о книгахъ. Сія самые уставы вѣскольکو позже были причиною мятежа Соловецкаго.

Филаретъ самъ занялся болѣе правильнымъ изданіемъ новаго требника и прочихъ священныхъ и служебныхъ книгъ, предохраняя паству отъ твореній Уніятскаго запада, каковы были, евангельскія поученія архимандрита Транквилліона, опасныя для православія. Увлеченный даже своею ревностію и тѣми бѣдствіями, коихъ былъ свидѣтель, отъ нововведеній Римскихъ, онъ положилъ соборно, по случаю вопросовъ Митрополита Крутицкаго Юны, чтобы возстановленъ былъ прежній обычай, оставленный Игнатіемъ при самозванцѣ, перекрещивать обращаеваемыхъ изъ латинства къ православію. Только въ царствованіе Императора Петра отмѣнился сей обычай, какъ несходный съ древними правилами Церкви; но во дни Филарета гоненія Уніятскія возбуждали къ большому разрыву съ Римомъ; православные Епископы не находили мѣста

въ своихъ епархіяхъ и въ числѣ искавшихъ себя пріюта въ Россіи былъ Епископъ Владиміра Волынскаго Іосифъ.

Политическій горизонтъ Россіи омрачился опять въ послѣдніе годы Филарета, неудачною войною съ Польшею, по истеченіи перемирія. Наступательный походъ Короля Владислава и постыдная сдача Боярина Шенна подъ Смоленскомъ, ижекогда прославленнымъ его защитою, стоила жизни сему воеводѣ и многихъ пожертвованій Россіи. Кромѣ потери воиновъ и денегъ, по приговору соборному собранныхъ въ казну изъ монастырей, она должна была послѣ краткой войны, заключить въ Вязьмѣ новый договоръ, еще болѣе тяжкій, нежели Столбовскій, лишившись, вмѣстѣ съ Смоленскомъ, Чернигова и другихъ Сѣверскихъ городовъ. Но уже великіе подвижники славнаго ея освобожденія не были свидѣтелями столь горькаго мира: келарь Аврамій давно удалился на свое обѣщаніе въ обитель Соловецкую, гдѣ ижекогда былъ постриженъ и тамъ скончался; а за годъ до своей кончины Патріархъ Филаретъ торжественно отпѣвалъ въ Москвѣ святаго архимандрита Діонисія.

Самъ великій Святитель скончался въ день 1633. покровы Божіей Матери, давшей его покровомъ земли Русской, посреди всеобщаго ея плача и плача безутѣшнаго сына; Михайлъ лишился въ немъ не только отца и Патріарха, но и мудраго совѣтника, который, по свидѣтельству лѣтописи со-

временной, исправлялъ слово Божіе, укрѣпивъ православную вѣру и многихъ язычниковъ привелъ въ Христіанство, исправлялъ и дѣло земское, не допуская насильниковъ въ государствѣ и жалуя тѣхъ, которые пострадали и послужили въ междуцарствіе. Уважаемый сосѣдними державами, онъ получилъ въ даръ, отъ славнаго на Востокѣ Шаха Аббаса Персидскаго, нешвенный хитонъ Спасителя, который, по древнему преданію, принесенъ былъ въ Грузію однимъ изъ воиновъ, дѣлившихъ одежды у креста, и сохранялся многія столѣтія въ Мцхетскомъ соборѣ. Аббасъ не могъ избрать лучшаго хранителя для подобной святыни, и хитонъ Господній, ознаменованный многими исцѣленіями въ столицѣ Русской, положенъ былъ Патріархомъ въ Успенскомъ соборѣ, подъ сѣнію мѣднаго шара, подлѣ коего самъ возлегъ онъ на вѣчный покой.

4. Г О А С А Ф Ъ I.

1631. Гоасафъ, Архіепископъ Пскова, избранъ на мѣсто его и поставленъ соборомъ своихъ Архіереевъ; извѣстительныя грамоты посланы были ко всемъ Патріархамъ и получено ихъ признаніе

для большей твердости; но кроткій Іоасафъ не могъ замѣнить не только отца Михаилу, но и государственнаго мужа, подобнаго Филарету, церкви и отечеству. Волею благаго Провидѣнія, когда сіе царственное свѣтило закатилось на сѣверѣ, другое, столь же яркое, востекло на югѣ, въ колыбели нашего православія.

Сынъ Государя Молдавскаго Петръ Могилла, получившій образованіе въ знаменитомъ университетѣ Парижскомъ, и оказавшій воинскія заслуги, въ рядахъ Польскихъ, противъ невѣрныхъ, оставилъ величіе мірское и постригся въ обители Печерской, при ученомъ ея архимандритѣ Захаріи Копыстенскомъ, которому сдѣлался преемникомъ. Первымъ дѣломъ Петра Могилы было заведеніе училища въ лаврѣ, откуда послалъ нѣсколько избранныхъ юношей, для окончательнаго образованія въ чужія земли, въ томъ числѣ будущаго Митрополита Сплывестра Коссова и ученаго Иннокентія Гизеля. Патріархъ Константинопольскій Кириллъ Лукаръ, зная лично достоинства архимандрита, сдѣлалъ его экзархомъ своего престола и онъ вполне оправдалъ сей выборъ, ибо явился сильнымъ поборникомъ православія на Варшавскомъ сеймѣ, при воцареніи Владислава, испросивъ у новаго Короля возвращеніе многихъ обителей, церквей и имуществъ, отнятыхъ у православныхъ, свободное устроеніе семинарій, училищъ, типографій, возстановленіе епархій Львовской, Луцкой и

Перемышльской и учрежденіе повои въ Могилевѣ, которая одна уцѣлѣла въ послѣдствіи, когда прочія православныя кафедры, одна за другою, изчезли. Не смотря на всѣ происки Уніатовъ, королевская грамота объявила свободное исповѣданіе вѣры и отиравленіе ея обрядовъ; Король, представивъ дворянству Русскому и Литовскому право избирать своего Митрополита, съ утвержденіемъ Патріарха Цареградскаго, возвратилъ Митрополитамъ Кіевскимъ первоначальную ихъ святыню, Софійскій соборъ, и велѣлъ наконецъ прекратить всѣ распри о вѣрѣ, уничтоживъ постановленія прежнихъ сеймовъ. Но льготы сіи скоро были нарушены, отчасти при самомъ Владиславѣ, наиболѣе же при братѣ его и преемникѣ Янѣ Казимирѣ, изъ кардинальской порфиры Рима облекшемся въ королевскую.

1632. Между тѣмъ скопчался въ Кіевѣ Митрополитъ Іовъ, и хотя назначенъ уже былъ ему преемникомъ Архіепископъ Смоленскій Исаія, однакоже православные, бывшіе на сеймѣ, за великія заслуги архимандрита Печерскаго, избрали его Митрополитомъ и послали просить утвержденія къ Патріарху Цареградскому Кириллу. Соборное посвященіе совершилось въ городѣ Львовѣ и къ общей радости народа, оиять водворился Петръ въ древней митрополіи Софійской, сохранивъ за собою и архимандрію лавры. Возобновляя престольный соборъ свой, доведенный до упадка Уніатами, онъ кос-

нулся священныхъ развалинъ первоначальной десятинной церкви Св. Владиміра, и возстановилъ одинъ изъ ея придѣловъ; а нетлѣнную главу ея основателя, просвѣтившаго Россію, обрѣтенную подъ сводами церкви, перенесъ въ лавру Печерскую, во главу и утверженіе всей Церкви Россійской.

Ревнуя о просвѣщеніи духовномъ, Петръ соединилъ училище, имъ устроенное въ лаврѣ, съ Братскимъ на Подолѣ, которое благословилъ Патриархъ Іерусалимскій; соорудилъ новыя зданія, бурсу для бѣдныхъ учениковъ, на свое иждивеніе, и приготовительное училище, завелъ библіотеку, типографію и испросилъ у Короля званіе духовной академіи Братскому училищу; самъ же принялъ на себя титулъ старшаго брата и покровителя, увѣковѣчивъ память свою въ академіи, которая долго послѣ него называлась Кіево-Могилянскою.

Пользуясь краткимъ отдыхомъ православія, въ царствованіе Владислава, Петръ Могила непрестанно издавалъ въ своей типографіи творенія Св. отецъ и служебныя книги, чтобы предохранить отъ Уніятскихъ, и большой его требникъ сдѣлался образцовымъ для богослуженія православнаго. Не важнѣйшимъ подвигомъ Митрополита для учрежденія своей обуреваемой паствы, было изданіе православнаго неповѣданія вѣры, которое написалъ частію самъ, частію же архимандритъ Исаія Трофимовичъ, подъ его руководствомъ. Соборъ Епископовъ созванъ былъ въ Кіевѣ, для разсмотрѣнія

сего катихизиса, необходимаго посреди волненія умовъ и хитрыхъ увѣщаній Іезуитскихъ, который, по тщательномъ исправленіи и переводѣ на языкъ ново-Греческій, посланъ былъ къ Патріарху Константинопольскому Паренію. Появленіе такой книги произвело сильное впечатлѣніе на Востокъ, куда проникла тогда ересь Кальвинская. Коварные лжеучители, подъ именемъ Кирилла Лукаря, Патріарха Цареградскаго, разсѣвали плевелы, совершенно противныя догматамъ православной Церкви, и выдавая ихъ за подлинное ея исповѣданіе, соблазнили неопытныхъ. Кирилль, осуждавшій новое ученіе Кальвиновъ, не рѣшился однакоже явно возстать противъ, и за нерадѣніе преданъ былъ самъ анаѳемѣ отъ преемника своего Кирилла Веррійскаго, но смущеніе продолжалось. Стараніемъ Іоанна, Господаря Молдавскаго, созванъ былъ 1613. соборъ въ Яссахъ, который еще однажды осудилъ лжеученіе Кальвинское. Митрополитъ Петръ Могилла, съ четырьмя Епископами Русскими, скрѣпили своею подписью акты соборныя. По волѣ Патріарха Паренія Константинопольскаго, экзархъ его, Мелетій Стрига, рассмотрѣлъ и исправилъ окончательно, на Яскомъ соборѣ, православное исповѣданіе. Оттолѣ послана книга сія на утвержденіе Восточныхъ Патріарховъ и, съ ихъ одобрителными грамотами, возвратилась въ Кіевъ, уже по смерти великаго подвижника Петра Могилы, который послѣ столькихъ трудовъ опочилъ съ миромъ

въ лаврѣ, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ лицъ нашей церковной исторіи.

1647.

Время его правленія, продолжавшееся столько же, сколько и царствованіе Владислава, хотя и было благопріятное для просвѣщенія духовнаго Малороссіи, но страданія ея въ быту гражданскомъ доходили до высшей степени. Правительство Польское, вопреки благонамѣреннымъ видамъ Короля, всѣми мѣрами утѣсняло несчастную Украину, чтобы смирить съчу Запорожскую, которая одна только, изъ недоступныхъ острововъ Днѣпровскихъ, подымала вольное оружіе для защиты своихъ согражданъ и единовѣрцевъ. Гетманы ея, одинъ за другимъ, возставали противъ жестокихъ воеводъ, бились съ лучшими полководцами при непостоянномъ счастьи: то наполняли страхомъ предѣлы Польши, всюду разоряя костелы, ибо первыми врагами ихъ было духовенство Римское: то попадали сами въ руки неумолимыхъ вождей Польскихъ, и кончали жизнь въ ужаснѣйшихъ мукахъ. Но судьба Павлюка, Острицы и другихъ храбрыхъ атамановъ, не устрашала ихъ мужественныхъ преемниковъ, потому что тѣже неправды нарушали общее терпѣніе, доколѣ наконецъ не явился въ Украинѣ великій мужъ, ожесточенный лично кровными обидами, который рѣшился наконецъ свергнуть иго Польши и подчинить Малороссію единовѣрной Россіи. — То былъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій. Эпохою освобожденія прославилось святительство

ученика Петра Могилы, Сильвестра Коссова, избраннаго изъ Епископовъ Могилевскихъ на митрополию Кіевскую; но въ то время и политическое положеніе государства Россійскаго уже измѣнилось; она окрѣпла внутри и снаружи, и другія лица держали въ рукахъ кормило.

Царь Михаилъ Феодоровичъ, властвуя надъ обширными странами, едва утихшими послѣ долгой бури, стѣсняемый Польшею и Швеціею, не могъ воспользоваться первымъ предложеніемъ Митрополита Кіевскаго Іова, о принятіи подъ свою высокую руку всей Украйны. Онъ только отступилъ, съ дарами и лестными надеждами, присланнаго къ нему Епископа Луцкаго Іосифа, и сіи надежды сбылись при его болѣе могущественномъ сынѣ Царѣ Алексѣѣ. Опасаясь разрыва съ Турціею и Крымомъ, готовыми поднять оружіе по зову Польши, Михаилъ не могъ даже удержать Азова, которымъ поклонились ему казаки Дона, овладѣвшіе сею крѣпостію; дума земская отсовѣтовала Царю оставлять за собою столь полезное завоеваніе, и Государь заботился болѣе о укрѣпленіи границы Украинской, отъ набѣговъ Татарскихъ, и самой столицы, гдѣ еще свѣжа была память нашествія Польскаго. Знаменитый освободитель отечества князь Пожарскій, продолжавшій, во все время царствованія Михаила, предводительствовать его войсками или управлять важными областями скончался въ одинъ годъ съ Первосвятителемъ

Московскимъ Юсафомъ, который оставилъ по себѣ кроткую память, хотя и не славился умомъ государственнымъ.

5. Иосифъ.

Преемникъ его Патріархъ Иосифъ, избран- 1642.
ный изъ архимандритовъ Симоновскихъ и посвященный Крутицкимъ Митрополитомъ Серапіономъ съ соборомъ Епископовъ, ревновалъ къ просвѣщенію духовному, подобно великому Филарету; но онъ засталъ уже послѣдніе годы жизни Михаиловой. Неуспѣшное сватовство Принца Датскаго за Царевну Ирину, сократило дни нѣжнаго родителя, который пламенно желалъ обращенія Волдемара въ православіе и въ палатахъ его происходило нѣсколько преній о вѣрѣ, между избранными священниками Русскими и пасторами со стороны Королевича. Самъ Патріархъ Юсифъ принималъ живое участіе въ преніи, и написалъ вопросныя и отвѣтныя статьи Волдемару, въ коихъ сильно обличалъ его ересь, доказывая истину православія. Скорая кончина Царя прекратила совѣщанія о вѣрѣ: Михаилъ, предчувствуя свое отшествіе къ Богу, поручилъ Патріарху юнаго сына Алексія, рож-

деннаго еще при великомъ дѣдѣ, отъ щастливаго брака съ Евдокіею Стрѣшневыхъ, и уснулъ, какъ бы нѣкимъ сладкимъ сномъ, даровавшій самъ столь желанный отдыхъ Россіи;—лице его, говоритъ лѣтописецъ, просвѣтилось какъ солнце въ часъ успенія.

1646.

Первые годы правленія шестнадцатилѣтняго Царя Алексія напомнили смутныя начала его отца. Неопытнымъ руководили ближніе бояре, и наипаче пестунъ его, бояринъ Морозовъ, который вскорѣ послѣ брака царскаго съ Маріею Милославскою, женился на сестрѣ ея. Народъ раздражался налогами; не было войны внѣшней, но частныя мятежи возгарались по городамъ, отъ неустройства правительственнаго. Бунтъ стрѣльцевъ, сей первой строевой дружины нашей, ужаснулъ столицу и стоилъ жизни двумъ приближеннымъ дьякамъ царскимъ, которыхъ обвиняли мятежники въ произвольномъ возвышеніи цѣпъ на необходимые припасы. Это было началомъ тѣхъ неистовствъ, коими запятнали себя въ послѣдствіи стрѣльцы, при малолѣтнемъ Петрѣ. — Явились и самозванцы, мнимыя дѣти Лжедмитрія и Шуйскаго, о коихъ предостерегали Царя духовныя власти Греческія, по любви къ единовѣрной Россіи; одинъ изъ нихъ былъ выданъ и казненъ, другой еще нѣсколько лѣтъ беспокоилъ, тщетнымъ своимъ именемъ, Россію, скитаясь въ Турціи, Венеціи и между Запорожцевъ.

Посреди сихъ неустройствъ, Государь отиѣнно набожный и благочестивый, по совѣщанію съ

Патріархоиъ, Епископами и съ думою боярскою, вознамѣрился собрать правила Св. отецъ и законы Царей Греческихъ, исправить также судебникъ Царя Іоанна, дополнивъ указами прочихъ Государей, и соединить все сіе въ одно уложеніе, могущее служить закономъ всему государству. Князю Никитѣ Одоевскому, съ двумя думными боярами и дьяками, поручено было заняться новымъ уложеніемъ; а въ помощь имъ созваны стольники, дворяне, жильцы, дѣти боярскіе и гости выборные изъ всѣхъ большихъ городовъ, чтобы общими силами устроилось сіе царственное и вмѣстѣ земское дѣло; къ исходу года оно было уже окончено, съ благословенія патріаршаго, и скрѣплено подписью духовенства, бояръ и всѣхъ сословій. 1648.

Одною изъ статей новаго уложенія учрежденъ приказъ монастырскій, изъ мірскихъ особъ, для сужденія по искамъ на лица духовныя и по дѣламъ зависящихъ отъ нихъ волостей, которыя прежде всѣ разбирались на дворѣ патріаршемъ. Въ то же время разные чины и сословія государственныя, трудившіеся надъ собраніемъ законовъ, подали челобитную Царю, чтобы отобраны были у архіереевъ и монастырей всѣ вотчины, ими пріобрѣтенныя, вкладами или куплею, со времени Царя Іоанна, въ противность указа, запрещавашаго умпоженіе недвижимыхъ имѣній духовенству. Хотя самъ Государь, чрезвычайно усердный къ Церкви, слѣ-

дую примѣру родителя, уже успѣлъ въ три года своего правленія надѣлать вотчинами многія обители, что продолжалъ и въ послѣдствіи, однакоже, въ удовлетвореніе думъ земской, велѣлъ онъ дьякамъ своимъ приступить къ розыску и описанію пріобрѣтенныхъ имѣній. — Сія два обстоятельства послужили также источникомъ его будущихъ неудовольствій съ Никономъ.

Необычайное въ лѣтописяхъ Русскихъ лице Никона, во временахъ свѣтлое и мрачное, великое и слабое, то благодѣтельное церкви и царству, то вредное обонимъ, — является при самомъ началѣ царствованія кроткаго Алексія, какъ иѣкая судьба, свыше ему данная и неразлучная съ нимъ до конца дней его, подѣ влияніемъ коей произошло все славное и все горькое его долготѣней державы, и которая не преставала тревожить духъ его даже и тогда, какъ самъ виновникъ сей тревоги томился въ заточеніи.

Рожденный въ предѣлахъ Нижегородскихъ, отъ родителей поселянъ, Никонъ изучилъ священное писаніе и тайно оставилъ домъ свой, чтобы начать искусъ иноческій въ обители Желтоводской. Убѣжденный отцемъ, онъ возвратился для сочетанія бракомъ, былъ посвященъ въ приходскіе священники и перешелъ въ Москву; но первоначальное влеченіе къ пустынной жизни не оставляло въ покоѣ души его, связанной узами міра. Лишившись всѣхъ дѣтей, онъ принялъ сіе за горнее воззваніе,

и послѣ десятилѣтняго супружества убѣдилъ жену идти въ монастырь; самъ же пошелъ искать строжайшаго житія иноческаго въ глубинѣ сѣвера, на льдахъ Соловецкихъ. Но и отдаленная лавра, Савватія и Зосимы, не казалась ему довольно пустынною; онъ нашелъ себѣ болѣе дикое уединеніе на сосѣднемъ островѣ Анзерскомъ, въ скиту преподобнаго Елеазара, гдѣ провелъ многіе годы въ поетѣ и молитвѣ, изнуряя плоть свою непрестанными подвигами; дважды однакоже вынужденъ былъ оставлять любимый пріютъ, чтобы опять убѣдить супругу къ рѣшительному постриженію, и въ другой разъ, виѣсть съ преподобнымъ Елеазаромъ, за сборомъ милостыни въ Москвѣ. Милостыня сія, вопреки совѣтамъ Никона, долго не употребляемая на украшеніе лавры, послужила между ними причиною смуты, и въ третій разъ съ горестію оставилъ отшельникъ Анзерскій скитъ. На утлой ладѣ ввѣрлся онъ бурному морю, и едва спасся отъ бури на берегу пустыннаго Кія острова, гдѣ водрузилъ крестъ въ знаменіе будущей обители. Попутный вѣтръ принесъ его къ устью рѣки Онѣги, оттолмъ пришелъ онъ въ обитель Кожеозерскую, и тамъ опять уединясь, по уставу Анзерскому, на близъ лежащемъ острову, возбудилъ удивленіе братіи строгою жизнію. По смерти настоятеля, общинъ моленіемъ убѣжденъ былъ Никонъ идти въ Новгородъ, къ Митрополиту Аѳеонію, просить благословенія на степень игумена; чрезъ три года об-

шежитія пустыннаго, Никонъ долженъ былъ, ради нуждъ церковныхъ, посѣтить Москву, и тамъ впервые увидѣлъ его юный Царь. Пораженный величественною осанкою и мужественнымъ красно-рѣчіемъ игумна, наслышанный о его святой жизни, благочестивый Государь не рѣшился отпустить отъ себя такого мужа, и далъ ему монастырь Новоспасскій, мѣсто погребенія своихъ предковъ.

Здѣсь начало мірскаго величія Никона, но не конецъ его строгой иноческой жизни, въ которой пребывалъ твердъ до послѣдняго часа; — здѣсь начало и тѣхъ сильныхъ искушеній духа, подъ бременемъ коихъ изнемогъ наконецъ, превознесенный и превознесшійся. Необычайная милость царская отличила между всѣми новаго архимандрита. Въ его сладкой бесѣдѣ находилъ утѣшеніе духовное Алексѣй Михайловичъ, и съ тѣхъ поръ привыкъ руководствоваться его мудрыми совѣтами; онъ встрѣтилъ въ немъ ревность къ Церкви, не уступавшую собственной, и высшій взглядъ на предметы не только духовные, но и гражданскіе, что проистекало у Никона единственно отъ его геніального ума и смѣлаго, открытаго характера. Въ теченіи трехъ лѣтъ всякую пятницу являлся архимандритъ въ придворную церковь, для бесѣды съ Царемъ послѣ божественной службы, на пути принималъ онъ челобитныя отъ народа, и Царь, не выходя изъ церкви, давалъ на нихъ милостивыя рѣшенія; такимъ образомъ Никонъ отчасти уже

начиналъ входить въ управленіе гражданское. Когда же слабость добродѣтельнаго Аѳеонія, Митрополита Новгородскаго, принудила его удалиться въ монастырь Хутынской, Государь избралъ ему въ преемники Никона, и Патріархъ Іерусалимскій Пасій, приходившій за милостынею въ Москву, посвятилъ его, по желанію царскому, въ Митрополиты великому Новгороду. Такъ, по странному стеченію обстоятельствъ одинъ изъ Патріарховъ восточныхъ посвящалъ Никона, которому суждено было лишиться сана такъ же чрезъ Патріарховъ восточныхъ: возвышеніе и униженіе его совершились съ равнымъ блескомъ.

Но Алексѣй Михайловичъ, отпустивъ Никона въ Новгородъ, болѣлъ душею о разлукѣ съ челоувѣкомъ приснымъ, необходимымъ ему и по влеченію сердца и по дѣламъ государственнымъ. Всякую зиму призывалъ онъ Митрополита въ Москву, для совѣщаній, и по случаю сихъ частыхъ поѣздокъ, испросилъ себѣ Никонъ у Государя живописное озеро Валдайское, на перепутіи, для основанія обители Иверской, на лѣсистомъ острову. Исполненный впечатлѣніями пустыни, посреди коей провелъ лучшіе свои годы, онъ хотѣлъ, чтобы новая обитель напоминала ему гору Аѳеонскую, образецъ житія иноческаго, и устроилъ ее по подобію одного Русскаго монастыря Святой горы.

Необычайная власть предоставлена была отъ Государя Митрополиту въ епархіи; не только его

исключительному суду подлежали всѣ дѣла духовныя, но и виѣшнія, какія могли касаться до лицъ монашествующихъ, священнослужителей и волостей церковныхъ. Никоиъ имѣлъ даже право входить въ темницы и по личному своему усмотрѣнію разрѣшать узниковъ, если находилъ ихъ правыми. Довѣренность царская совершенно оправдалась во время голода, опустошавшаго Новгородъ, когда Митрополитъ, устроивъ чѣтыре богадѣльни, ежедневно кормилъ на дворѣ своемъ убогій народъ; оправдалась и еще болѣе среди страшнаго мятежа, вспыхнувшаго въ Новгородѣ и Псковѣ. Здѣсь въ полномъ блескѣ явились пастырскія добродѣтели Никона, ибо когда во Псковѣ разъяренная чернь умертвила воеводъ своихъ и съ трудомъ могла быть усмирена оружіемъ, въ Новгородѣ напротивъ пострадалъ одинъ только Святитель. Онъ укрывъ въ своихъ палатахъ воеводу Князя Хилкова и вышелъ къ бунтующему народу; удары посыпались на отважнаго и замертво былъ онъ оставленъ на площади. Едва дышущій поднялся однакоже, съ помощію своихъ; при изнеможеніи тѣлесномъ нашель въ себѣ довольно силы душевной, чтобы идти съ крестнымъ ходомъ служить литургію въ той части города, гдѣ свирѣпствовалъ бунтъ; не боялся и еще однажды предстать даже въ самую избу, гдѣ собирались мятежники. Великодушіе пастыря на сей разъ поразило самыхъ буйныхъ, хотя не переставали они дѣй-

ствовать противъ правительства, и заградивъ пути къ столицѣ, пересылались со Шведами, чтобы отдать имъ Новгородъ. И тутъ успѣлъ Никонъ, предупредить Государя, для припятія нужныхъ мѣръ предосторожности; самъ же предавъ соборной анаѣмѣ измѣнниковъ, спокойно ожидалъ бурю. Буря утихла, разсѣянная его неколебимою твердостью, и онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть раскаяніе народа, прибѣгшаго къ нему за разрѣшеніемъ духовнымъ и за милостью царскою, потому что Митрополиту предоставленъ былъ судъ надъ виновными.

Таковы были гражданскіе подвиги Никона въ своей епархіи; пастырское же его раченіе о благоуравіи клира и паствы, о благомѣпін обрядовъ церковныхъ, доходило до чрезвычайной ревности. Одаренный краснорѣчивымъ словомъ, Никонъ безпрестанно поучалъ въ церкви, и на его пламенную проповѣдь, исполненную божественнаго писанія, стекались издалека; онъ замѣнилъ живымъ словомъ чтеніе избранныхъ поученій, уставленныхъ на каждый день, обратилъ вниманіе на утварь и облаченія церковныя, въ которыхъ любилъ чистоту и великолѣпіе, чтобы сдѣлать ихъ достойными высокаго назначенія: устроилъ и самый порядокъ богослуженія, ибо по вкравшемуся злу, священнослужители для скорости читали въ одно время на обоихъ крылосахъ, въ два и три голоса, каѳизмы и каноны за всеношнюю, и даже на ли-

тургін эктени и возгласы сливались съ пѣніемъ клира. Строго запретилъ Митрополитъ подобное безчиніе во всѣхъ церквахъ своей епархіи, которое указами царскими прекращено было и въ прочихъ, по совѣту Никона; онъ учредилъ такъ же вмѣсто неблагозвучнаго пѣнія, другое болѣе сладкое, примѣняясь къ древнимъ напѣвамъ Кіевскимъ и Греческимъ: Утѣшительный сими пѣніемъ, Государь завелъ оное и въ своей придворной церкви, отколь начало распространяться въ другихъ церквахъ и обителяхъ.

Съ неудовольствіемъ смотрѣлъ престарѣлый Патріархъ Іосифъ на сей порядокъ церковный, который почиталъ нововведеніемъ, по слабости, свойственной человѣку, уже стоявшему на краю долгаго поприща. Многіе изъ числа духовныхъ, его окружавшіе, протопопъ Аввакумъ, священники Лазарь и Никита, царскій духовникъ Стефанъ, диаконъ Феодоръ и братъ его Григорій Нероновы, поддерживали старца въ столь неблагопріятномъ мнѣніи и употребили во зло его довѣренность, при напечатаніи псалтири, кормчей, катихизиса, искажая ихъ своими грубыми ошибками и произвольными толкованіями; потому что и начальникъ дворцоваго приказа, гдѣ находился печатный дворъ, князь Львовъ, былъ ихъ соумышленникъ. Многіе изъ неопытныхъ уже начинали заражаться ихъ толками, но по свидѣтельству современника, Митрополита Тобольскаго Игнатія, старые и свѣду-

щіе люди не хотѣли принимать новаго ихъ лжеу-
ченія. Между тѣмъ необходимость исправленія
книгъ церковныхъ была столь чувствительна, и
вмѣстѣ съ тѣмъ такъ усиливалась страсть къ про-
свѣщенію духовному, что Царь Алексѣй Михайло-
вичъ просилъ Митрополита Кіевскаго, Сильвестра
Коссова, прислать къ нему старцевъ, изъ знамени-
той академіи, для сличенія съ Греческимъ Славян-
скаго перевода библіи, неисправно напечатанной
княземъ Острожскимъ. Даже частный человекъ
поревновалъ Царю въ его усердіи: благочестивый
и образованный бояринъ Ртищевъ, устроилъ подь
Москвою Преображенскую пустынь, зародышъ бу-
дущей академіи, изъ тридцати монашествующихъ
братій, собранныхъ имъ въ Малороссіи для пере-
вода церковныхъ книгъ. Знаменитый богословъ
своего времени, Кіевопечерскій іеромонахъ Епифа-
ній Славенецкій, былъ въ числѣ ученой братіи сей
обители, и подь его руководствомъ изданы многія
житія и бесѣды Св. отецъ и переведены съ Гре-
ческаго всѣ соборныя правила.

Не только съ Кіевомъ и Малороссією стано-
вились чаще и ближе церковныя сношенія наши,
но и съ Востокомъ. При отшествіи изъ Москвы
Іерусалимскаго Патріарха Паисія, отправленъ былъ
вмѣстѣ съ нимъ келарь Троицкой лавры Арсеній
Сухановъ, во святаыя мѣста Восточныя, для наблю-
денія устава церковнаго, четырехъ вселенскихъ
престоловъ, ибо возникали разногласія и споры о

нѣкоторыхъ обрядахъ. Арсеній дважды обращался изъ Молдавіи, отъ Патріарха Іерусалимскаго къ Царю и къ гетману казаковъ, по дѣлу о дѣвшемся у нихъ самозванцѣ; онъ оставилъ наконецъ Паисія и встрѣтилъ въ Галацѣ другаго первосвященителя Греческаго, Аѳанасія Хартуларія, бывшаго краткое время на престолѣ Цареградскомъ. (Сей Аѳанасій, милостиво принятый въ Москвѣ, скончался на обратномъ пути въ Лубнахъ, гдѣ донынѣ почиваетъ его нетлѣнное тѣло). По случаю жестокихъ гоненій, которыя претерпѣвала тогда Константинопольская Церковь, и по бѣдственной кончинѣ Патріарха Парѳенія, не могъ видѣть Сухановъ его преемника, но въ Александріи бесѣдовалъ съ мудрымъ Патріархомъ Іоанникіемъ, и получилъ отъ него разрѣшеніе на многіе вопросы церковныя. Въ Іерусалимѣ же наблюдалъ и описалъ подробно весь чинъ богослуженія Греческаго, и шелъ обратно чрезъ Дамаскъ, гдѣ видѣлся съ Патріархомъ Антиохійскимъ, и черезъ Грузію; такимъ образомъ онъ представилъ въ описаніи своего пути довольно полное обозрѣніе Восточной Церкви, хотя и омраченное одностороннимъ взглядомъ на характеръ Грековъ и недоразумѣніемъ въ нѣкоторыхъ своихъ наблюденіяхъ. Арсеній возвратился въ послѣдній годъ жизни Патріарха Іосифа, когда уже своевольствовавшіе при немъ священники, недовольные Никономъ, заводили явные расколы. Они воспользовались нѣкоторы-

неблаговидными замѣчаніями Арсенія, чтобы во-
стать противъ Митрополита Новгородскаго, за то
будто бы; что хотѣлъ соображаться во всемъ съ
Церковію Греческою, между тѣмъ какъ сама она
не удержала древняго своего православія. Такъ,
мало по малу, собирались тучи на горизонтѣ цер-
ковномъ.

Въ сіе время открылись мощи ученика препо-
добнаго Сергія, св. Савы Звѣнигородскаго, и утѣ-
шенный ихъ явленіемъ Государь, вскорѣ созвалъ,
по совѣту Никона, соборъ духовный для возданія
торжественной почести тремъ великимъ страдаль-
цамъ Россійской Церкви: Іову, Гермогену и свято-
му Митрополиту Филиппу, чтобы изъ близкихъ
и дальнихъ гробовъ своихъ собрались они къ сон-
му святителей, въ тотъ Успенскій соборъ, гдѣ про-
сіяли пастырскими добродѣтелями. Царь Михаилъ
Феодоровичъ воздалъ сей послѣдній долгъ Царю,
своему предвѣстнику Шуйскому, возвращенному имъ
изъ польской могилы въ соборъ Архангельскій, а
сынъ Михаила тремъ Святителямъ. Изъ Чудова
перенесенъ торжественно великій Гермогенъ, въ
престольный соборъ свой, и поставленъ поверхъ
земли, подлѣ мѣднаго шатра ризы Господней. Пре-
старѣлый Варлаамъ Митрополитъ Ростовскій, по-
сланъ былъ въ Старицу за мощами Іова; Патрі-
архъ Іосифъ, самъ уже предчувствовавшій близ-
кую смерть, когда полагалъ первопрестольника Іо-
ва подлѣ предвѣстника своего Іоасафа, испросилъ

себѣ у Царя мѣсто въ погахъ Юва, и чрезъ нѣсколько дней исполнилось его послѣднее желаніе.

Между тѣмъ въ лавру Соловецкую отпущенъ былъ прежній ея отшельникъ Митрополитъ Никонъ, съ молебнымъ посланіемъ Царя къ мощамъ Филиппа, дабы подвигся великій Святитель, съ мѣста покоя, и пришелъ въ столицу разрѣшить своимъ присутвіемъ спящаго тамъ Юанна, виновника мученической его кончины, за котораго молилъ вроткій Царь Алексій, какъ бы живаго о живомъ. И подвигся Филиппъ, и пошелъ вновь по водамъ Бѣлаго моря, которыя уже преплылъ однажды въ своей ракъ, какъ въ гробовой ладѣ; кормчимъ былъ Никонъ, и причалилъ опять къ пустынному Кію острову и устью Онѣги, гдѣ вѣкогда снаеся на утломъ чолнѣ, и оттолѣ направилъ въ обитель Бѣлоозерскую. Извѣщая постепенно Царя о своемъ шествіи, продолжалъ Никонъ, водою, путь свой отъ Св. Кирилла къ Ярославлю и сушею, изъ Ярославля въ лавру; онъ не предчувствовалъ, что черезъ тридцать лѣтъ, испытавъ самъ всѣ превратности судьбы человѣческой, высшую степень величія и крайнюю убожества, изгнанникомъ и узникомъ будетъ возвращаться, тѣмъ же путемъ, въ обитель новаго Иерусалима, живой до Ярославля и уже мертвый далѣе. Юный Царь и дряхлый Митрополитъ Ростовскій Варлаамъ поспѣшили встрѣтить, за вратами столицы, мощи святителя Филиппа, и не достигнувъ ихъ скончался Варлаамъ, подъ бременемъ лѣтъ и чрезмѣрной

радости. Многія исцѣленія ознаменовали торжественное возвращеніе Филиппа въ свою церковную область; онъ сталъ опять во гробѣ, на то мѣсто, съ коего обличалъ Іоанна, и страждущіе, какъ нѣкогда угнѣтенные; опять къ нему притекали, какъ къ живому источнику помощи.

Казалось, Филиппъ съ патріаршей кафедрой правилъ опять Церковію всея Руси, потому что не было ей другой главы: Патріархъ Іосифъ скончался, такъ же и мѣстоблюститель его Митрополитъ Ростовскій. Старшій изъ всѣхъ, Никонъ Новгородскій, отрекался упорно отъ престола патріаршаго, не смотря на моленіе любящаго и любимаго имъ Царя. Онъ зналъ, что окружавшіе Іосифа и сильная сторона въ духовенствѣ смотрѣли на него какъ бы на презритель старины Русской, за сближеніе съ Восточною Церковію, видѣлъ любовь царскую, но также и вліяніе, которое имѣли приближенные бояре на кроткую душу Государя; а суровый характеръ Никона, увѣреннаго въ чистотѣ своей цѣли, не былъ по несчастію растворенъ пастырскою снисходительностію. Все сіе предчувствовалъ онъ, когда съ такою твердостію отвергалъ всѣ моленія, но любовь Царя преодолѣла. Въ храмѣ Успенскомъ, предъ мошами Филиппа, со всѣмъ синклитомъ и соборомъ въ послѣдній разъ убѣдительно заклиналъ онъ Никона, не оставлять въ сиротствѣ Церковь Россійскую безъ пастыря, и поколебалась твердость святителя при такомъ

моленіи; онъ спросилъ: будутъ ли всегда почитать его, какъ истиннаго архивастыря и духовнаго отца, и дадутъ ли ему устроить дѣла церковныя? — услышавъ же единодушную клятву, изъявилъ наконецъ согласіе на высокій санъ, къ общей радости Царя, собора и народа, и тѣмъ изрекъ собственный приговоръ.

6. Н и к о н ъ .

1653 Шестъ лѣтъ дѣйствительнаго патріаршества Никона были самою блестящею эпохою царствованія Алексѣя Михайловича; — геніальный умъ и предпріимчивый характеръ Святителя одушевили совѣтъ царскій и отозвались славою побѣдъ сошедшимъ державамъ; но годы, проведенные имъ въ пустынныхъ подвигахъ, и на кафедрѣ Новгородской, были лучшимъ временемъ его жизни; посреди заботъ государственныхъ утратилъ онъ миръ внутренній. Одно могло утѣшать Никона, — искренняя, взаимная любовь къ нему Государя, которая наполняла обоихъ до такой степени, что они казались однимъ человѣкомъ въ дѣлахъ правленія; проводя всѣ дни вмѣстѣ, на молитвѣ, въ совѣтѣ, или за дружественною трапезою; чтобы еще бо-

лге соединиться, узлами родства духовнаго, Патріархъ былъ воспріемникомъ всѣхъ дѣтей Государевыхъ отъ кушеля, и оба они дали взаимную клятву не оставлять другъ друга до предѣловъ гроба. И что всего трогательнѣе въ судьбѣ обонхъ, — даже во время долготѣннихъ смуть, возбужденныхъ между ними, завистию недоброжелателей, они сохранили въ сердцѣ до послѣдней минуты сію нѣжную пріязнь и ничего такъ не страшились царедворцы, какъ личнаго межъ ними свиданія.

Исправленіе книгъ церковныхъ было первымъ и постояннымъ предметомъ заботъ Патріарха. Дѣло сіе, предполагаемое еще при Іоаннѣ Грозномъ, на соборѣ столглавомъ, но оставленное, со многими полезными предпріятіями, въ мрачные годы его душевной болѣзни, потомъ возобновляемо было при Θεодорѣ, печатаніемъ книгъ церковныхъ, хотя и весьма несовершеннымъ, и опять прервалось смутами самозванцевъ. Царь Михаилъ Θεодоровичъ и Патріархъ отецъ его чувствовали равномерно сію необходимость, когда постепенно исправляли уставы и требники, обличая вкравшіяся въ нихъ ошибки отъ переписчиковъ и печатниковъ. Но окончательный трудъ требовалъ людей болѣе образованныхъ и благомыслящихъ, нежели каковы были священники и діаконы, занимашіеся печатаніемъ книгъ при Іосифѣ. Когда же Патріархъ Никонъ, при которомъ вышла въ свѣтъ напечатанная ими коричая, замѣтилъ, хотя и поздно, всѣ

грубые подлоги недобросовѣстныхъ ея издателей, наипаче о перстномъ сложеніи, то онъ подвергъ ихъ строгому наказанію, умноживъ тѣмъ число враговъ своихъ.

Соборное исправленіе книгъ произошло такимъ образомъ: скоро по своемъ поставленіи, Никонъ, разбирая утвердительныя грамоты Патріарха Іеремія в собора Греческаго, на ния первопрестольника Іова, со страхомъ прочелъ въ нихъ, какому осужденію подвергается всякое нововведеніе въ вещахъ церковныхъ, вопреки уставамъ Св. отецъ; прочелъ также на древнемъ саккосѣ Митрополита всея Руси Фотія, за 250 лѣтъ принесенномъ изъ Греціи, символъ вѣры, назанный жемчугомъ, и разсмотрѣвъ тотъ же символъ въ новыхъ печатныхъ книгахъ, равно какъ в чинъ литургіи, ужаснулся, увидя въ нихъ несходства съ древнѣйшими списками. — Тогда же умолилъ онъ Царя созвать въ своихъ палатахъ соборъ, для рѣшительнаго совѣщанія о исправленіи книгъ, и соединились Митрополиты: Новгородскій Макарій, Казанскій Корнилій, Ростовскій Іона, Крутицкій Сильвестръ, Сербскій Михаилъ и архіепископы: Маркелъ Вологодскій, Софроній Суздальскій, Михаилъ Рязанскій, и Епископъ Павелъ Коломенскій, бывшій въ послѣдствіи главою раскола и виною осужденія самаго Никона.

Патріархъ предложилъ собору; «поелику въ новыхъ печатныхъ книгахъ Московскихъ обрѣ-

таются многія несогласія, съ древними Греческими и Славянскими книгами, которыя между собою совершенно сходны, и погрѣшности сіи произошли отъ неопытности переписчиковъ и печатниковъ, то должно ли предпочитать новыя книги древнимъ, слѣдуя коимъ угодили Богу великіе богословы и учителя восточные и вселенскіе: Аѳанасій и Василій, Григорій, Златоустъ и Дамаскииъ, и Россійскіе чудотворцы: Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ?» Государь и соборъ единодушно отвѣтствовали: «достойно и праведно исправить новыя книги, противъ старыхъ харатейныхъ, Славянскихъ и Греческихъ, чтобы слѣдовать во всемъ прежнимъ церковнымъ уставамъ.»

Тогда Государь, вмѣстѣ съ Патріархомъ, повелѣлъ собрать въ Москву древнія рукописныя книги, за 800 лѣтъ и болѣе переведенныя съ Греческаго, изъ лавры Троицкой и обителей Новгородѣ, изъ монастыря Іосифа Волоколамскаго и другихъ, и чтобы не одна только ихъ воля, но и совѣтъ Вселенскихъ Патріарховъ, участвовали въ сѣмъ предпріятіи, они послали въ Царьградъ, съ вопросительными грамотами, мужа опытнаго Мануила Грека. — Исполняя благое ихъ жеданіе, Патріархъ Константинопольскій Панисій, созвалъ Греческихъ святителей и дѣланіемъ соборнымъ утвердилъ рѣшеніе собора Московскаго: слѣдовать во всемъ православному писанію восточныхъ учителей, обрѣтающемуся въ древнихъ Греческихъ и

Славянскихъ книгахъ, и прислалъ символъ вѣры Никейскій, для непреложнаго образа, въ коемъ ни единое слово не должно быть прибавлено, или убавлено.

Братское посланіе Патріарха къ Никону, о чинѣ и таинственномъ значеніи литургій, и о многихъ другихъ предметахъ, исполнено было глубокаго знанія, ревности къ православію и вѣстѣ съ тѣмъ настоящею любовью. Папскій умолялъ ни въ чемъ не разнствовать отъ устава великаго Константинопольскія Церкви, дабы всѣ пять патріаршихъ престоловъ: Царьграда, Александріи, Антиохіи, Іерусалима и Москвы, составляя единую вселенскую Церковь, были едины, не тоямо въ догматахъ и правилахъ, но и въ самыхъ обрядахъ; предлагалъ православное исповѣданіе Петра Могилы, исправленное всѣми Патріархами, какъ истинное выраженіе догматовъ Церкви Восточной. Но похваляя ревность Никона, просилъ также быть снисходительнымъ къ тѣмъ, которые заблуждались не въ существенныхъ догматахъ вѣры, но только въ некоторыхъ маловажныхъ вещахъ внѣшнихъ, дабы чрезъ то удержать ихъ въ союзѣ церковномъ, и благоразуміе было бы послѣдовать кроткому совѣту Папскія; но по несчастію природная суровость Никона, при пламенной его ревности къ искорененію всякаго зла церковнаго, увлекла его изъ предѣловъ настырскаго снисхожденія.

Утѣренные цесаріемъ Пандіа, Царь и Патриархъ, послали вторично съ богатою имѣстинею келара Арсенія Суханова, за древними рукописями во святую Афонскую гору, гдѣ собралъ онъ до пятисотъ Греческихъ книгъ, изъ коихъ одно Евангеліе писано было за 1050 лѣтъ. Перебрали Афону и вселенскіе Патриархи, отпущенныя съ Арсеніемъ до двухсотъ подобныхъ рукописей, которые составляютъ и дониндѣ лучшее сокровище патриаршей Московской библіотеки. Для большей вѣрности и предусмотрительности, Патриархъ Никонъ воспользовался пришептаемъ въ Москву Патриарховъ Антиохійскаго Макарія, Сербскаго Гавріила и Митрополитовъ Нѣскейскаго Григорія и Молдовахійскаго Гедеона; — онъ созвалъ опять соборъ, подтвердившій дѣянія перваго, присутствіемъ восточныхъ Іерарховъ.

Подробно распрашивалъ ихъ Никонъ, о перстосложеніи крестномъ на Востокъ, и слышалъ отъ каждаго, что Церковь православная Греческая, понынѣ и дониндѣ, слагаетъ всегда для крестнаго знаменія три первые большіе перста сходно съ Россійскою; онъ спрашивалъ и о несогласіи новыхъ печатныхъ Московскихъ книгъ съ древними Греческими и Славянскими, которое вышло въ то мрачное время, когда, по бѣдственнымъ обстоятельствамъ Востока, 120 лѣтъ Церковь Россійская не могла быть въ постоянномъ сношеніи съ престоломъ Константинопольскимъ и получать отъ

него просвѣщенныхъ святителей, или посылать къ нему на поставленіе своихъ, — и оба Патріарха съ Митрополитами одобрили книжное исправленіе.

Тогда уже рѣшительно приступлено было къ необходимому исправленію, во древнихъ образцахъ Греческимъ и Славянскимъ, и прежде всего начатанъ въ Москвѣ служебникъ, а вслѣдъ за нимъ другія книги и скрижали, или сборникъ духовный, о многихъ предметахъ догматическихъ, почерпнутыхъ изъ писаній Св. отецъ. Но когда всѣ сіи благоразумныя мѣры предосторожности, руководившія соборъ въ самомъ дѣлѣ исправленія и печатанія книгъ, перестали быть соблюдаемы при распространеніи ихъ въ церквахъ и обителяхъ, и строго начали отбирать у всѣхъ старопечатныя изданія, — тогда возникъ ропотъ народный, которымъ воспользовались люди неблагонамѣренныя; ибо они, умотрѣвляя во зло невѣжество неопытныхъ, называли книги Никона новыми, по времени ихъ явленія, и коварно скрывали совершенное ихъ сходство съ древнѣйшими, Греческими и Славянскими рукописями, отъ коихъ напротивъ того отступали такъ называемыя старыя книги временъ патріаршихъ. Самыми дѣятельными распространителями подобныхъ мѣрій были личные враги Никона, уставщики Патріарха Іосифа, пострадавшіе за неправильное изданіе кормчей, поны Аввакумъ, Лазарь, Никита, Стефанъ, діаконъ Григорій и Феодоръ Чероковы, которые сдѣла-

лись святителями расколовъ. Такъ самое благое и полезное дѣло причинило нечаянное смятеніе.

Внезапная дѣятельность, оказавшаяся со времени возшествія Никона на престолъ патриаршій въ управленіи церковномъ, тогда же обнаружилась и въ дѣлахъ государственныхъ, и первымъ блистательнымъ подвигомъ было присоединеніе Малороссіи. Давно уже жаждалъ сего гетманъ Хитльницкій, но осторожная политика двора Московскаго содержала Россію въ тѣсныхъ предѣлахъ, въ какіе заключили ее войны самозванцевъ и слабость новаго правленія при Михаилѣ. — Между тѣмъ росла надмѣнность Польши, оскорбительная для Царей нашихъ, едва признаваемыхъ ею, и то безъ надлежащаго титула, умножались бѣдствія Украйны, подвергаемой всякаго рода гоненіямъ, за свое православіе и за народность; а между тѣмъ, кромѣ войска Запорожскаго, уже многочисленныя слободы казаковъ, раздѣленныхъ на полки подъ управленіемъ своихъ полковниковъ и одного гетмана, могли выставить въ полѣ 60,000 лучшей конницы. Богданъ Хитльницкій былъ душою всей Украйны. Непобѣдимый во многихъ сраженіяхъ, онъ окружилъ станъ самаго Короля Яна Казимира, подъ Сборовымъ, и предписалъ ему условія, выгодныя для самобытности Малороссіи и ея свободнаго вѣроисповѣданія. Сорокатысячный составъ войска казачьяго, завѣщаніе Митрополита Кіевскаго въ сенатъ Польскомъ, удале-

ніе школь Іезуитскихъ изъ Кіева и Евреевъ изъ слободъ Украинскихъ, были важными статьями сего договора, ибо до такой степени доходили гоненія отъ Уніи, что даже на откупъ Евреямъ отдавались вино и просфоры для литургіи. Но гетманъ, въ свою чреду, извѣною союзныхъ Крымцевъ, былъ преданъ во власть Короля, и принужденъ принять отъ него стѣснительныя условія подъ Бѣлою церковію; тогда не видя уже никакого спасенія со стороны Польши, сталъ еще болѣе сближаться съ Россією.

Сперва испросилъ онъ дозволеніе казакамъ селиться по лѣвую сторону Днѣпра; въ предѣлахъ Русскихъ, и устроилъ тамъ пять новыхъ полковъ, со всѣми льготами пятнадцати прочихъ полковъ Украинскихъ. Наконецъ, при наступательномъ движеніи вождей Польскихъ, прибѣгъ со всѣмъ войскомъ Заворожскимъ подъ высокую руку Царя, и въ грамотѣ къ Патріарху Никону, предлагая условія подданства, умолялъ о присоединеніи Украйны къ державѣ Русской. Соборъ духовныхъ и мірскихъ чиновъ соединился для совѣщанія въ грановитой палатѣ: Государь рѣшился прежде нежели поднять оружіе, еще однажды требовать удовлетворенія отъ Короля Польскаго; онъ предложилъ свое посредничество для защиты православія; но мирныя слова пословъ царскихъ съ гордостью отвергнуты были правительствомъ Польскимъ, и война объявлена, а Украйна принята навсегда въ подданство Россіи.

Воеводу Бутурлина послали къ гетману для совершения столь великаго дѣла, которое не стоило ни одной капли крови Россіи. Хмѣльницкій, въ полномъ блескѣ своей славы, уважаемый Ханомъ Крымскимъ и Султаномъ, принудившій Господаря Молдавскаго выдать дочь за своего сына, спросилъ войско Малороссійское въ Переяславѣ: «кому оное воить: бусурманскимъ ли Хану и Султану, латинскому ли Королю или Царю православному?» и слышавъ единодушный кликъ: «волимъ подъ Царя православнаго!» присягнулъ на подданство со всюю Украйною. — Вольное избраніе гетмана и собственная расправа казаковъ, при 60,000 составѣ ихъ войска, были главными условіями. Но въ Кіевѣ, Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ и Печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, не охотно рѣшились промѣнять древнее, именемъ только, подчиненіе престолу Цареградскому, на совершенную покорность Патріарху Московскому; однакоже, въ скоромъ времени, тотъ же архимандритъ отправленъ былъ въ Москву Митрополитомъ, для оправданія и утвержденія правъ духовенства Малороссійскаго; его приняли съ ласкою, по благоразумной политикѣ Никона и отпустили съ дарами; совершенное же присоединеніе Кіевской митрополіи послѣдовало только чрезъ тридцать лѣтъ.

Въ началѣ 1654 года открылась война Польская; самъ Государь присутствовалъ при войскѣ, поручивъ свое семейство и самое царство Патріар-

ху; бояре думные не могли дѣйствовать безъ его совѣта. — Никогда дотолѣ оружіе Русское не покрывалось большею славою, какъ въ семъ быстромъ и блистательномъ походѣ. Казаки содѣйствовали Царю во взятіи Смоленска, древней его отчины, и вслѣдъ за тѣмъ тридцать важнѣйшихъ городовъ Бѣлорусскихъ, одинъ за другимъ, сдались Государю. Полоцкъ, убѣжденный своимъ краснорѣчивымъ игуменомъ Игнатіемъ, открылъ врата единовѣрному властителю. — Но посреди свѣтлыхъ побѣдъ печалило Царя извѣстіе о страшной моровой язвѣ, которая свирѣпствовала въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, и исполнила столицу трупами, не погребаемыми за недостаткомъ рукъ. Патріархъ успокоивалъ смятенный народъ, пастырскимъ окружнымъ посланіемъ и внушая мѣры предосторожности противъ заразы, озаботился сохраненіемъ вѣрной ему семьи царской. Онъ странствовалъ съ нею изъ монастыря въ монастырь, лично наблюдая за безопасностію мѣстъ, и имѣлъ утѣшеніе возвратить въ Вязьмѣ Государю все близкое его сердцу, невредимымъ. Признательный Алексѣй Михайловичъ, въ восторгѣ радости, тогда же провозгласилъ Никона Великимъ Государемъ, подобно какъ называемъ былъ дѣдъ царскій Патріархъ Филаретъ, и не смотря на сопротивленіе Никона, велѣлъ писать во всѣхъ государственныхъ актахъ титулъ сей, который потомъ обратился ему въ обвиненіе, хотя самъ онъ не позволялъ такъ величать себя въ церкви.

Въ краткое пребываніе Царя посѣтили столицу Патріархи Антиохійскій и Сербскій, для книжнаго исправленія, и послы новаго Короля Шведскаго, съ дружественными предложеніями Карла X, который съ своей стороны воевалъ Польшу; но дворъ Московскій, по хитрымъ внушеніямъ Австріи, устранившись отъ Швеціи, сдѣлалъ важную ошибку политическую. Содѣйствовалъ къ тому и неблагопріятный совѣтъ Никона, который будучи еще Митрополитомъ Новгорода, пламенно желалъ возвратить отъ Швеціи древнія области наши, Ингерманландію и Карелію, со столькими церквами и монастырями, отторгнутыми въ бѣдственные времена междуцарствія. Обольщенный быстрымъ и счастливымъ присоединеніемъ Малороссіи и Бѣлороссіи, онъ полагалъ, что настало время возвратить всѣ потери; и поистиннѣ, это была самая блистательная минута царствованія Алексѣя Михайловича, напомнившая лучшія времена Россіи до самозванцевъ.

Въ одно и то же время, отважный атаманъ Хабаровъ бился съ Даурами на берегахъ Амура, спускался въ океанъ восточный, покоряя отдаленнѣйшій край Сибири Царю Русскому; и первое посольство наше проникло въ Пекинъ къ Богдыхану Китайскому, равно изумленному существованіемъ и силою Россіи; и орды Калмыковъ, кочевавшихъ въ безпредѣльныхъ степяхъ Астрахани, вступили въ подданство Россіи; и господарь Молдавіи Стефанъ

подобно гетману Украйны, просилъ Царя принять его подъ свою высокую руку, а сосѣднія державы искали съ нимъ союза. Второй походъ Польскій Алексѣя Михайловича покрылъ его новою славою. Гродно и Ковно не устояли противъ оружія Русскаго, распространившаго владѣнія наши почти до нынѣшнихъ предѣловъ, а самая столица Литовская, искони намъ враждебная, Вильна, увидѣла торжественное вшествіе побѣдоноснаго Царя. Ужаснулась Польша, лишенная всѣхъ своихъ столицъ, ибо Варшава и Краковъ пали предъ воинственнымъ Королемъ Шведскимъ; несчастный Янъ Казимиръ прибѣгъ къ защитѣ имперіи Римской.

Тогда подвѣствовали коварные внушенія посла Австрійскаго, Іезуита Аллегрети, и заключено было перемиріе съ Польшею, которая уступила всѣ завоеванныя мѣста, до совершеннаго мира, единственно для обращенія оружія нашего на союзную Швецію. Чтобы еще болѣе завлечь Царя, въ сію пагубную войну, ему предложили корону Польскую, и онъ даже объявленъ былъ торжественно, на сеймѣ, наследникомъ Яна Казимира. Обольщенный столь хитрою политикою, Государь внезапно направилъ войско на Ливонію Шведскую, и это былъ рѣшительный оборотъ его воинскаго счастья. Динабургъ съ нѣкоторыми крѣпостями сдались приступомъ; но крѣпкая Рига отразила нападеніе Царя и охладила въ немъ любовь къ подвигамъ ратнымъ. Онъ возвратился въ Полоцкъ и

потомъ въ столицу; тамъ встрѣтилъ опять свое семейство, вторично спасенное, заботливостію Никона отъ моровой язвы, которая не переставала свирѣпствовать во все время похода, страшно возобновляясь по разнымъ мѣстамъ. Между тѣмъ тщетная война Шведская еще длилась два года, при переменномъ счастьи воеводъ нашихъ, и одна только опытность наміетника Ливонскаго, Ордена-Нащокина, удерживала сію покоренную область. Въ теченіе сего времени скончался храбрый воевода Бутурлинъ, разорявшій, вмѣстѣ съ юнымъ сыномъ гетмана, южныя предѣлы Польши, скончался и самъ великій виновникъ избавленія Малороссіи Богданъ Хмѣльницкій, вслѣдъ за Митрополитомъ Кіевскимъ Сильвестромъ Коссовымъ, и такимъ образомъ вся Украина на многіе годы сдѣлалась поприщемъ безначалія, измѣнъ и кровопролитія.

Когда столь неблагопріятно измѣнились обстоятельства внѣшнія, внутри государства возникло вредное для Церкви смятеніе, въ лицѣ Патріарха Никона. Строгій правитель, въ теченіе двухлѣтняго отсутствія царскаго, распоряжаясь властно, не какъ первосвятитель, но какъ другъ Царевъ, по неограниченной къ нему довѣренности своего Государя, онъ возбудилъ зависть и ненависть первостепенныхъ бояръ, родственниковъ царскихъ, Морозовыхъ, Милославскихъ, Стрѣшневыхъ, и Князей Трубецкаго, Долгорукаго, Одоевскаго, Ромодана

новскаго. — Сама Царица втайнѣ ему не благопріятствовала, по связямъ ли кровнымъ съ Милославскими, или опасаясь его вліянія на супруга. Вельможи, подданные и помянутые свѣтлымъ гениемъ Никона, не могли равнодушно переносить его единовластія, въ думѣ ихъ и совѣтѣ царскомъ. Съ своей стороны Никонъ, по непреклонности характера, болѣе и болѣе раздражалъ умы, дѣйствуя рѣзко и самоодѣянно, и слишкомъ давая чувствовать свое преимущество. Патріархъ Антиохійскій Макарій, посѣтившій дважды Россію, во дни величія и надежія сего знаменитаго мужа, описалъ образъ его правленія и жизни, въ отсутствіе Алексія Михайловича.

Никонъ, обремененный всею тяжестью заботъ государственныхъ, продолжалъ быть строгимъ инокъ на патріаршемъ престолѣ, соблюдая всѣ церковныя службы, съ такою притомъ ревностію къ просвѣщенію духовному, что во время литургій всегда имѣлъ при себѣ древнѣйшіе требники, для сліченія обрядовъ и молитвъ. Онъ показывался народу только въ храмѣ и на краткомъ переходѣ изъ своихъ келій въ соборъ Успенскій, принималъ неლობы, которыя рѣшалъ на мѣстѣ, или на другой день. Утромъ, въ урочный часъ, по звуку колокола, сходились бояре правительствующіе въ крестовую палату; Патріархъ выходилъ къ нимъ и стоя разсуждалъ о дѣлахъ; если же кто опаздывалъ къ выходу, то дождался потомъ нѣсколько

часовъ, въ его стѣняхъ. Когда же нѣкоторые изъ бояръ, возвратившіеся изъ Польскаго похода, принесли съ собою иконы, письма латинскаго, и завели въ домахъ органы, — Патриархъ велѣлъ у нихъ отобрать то и другое, и предать огню, какъ предметы противные православію: и самъ громко обличалъ ихъ въ соборѣ, предъ лицомъ Государя, называя каждаго по имени.

Не менѣе тягостенъ былъ Патриархъ и духовенству. Прощедши самъ чрезъ всѣ его степени и состоянія, будучи послушникомъ въ монастырѣ, десять лѣтъ приходскимъ священникомъ въ селѣ и столицѣ, потомъ долгое время отшельникомъ въ дѣлѣ уединеніи, игумномъ въ бѣдной пустынѣ, архимандритомъ богатаго монастыря, митрополитомъ первостепенной епархіи и наконецъ Патриархомъ, — онъ испыталъ все, что только можетъ испытать лице духовное, и показавъ всюду строгій примѣръ нравственности, требовалъ ее столь же строго отъ подчиненныхъ. Жестоко наказывалъ онъ нетрезвость, по обычаю того времени, темницею и бичемъ, не пощадилъ и собственнаго духовника. Никонъ требовалъ, по мѣрѣ возможности, и нѣкотораго образованія отъ посвящаемыхъ имъ въ діаконы и священники, по крайней мѣрѣ знанія грамоты, и никогда не рукополагалъ въ своей патриаршей области, безъ личнаго испытанія въ чтеніи, что также казалось въ то время весьма сѣтснительною мѣрою. Но наипаче былъ онъ взы-

скателемъ за всякое нарушеніе чина церковнаго и, подвергнувъ наказанію неблагонамѣренныхъ: Аввакума, Лазаря, Никиту и Нероновыхъ, не умѣрилъ гнѣва и въ отношеніи Павла Коломенскаго, какъ только замѣтилъ, что сей Епископъ, подписавшійся на соборѣ церковномъ о исправленіи книгъ, явно противудѣйствовалъ самому дѣлу. Патріархъ отрѣшилъ его самовластно отъ епархіи и заключилъ въ монастырь, безъ суда архіерейскаго, подвергшись чрезъ то нареканію въ нарушеніи правилъ соборныхъ, повелѣвающихъ творить судъ надъ каждымъ Епископомъ. Высшее духовенство раздражилось снмъ поступкомъ и терпѣло только до времени, давно уже оскорбленное необычайнымъ величіемъ Никона, которое казалось приличнымъ только Филарету, по праву родителя царскаго, но возбуждало зависть сверстниковъ къ чловѣку, происхожденія темнаго. Ближайшіе къ особѣ Патріарха были вмѣстѣ и сильнѣйшими его недоброжелателями: Питиримъ Митрополитъ Сарскій, намѣстникъ его церковной области, и архимандритъ Чудовскій Навель, въ послѣдствіи заступившій мѣсто Питирима, когда онъ перешелъ на Митрополию Новгородскую; также Иларіонъ архіепископъ Рязанскій, и другіе, хотя всѣхъ ихъ рукоположилъ самъ Патріархъ.

Однимъ только чловѣкъ искренно любилъ Никона, помня его заслуги и неизмѣнную пріязнь, — это кроткій Царь Алексѣй Михайловичъ, и ему

одному былъ преда нъ Патріархъ всею душою, до рожа его славою даже до ревности; онъ не могъ равнодушно видѣть вліянія приближенныхъ бояръ, которые наконецъ, происками, достигли желанной цѣли, устранивъ отъ него Государя. Двухлѣтнее отсутствіе приучило его обходиться безъ постоянного совѣта патріаршаго; неудачный походъ Шведскій, послѣ блистательныхъ успѣховъ Литовскихъ, невольно раздражилъ за безвременный совѣтъ о войнѣ; по возвращеніи же общій голосъ бояръ и духовенства, о самовластіи Никона, содѣйствовалъ къ охлажденію царскаго сердца. Скоро замѣтилъ сіе Патріархъ; прекратились между ними дружественныя ежедневныя трапезы и частыя совѣщанія; распоряженія церковныя Никона начали быть опровергаемы Государемъ: — такъ, по указу его, Полоцкій Богоявленскій монастырь, который Патріархъ объявилъ ставропигіальнымъ, т. е. зависящимъ прямо отъ своего лица, внезапно отданъ былъ въ управленіе Каллисту, посвященному на епархію Полоцкую.

Между тѣмъ, приказъ монастырскій, остававшійся въ бездѣйствіи во время властнаго управленія Никона, мало по малу уже начиналъ судить лица духовныя и ихъ волости; иногда подымались дѣла и о самыхъ волостяхъ, прибрѣтенныхъ вопреки указовъ Іоанна, и дума боярская стала рѣшительнѣе дѣйствовать, опираясь на уложеніе. Не такого характера былъ Никонъ, чтобы уступить

тѣмъ, съ конми не привыкъ дѣлиться довѣренностію царскою. Гнѣвно выражался онъ о новомъ порядкѣ дѣлъ, и еще надѣялся опять обратить къ себѣ вниманіе; а вельможи, зная его раздражительность, питали ее личными оскорбленіями. Все приготовлялось къ совершенному разрыву, — ожидали только случая.

Чувствуя утрату своего первобытнаго вліянія, въ дѣлахъ государственныхъ и даже церковныхъ, Никонъ не могъ уже заниматься ими, подъ вліяніемъ другихъ, и началъ помышлять о удаленіи. Для сего ревностно занялся устроеніемъ трехъ созданныхъ имъ обителей, Крестной, Иверской и Воскресенской, на память трехъ замѣчательныхъ эпохъ его жизни: отшельничества Соловецката, митрополіи Новгородской, и патріаршества Всероссійскаго. Какъ будто стыдясь своего уничтоженія въ столицѣ, внѣ оной проводилъ онъ время въ трудахъ иноческихъ, а враги пользовались его отсутствіемъ, чтобы совершенно удалить. Однакоже любящее сердце Царя невольно влекло къ бывшему нѣкогда единственному другу, и взаимное чувство ихъ признанія трогательно обнаружилось въ послѣдній разъ, при освященіи деревянной церкви новой обители Воскресенія. Съ горы, называемой Элеонъ, Государь, обозрѣвая живописную окрестность, сказалъ Патріарху, что Богъ изначала опредѣлилъ мѣсто сіе для обители, ибо оно прекрасно какъ Іерусалимъ. Никонъ же, утѣшенный столь сладкимъ име-

немъ, пазвалъ въ угодность Царю всю обитель Новымъ Іерусалимомъ, и поручилъ келарю Арсенію Суханову странствовавшему по Востоку, для собранія рукописей, принести ему образецъ Св. гроба, по подобію коего немедленно заложилъ каменную обширную церковь.

Протекло около года; навѣты и неудовольствія росли; Государь, удерживаемый боярами, видался рѣдко съ Патріархомъ и пересталъ даже выходить съ соборъ на его служеніе; царедворцы нагло надъ нимъ ругались, и одинъ изъ нихъ, Стрѣшневъ, осмѣлился даже назвать именемъ его свою собаку. Только искреннее объясненіе Патріарха съ Царемъ, могло бы погасить разгоравшееся и раздуваемое пламя; но когда однажды поселится взаимное недоразумѣніе между людьми, любившими другъ друга, то самая память прежней любви отравляетъ раны ихъ сердца, потому что переменна отношеній взаимныхъ уже оскорбительна каждому.

Наконецъ представился случай къ совершен- 1638.
ному разрыву. Грузинскій Царь Теймуразъ, обу-
реваемый междоусобіями своей земли и набѣгами
Персовъ и Турковъ, пришелъ лично искать покрови-
тельства у могущественнаго Царя Россійскаго,
и съ великимъ торжествомъ принялъ его Алексѣй
Михайловичъ. Патріархъ оставилъ также свое
удиненіе, чтобы участвовать въ свѣтломъ приѣмѣ;
во время встрѣчи Теймураза, окольникій царскій
Хитровъ, очищая ему путь, ударилъ боярина па-

тріаршаго и съ грубостію повторилъ ударъ. Раздраженный Никонъ требовалъ удовлетворенія, но проискани бояръ не получилъ его; онъ надѣялся объясниться лично съ Государемъ въ храмѣ, на праздникъ ризы Господней; но, противъ обыкновенія, Царь былъ удержанъ отъ выхода, и князь Ромодановскій, пришедшій въ соборъ, чтобы объявить о томъ Патріарху, сталъ упрекать его въ надмѣнности за титул Великаго Государя.

Тогда Никонъ потерялъ терпѣніе и предался гнѣву; окончивъ литургію, всенародно объявилъ онъ, что ради его недостойнства приключаются всѣ войны, моры и неуройства въ государствѣ, и воставивъ къ иконѣ Владимірской посохъ Петра чудотворца, громко провнесь, что отнынѣ онъ уже не Патріархъ Московскій; снялъ съ себя одежды святительскія, не смотря на моленія клира и народа, надѣлъ простую мантию иноческую, и написалъ въ ризницѣ письмо къ Царю, объ отшествіи своемъ съ престола патріаршаго, сѣлъ на ступеняхъ амвона ожидать отвѣта. Смятенный Государь послалъ увѣщевать его, чрезъ боярина князя Трубенкаго; но увѣщатель былъ также изъ числа враговъ. Народъ плакалъ и держалъ двери соборныя, Никонъ остался непреклоннымъ, не хотѣлъ болѣе войти въ келліи патріаршія и пѣшій пошелъ изъ Кремля на подворье Иверское, оттолкъ же, не дождавшаго дозволенія царскаго, увѣхалъ въ обитель Воскресенскую и отказался сѣсть въ

посланную за нимъ карету. Князь Трубешкой прѣзжалъ опять, уже въ Воскресенскъ, спрашивать его, именемъ Государя, о причинѣ отшествія. Никонъ отвѣтствовалъ, что ради спасенія душевнаго ищетъ безиовія, отрекался отъ патріаршества, просилъ себѣ только трехъ монастырей, Воскресенскаго, Иверскаго и Крестнаго, благословилъ Митрополиту Крутицкому Питириму управлять дѣлами церковными, и наконецъ, въ трогательномъ писемѣ, смиренно просилъ Царя, о христіанскомъ прощеніи за скорый отъездъ свой.

Слухъ о нашествіи Крыицевъ опять обратилъ къ Патріарху мысли Государя, встревоженнаго его опасностію въ беззащитномъ Воскресенскѣ. Онъ послалъ къ нему ближняго человека, съ предложеніемъ ѣхать, на время нашествія, въ укрѣпленный монастырь Макарія Колязинскаго. Никонъ почелъ это вѣстію заточенія и отвѣчалъ посланному, что есть для него въ Москвѣ другое, болѣе крѣпкое мѣсто, у Зачатейскаго монастыря, разумѣя городскую тюрьму; самъ же поспѣшилъ въ столицу, гдѣ только чрезъ три дня допущенъ былъ до свиданія съ Царемъ, и то въ присутствіи бояръ, или Царицы; и потомъ опять возвратился въ свою обитель. Но спокойствіе и тишина послѣ бури, въ такомъ сосѣдствѣ отъ двора, могли быть опасными для недоброжелателей Никона; — послѣдовали новыя огорченія. Внезапно раскрытъ былъ на патріаршемъ дворѣ тайный архивъ его и горько жа-

ловался Никонъ, въ письмѣ къ Царю, на сіе нарушеніе тайнъ, не только частныхъ и государственныхъ, у него хранившихся, но и тѣхъ, какія вѣрjali ему какъ святителю, чада духовныя, для облегченія совѣсти. Онъ приписывалъ такой поступокъ къ намѣренію истребить у него всѣ письма царскія, въ конхъ называемъ былъ Великимъ Государемъ, и свидѣтельствуя что всегда отрекался отъ столь гордаго и неумѣстнаго для него титула, просилъ о утоленіи царскаго гнѣва. Черезъ нѣсколько времени, самоуправство Митрополита Питирима, который взошелъ во всѣ права патріаршія и даже совершилъ, въ лицѣ его, обрядъ вербнаго воскресенія, шествіе на осляти кругомъ города, опять раздражило Никона; онъ не могъ еще отвыкнуть отъ мысли о своемъ патріаршествѣ, а уже видѣлъ въ намѣстникѣ личнаго врага, и отошелъ далѣе отъ столицы на Бѣлое море, въ Крестный монастырь, гдѣ провелъ болѣе года въ трудахъ пустынныхъ.

Между тѣмъ не могли оставаться въ такомъ неустроенномъ положеніи дѣла церковныя. Алексѣй Михайловичъ созвалъ въ столицу соборъ Россійскихъ и случившихся Греческихъ Епископовъ, чтобы разсудить о дѣйствіяхъ Патріарха; а между тѣмъ послалъ къ нему, на Бѣлое море, стольника Пушкина, просить окончательнаго разрѣшенія на выборъ многа Патріарха. Никонъ, хотя и подтверждалъ свое отреченіе, однакоже опасался вла-

сти непріязненнаго преемника, и не разрѣшая присту-
пить къ избранію и посвященію, предоставлялъ пра-
во сіе исключительно себѣ. Онъ хорошо зналъ судей
своихъ, потому что на соборѣ вполнѣ обнаруживалась
вся ненависть, которую къ нему питали. Митропо-
литъ Крутицкій домогался доказать, свидѣтельст-
вомъ многихъ, что Патріархъ, не дослуживъ ли-
тургію, оставилъ престолъ съ клятвою, никогда
не возвращаться, чему противорѣчло показаніе
Митрополита Сербскаго Михаила и другихъ, ко-
торые не слышали клятвы. Даже пришельцы Гре-
ческіе возставали противъ Никона, и Кирилль, Ар-
хіепископъ Кипра, утверждалъ, что за вину свою,
долженъ онъ лишиться всѣхъ жалованныхъ Госу-
даремъ отчинъ, и что не слѣдуетъ давать мона-
стырей въ управленіе отходящимъ на покой Архіе-
реямъ, хотя сей порядокъ соблюдается въ Восточ-
ной Церкви; еще одинъ изъ Грековъ упрекалъ
Никона въ дерзости Амановой. Всѣ же согласны
были, не только на его низложеніе съ престола
патріаршаго, но и на лишеніе сана архіерейскаго,
за то, что самовольно оставилъ свою епархію, и
старались утвердить сіе выписками изъ правилъ
соборныхъ. Два только краснорѣчивые защитника
заговорили въ пользу Никона на соборѣ: одинъ,
ученый Печерскій іеромонахъ Епифаній Славене-
цкій, который писалъ всѣ соборные акты и объ-
явилъ, что въ правилахъ церковныхъ не нашель
онъ, чтобы отрекшагося Епископа лишали свя-

щенства; другой, архимандритъ Положскій Игнатій, вопреки рѣшенію соборному о избраніи новаго Патріарха, утверждалъ, что Епископы Русскіе не въ правѣ судить своего Архипастыря, безъ участія Патріарховъ Восточныхъ, и голосъ его проникъ въ кроткое сердце Царя, который не хотѣлъ принять на себя осужденія Никона.

Посреди столь смутныхъ обстоятельствъ, пріѣхалъ въ столицу бывший Митрополитъ Газы, Пансіей Лигаридъ, долго скитавшійся безъ званій во Греціи и Италиі, котораго за три года предъ тѣмъ вымывалъ изъ Молдавіи самъ Патріархъ Никонъ, не предвидя, что въ немъ найдетъ себѣ злѣйшаго врага. — Пансіей принесъ одобрительную грамоту отъ Патріарха Константинопольскаго Пареевія, какъ знающій церковные уставы и способный къ изслѣдованію поступковъ Никона. — Принятый ласково Государемъ и боярами, Лигаридъ преклонился на сторону недоброжелателей Никона и сдѣлался председателемъ продолжительнаго собора, управлявшаго Церковію въ отсутствіе Патріарха.

Никонъ, возвратившійся опять изъ Крестнаго монастыря въ Воскресенскъ, чтобы ближе наблюдать за дѣйствіями собора, обрадовался сперва прішествію Пансіи, нѣкогда имъ обласканнаго, и въ жалобной грамотѣ изложилъ ему всѣ свои огорченія, но скоро увидѣлъ свою ошибку. Тогда обратился онъ, съ такою же грамотою къ новому Патріарху Константи-

ноиольскому Діонисію, братски объясня ему свои дѣянія, отъ самаго начала правленія, и всѣ претерпѣнныя имъ обиды; но грамота была перехвачена и послужила къ большому его обвиненію. Одинъ изъ сильнѣйшихъ враговъ Патріарха, бояринъ Стрѣшневъ, умышленно предложилъ Паисію до тридцати вопросовъ, относившихся къ поступкамъ Никона, и Лигаридъ написалъ на нихъ каноническіе отвѣты въ его осужденіе. Раздраженный Никонъ, съ своей стороны сочинилъ прѣстранное возраженіе на вопросы и отвѣты обоихъ, въ которомъ, съ глубокимъ знаніемъ священнаго писанія, отразилось и все волненіе его гнѣвнаго духа. — Между тѣмъ Паисій, занимавшійся всѣми сношеніями Царя и собора съ Патріархами Восточными, послалъ къ нимъ двадцать пять подобныхъ же вопросовъ, о власти царской и патріаршей, о поступкахъ и судѣ Никона, не называя его по имени, а только предлагая нѣкоторыя обстоятельства къ разрѣшенію, и сходно съ духомъ сихъ вопросовъ, отвѣты четырехъ Патріарховъ, испрошенные чрезъ дьяка царскаго въ Константинополѣ, были всѣ въ пользу собора. — Одинъ только Нестарій Іерусалимскій, хотя и подписавшійся на общемъ свиткѣ, въ отдельной грамотѣ умолялъ Царя, вспомнить прежнія заслуги Никона, и милосердно возвратить его на святительскій престолъ, для прекращенія всякой распри и соблазна.

Поистиннѣ великъ былъ соблазнъ въ Царствѣ

Россійской, отъ сей долгой распри, и радовались ей стетупкии православія. Съ одной стороны Пэнсій и лица духовныя, непріязненныя Никону, дѣйствуя самоуправно и поблажая боярамъ, въ избраніи Епископовъ и дѣлахъ церковныхъ, менѣе ревновали о благѣ самой Церкви, нежели о конечномъ паденіи Никона, и осыпали его всякими худами и оскорбленіями, потому что они уже зашли такъ далеко, что не могли болѣе возвратиться; а между тѣмъ лжеучители: Лазарь, Аввакумъ, Никита, монахъ Капитонъ и другіе, пользуясь наденіемъ Никона, разсѣвали свои толки, будто судится онъ за ересь и искаженіе книгъ. Съ другой стороны самъ Никонъ, изнуряя себя постомъ и молитвою въ пустынномъ скитѣ, работая, какъ простой каменьщикъ, при строеніи храма Св. гроба, не смирялся духомъ. Это было какое-то темное, болѣзненное состояніе души его. — Принимая къ сердцу всякое оскорбленіе, безирестанно выходилъ онъ изъ должныхъ предѣловъ характера святительскаго; не шадилъ враговъ своихъ, ни на словахъ, ни на бумагѣ, и предавалъ ихъ анаемѣ, за обиды и отнятіе волостей монастырскихъ, такъ что подвергся нареканію, хотя и совершенно несправедливому, будто произносилъ клятву на Царя. Но къ нему одному не питалъ вражды Никонъ; зная козни вельможъ, онъ только жаловался ему въ письмахъ, или чрезъ людей довѣренныхъ, и великодушный Государь, памятуя прежнюю любовь,

одинъ боролся съ многочисленными врагами Патріарха, не выдавая его нхъ злобѣ, и посылалъ непрестанныя милостыни въ Воскресенскую обитель. Наконецъ, для водворенія тишины церковной, вынужденъ былъ пригласить на судъ Восточныхъ Патріарховъ, и послалъ призывныя грамоты къ четыремъ Вселенскимъ престоломъ.

Нашелся однакоже, между столькими царедворцами, враждебными Никону, одинъ человекъ ему доброжелательствовавшій, нѣкто бояринъ Никита Зюзинъ. Болѣзнуя о пагубныхъ послѣдствіяхъ долготнѣй распри и слыша непрестанно, отъ людей приближенныхъ къ Царю, какъ больно его любящему сердцу такое ожесточеніе Патріарха, и какъ желалъ бы онъ его возвращенія, для совѣта о дѣлахъ Польскихъ и ради взаимнаго ихъ обѣта пріязни, неосторожный бояринъ рѣшился дѣйствовать по однимъ слухамъ; онъ написалъ къ Никону, что бы внезапно пріѣхалъ въ Москву, на праздникъ Петра Чудотворца, къ утренни въ соборъ Успенскій, и послалъ бы звать Государя на молитву, по обычаю, какъ будто бы не было межъ ними никакихъ огорченій, и такимъ образомъ минувшее предано будетъ забвенію. Два подобныхъ письма получилъ святитель и усумнился; но ласковый пріемъ, сдѣланный архимандриту Воскресенскому, посланному отъ него въ Саввинъ монастырь къ Государю, поколебалъ Никона; наконецъ, собственное его сонное видѣніе въ пустынномъ скитѣ, гдѣ ме-

чталось ему, что сонм преждепочившихъ святителейъ. возставая изъ гробовъ въ храмъ Успенія, по зову чудотворца Юны, даетъ руки на вторичное его возведеніе, -- рѣшили Патріарха.

Тайно ночью онъ вѣхалъ въ городъ, съ братію Воскресенской обители, на праздникъ Петра Митрополита, торжественно вступилъ въ храмъ Успенія, и приложась къ св. мощамъ и иконамъ, сталъ на патріаршее мѣсто, съ оставленнымъ имъ нѣкогда посохомъ Чудотворца. Добрый старецъ, Митрополитъ Иона Ростовскій, со времени удаленія Питирима въ Новгородъ, бывшій мѣстоблюстителемъ, испуганный внезапнымъ явленіемъ Патріарха, подошелъ къ нему подь благословеніе, со всѣми соборянами; онъ посланъ былъ во дворецъ, съ вѣстію о приходѣ Никона, который возвратился, будто бы, послѣ долгаго странствованія по своей церковной области, и приглашалъ въ храмъ Государя, для благословенія и молитвы.

Не менѣе Митрополита Юны смутился Государь, за нѣсколько шаговъ отъ собора слушавшій утренню въ теремной церкви, и въ недоумѣніи послалъ за ближними боярами и духовными властями. Минута была рѣшительна, ибо отъ нея завистлю или собственное ихъ паденіе, или конечное низверженіе Никона; — они убѣдили Государя не принимать Патріарха, а только взять отъ него грамоту, въ коей описывалъ свое видѣніе, и Князя Одоевскій и Долгорукій, съ Митрополитомъ Павломъ, пришли

въ соборъ объявить ему волю царскую, чтобы ѣхалъ обратно въ монастырь Воскресенскій, въ ожиданіи суда Вселенскихъ Патріарховъ.

Въ свою чреду смутился Никонъ, полагавшій что нечаяннымъ своимъ приходомъ исполнилъ тайное желаніе Государя; Патріархъ едва могъ вѣрить слышанному и подозрѣвалъ коварство враговъ. Онъ вышелъ изъ собора, но взялъ съ собою посохъ Чудотворца, въ доказательство того, что не съ клятвеннымъ отреченіемъ оставилъ нѣкогда престолъ свой. Донесли о томъ Государю, который послалъ вслѣдъ за нимъ въ село Чернево, отобрать у него посохъ и спросить причину пришествія. Никонъ не хотѣлъ вручить жезла Митрополиту Крутицкому Павлу и Чудовскому архимандриту Іоакиму, какъ людямъ ему непріязненнымъ; но отослалъ его, чрезъ собственнаго архимандрита, прямо къ Царю, вмѣстѣ съ призывными письмами боярина Зюзина, который былъ за то сосланъ въ Казань.

Между тѣмъ, Никонъ видя ясно, что все уже для него кончено и нѣтъ болѣе надежды на примиреніе, изъявилъ тѣмъ же посланнымъ согласіе свое на избраніе новаго Патріарха, съ условіемъ, чтобы ему сохранить три свои обители съ отчинами, въ распоряженіе коихъ не должны мѣшаться епархіальные Архіереи, ни даже въ поставленіе священнослужителей сихъ монастырей и церквей, отъ нихъ зависящихъ; ему же надлежало удержать

за собою титуло Патріарха и вторую степень на соборахъ, съ свободнымъ доступомъ къ Царю и общеніемъ со всѣми желающими посѣщать его: съ тѣмъ вмѣстѣ общалъ онъ разрѣшить отъ клятвы столицу и всѣхъ, которыхъ ей подвергнулъ въ своемъ гнѣвѣ. Но соборъ, разсуждавшій о его предложеніяхъ, не согласился признать независимости Никона отъ власти новаго Патріарха, и позволить ему свободное посвященіе въ своихъ обителяхъ безъ власти епархіальной; требовалъ обратно отъ чинъ, имъ отписанныхъ отъ другихъ мѣстъ въ новую Воскресенскую обитель, лишалъ ее даже громкаго имени новаго Іерусалима, и наконецъ ограничивалъ пріѣзды Никона въ столицу. Въ то же время соборъ подвергъ эпитиміи Митрополита Ростовскаго Іону, за то что осмѣлился подойти къ благословенію Никона въ храмъ Успенскомъ и назначилъ мѣстоблюстителемъ Павла Крутицкаго. Когда же пришла вѣсть о шествіи въ Россію Панасія Александрійскаго и Макарія Антиохійскаго, то всѣ Архіереи, собранные въ столицѣ и все духовенство, встревоженные толками, которые разсѣвали люди злонамѣренные о неправославіи Патріарховъ, страждущихъ подъ игомъ Турецкимъ, и о невѣрности Греческихъ богослужебныхъ книгъ, единодушно дали присягу, что они признаютъ православными и Святителей и книги.

Наступило время развязки осмилѣтнихъ смуть, волновавшихъ Церковь Россійскую, и могуществен-

ное лице Никона, къ которому, въ теченіи двадцати лѣтъ, обращалось общее вниманіе, должно было сойти съ своего громкаго поприща. — Пришли съ востока Вселенскіе Патріархи, встрѣчаемые и честимые по всей дорогѣ; для приѣма ихъ остался въ Астрахани Архіепископъ Юсифъ. Прочіе же всѣ, съ Греческими Архіереями, въ Москвѣ бывшими или странствовавшими съ Патріархами, и вмѣстѣ съ первостепенными архимандритами и игуменами нашими и Восточными, составили въ палатахъ Кремлевскихъ блистательный соборъ, какого не видала дотолѣ Церковь Россійская. — Кромѣ двухъ Патріарховъ и въ послѣдствіи еще третьяго Московскаго, присутствовали четыре Митрополита наши: Питиримъ Новгородскій, Лаврентій Казанскій, Іона Ростовскій, Павелъ Крутицкій, и шесть Греческихъ изъ Никеи, Амасіи, Иконіи, Трапезунда, Варны, Хіуса, одинъ Грузинскій и одинъ Сербскій: Пансій же Газскій уклонился, самъ опасаясь обличенія какъ бѣглець Палестинскій, и обличеніе послѣдовало, хотя и позже, въ грамотѣ Патріарха Нектарія Іерусалимскаго къ Царю. Архіепископы Сипайскій и Волохскій присоединились также къ шести Архіепископамъ Русскимъ: Симеону Вологодскому, кроткому другу Никона, Филарету Смоленскому, Стефану Суздальскому, Иларіону Рязанскому, жестокому обличителю Патріарха, Юсифу Тверскому и Арсенію Псковскому; были и пять Епископовъ: Мисаилъ Коломенскій, преем-

никъ низложеннаго Павла, Александръ Вятскій, Ю-
акимъ Славяносербскій и два, изъ вновь присое-
диненныхъ отъ Польши областей, Лазарь Бара-
новичъ, краспорѣчивый и добродѣтельный пастырь
Чернигова, и Меодій Мстиславскій, такъ же
одинъ изъ враговъ Никона; архимандритовъ же,
игуменовъ и протоіереевъ находилось на соборѣ
болѣе пятидесяти, не считая иноковъ и прочихъ
духовныхъ лицъ.

На такой соборъ торжественно позванъ былъ
Никонъ изъ обители Воскресенской, и пошелъ
какъ бы на смерть, напутствовавъ себя св. дара-
ми и елеосвященіемъ, потому что уже предчувство-
валъ горькую участь. Въ селѣ Черневѣ услышалъ
онъ третій зовъ, и остановился въ Китай-городѣ,
на подворьѣ, окруженномъ стражею. Не иначе одна-
коже, какъ по чину патріаршему т. е. съ пред-
шествующимъ крестомъ, явился онъ на соборъ въ
палаты царскія, и не видя себѣ приготовленнаго
мѣста, на равнѣ съ восточными Патріархами, пе-
сѣлъ, а стоя слушалъ обвиненіе изъ устъ самаго
Государя: о смутахъ, какія произвелъ въ Церкви,
своевольнымъ удаленіемъ и своенравными поступ-
ками, въ теченіе осьми лѣтъ. Слезы текли изъ
очей кроткаго Царя, при горькомъ обличеніи че-
ловѣка, нѣкогда столь близкаго его сердцу, и про-
слезился соборъ. Еще укорялъ онъ Никона, за
жалобную грамоту, имъ писанную къ Патріарху
Константинопольскому, и свидѣтельствовалъ предъ

всѣми, что никакой личной вражды не питалъ противъ Святителя.

Никонъ отвѣтствовалъ, что удалился, бѣгая царскаго гнѣва, и водворился въ пустыни, не выходя однакоже изъ своей епархіи, которую не оставяя съ клятвою, какъ на него клеветуютъ, по только ради удаленія отъ смутъ боярскихъ; грамоту же къ Патріарху Вселенскому писалъ тайно, какъ братъ къ брату, и не чаялъ, что ко вреду и соблазну ее обнаружатъ. Тогда возстали на него злые обличители, Павелъ Митрополитъ Крутицкій, Иларіонъ Рязанскій, Меѳодій Мстиславскій, укоряя въ клятвенномъ оставленіи престола и самовольномъ низверженіи Павла Коломенскаго, и суровомъ обращеніи съ лицами духовными, и самъ Никонъ предался гнѣву, въ сильныхъ противъ нихъ возраженіяхъ.

День спустя, вторично позванъ опъ былъ на соборъ и слышалъ, кромѣ прежнихъ обвиненій, еще новыя: будто называлъ Церковь Россійскую латинствующею, за предсѣдательство Паисія Лигарида, бѣжавшаго изъ Греціи въ Италію, и говорившаго всегда на языкѣ Латинскомъ, а книгу Номоканонъ, печатанную на западѣ, по сей причинѣ, не признавалъ православною. Оба Патріарха во свидѣтельство чистоты ея правилъ, цѣловали книгу предъ всѣмъ соборомъ. Тогда Царь Алексій Михайловичъ, обратясь къ своимъ боярамъ и видя ихъ безмолвными, требовалъ новыхъ

уликъ на Патріарха; но одинъ только Князь Долгорукій выступилъ изъ среды ихъ съ обвиненіями, потому что каждый имѣлъ противъ Никона только личности, которыя боялся обнаружить; Патріархъ же, пользуясь молчаніемъ прочихъ, съ презрѣніемъ сказалъ: «что камнями побить его могутъ, но не словами, если и еще девять лѣтъ собирать ихъ будутъ.» Между тѣмъ продолжалось чтеніе грамоты Никоновой къ Патріарху Діонисію, съ допросами за ея жестокія выраженія. — Любящее сердце Царя не вынесло однакоже горестнаго предъ нимъ стоящаго бывшаго друга, иногда возражавшаго, иногда безотвѣтнаго; тихо сошелъ онъ съ своего престола и приблизясь къ Никону, взявъ его за руку и сказалъ: «о святѣйшій, зачѣмъ положилъ ты на меня такое пятно, готовясь къ собору какъ бы на смерть? или думаешь, забылъ я всѣ твои заслуги, мнѣ лично и моему семейству оказанныя, во время язвы, и прежнюю нашу любовь?»

Онъ укорялъ его и за грамоту къ Патріарху Діонисію, изъявляя желаніе мира; столь же тихо отвѣчалъ ему Патріархъ, излагая всѣ на него бывшія крамолы, извинялся тайною грамоты, не осторожно обличенною, и не смотря на мирныя увѣренія царскія, чувствуя, что минувшее уже невозвратимо, тогда же предрекъ свое горькое осужденіе. — Это было первое ихъ свиданіе и первая искренняя беседа, послѣ семилѣтней разлуки; взаимнымъ участіемъ на краткій часъ согрѣлись опять сердца обоихъ;

это было также ихъ послѣднее свиданіе въ сей временной жизни.

Протекла недѣля въ совѣщаніяхъ соборныхъ, дѣлами выписки изъ Номоканона, сообразныя различнымъ винамъ Никона; исчисляли также примѣры Византійской Церкви, о Патріархахъ оставившихъ, по собственной волѣ, престолъ безъ возврата, о другихъ, потомъ возвратившихся, и наконецъ о тѣхъ, на мѣста коихъ избраны были новыя. Одинъ только голосъ Епископа Лазаря раздавался въ пользу Никона, которому хотѣлъ онъ сохранить санъ святительскій, лишивъ мѣста патріаршаго. Патріархи же Восточные написали грамоты къ Вселенскому и Иерусалимскому, извиняясь, что принуждены были, не встрѣтивъ въ столицѣ Московской, ни ихъ самихъ, ни мѣстоблюстителей ихъ, приступить къ суду Никона. Наконецъ, въ третій разъ позванъ былъ онъ на соборъ уже не въ палаты царскія, ибо не имѣлъ духа присутствовать добродушный Алексѣй Михайловичъ на его осужденіи, но въ малую церковь надъ вратами Чудовской обители. — Ему прочли обвиненія: что смутилъ царство Русское, вмѣшиваясь въ дѣла, неприличныя патріаршему достоинству и власти; что оставилъ съ клятвою и самовольно престолъ свой, за оскорбленіе только своего слуги; что удалясь отъ патріаршества, распорядился властно въ трехъ своихъ монастыряхъ и давалъ имъ гордыя названія, Иерусалима, Виолеема, Голговы и

тому подобныя; что похищалъ разбойнически, и буде можно, похитилъ бы третію часть царствія, и препятствовалъ избранію новаго Патріарха, предавая многихъ анаѳемѣ, отъ удаленія же его умножилися соблазны и расколы; что Павла, Епископа Коломенскаго, низвергъ самовольно и былъ жестокъ къ духовенству; жаловался на Царя Патріархамъ Восточнымъ, а Церковь называлъ латинствующею и опорочивалъ правила соборныя и самихъ Патріарховъ своею гордостію. Вслѣдъ за обвиненіемъ прочли ему приговоръ, о лишеніи сана, съ сохраненіемъ только иночества, для вѣчнаго покаянія въ пустынной обители.

Тогда Патріархи, изъ коихъ одинъ, Антиохійскій, видѣлъ нѣкогда полное величіе Никона и пользовался его щедротами, приступивъ въ мантияхъ, велѣли ему снять клобукъ съ жемчужными херуимами; но Никонъ отрекся сложить съ себя сіе знаменіе иночества, и спрашивалъ ихъ: «зачѣмъ въ отсутствіи Царя и въ малой церкви, а не въ томъ соборѣ Успенія, гдѣ нѣкогда умоляли его взойти на патріаршій престолъ, нынѣ неправедно и втайнѣ его низлагаютъ?» Когда же сняли съ него клобукъ, оставивъ мантию архіерейскую и посохъ, страха ради народнаго, онъ опять укорялъ Патріарховъ, въ ихъ лицепріятіи и странничествѣ, даруя имъ и жемчугъ клобука своего на прощаніе. Изъ всѣхъ Архіереевъ Русскихъ, только Симонъ Вологодскій и Лазарь Черниговскій, не хо-

тѣмъ присутствовать при семъ горькомъ дѣйстви. Никонъ отведенъ былъ подъ стражею на земскій дворъ, осыпаемый ругательствами приставовъ, иначе архимандрита Сергія; но онъ все переносилъ съ тою же чрезвычайною твердостію, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ его жизни доходила въ немъ до упорства. Всѣ приверженные къ нему были разсѣяны.

На другой день, добродушный Государь, милосердая о Никонѣ, послалъ ему на дальній путь денегъ и собольихъ мѣховъ; но ничего не хотѣлъ принять Никонъ, и въ бѣдной одеждѣ, подъ строгимъ надзоромъ, отправленъ на Бѣло озеро, въ монастырь Ферапонтовъ, гдѣ устроены были келліи для его заточенія. Іосифъ, архимандритъ Печерскій, сопровождавшій его до Клязмы, далъ ему теплую одежду, чтобы укрыть отъ стужи; по прибытіи же въ монастырь отобрали у него мантию и посохъ архіерейскіе, и въ первые мѣсяцы заключеніе его было весьма тяжело.

7. Іоасафъ II.

1667. Между тѣмъ, оставшіеся въ Москвѣ святители, продолжали заниматься устройствомъ дѣлъ Церковныхъ, и прежде всего избрали, изъ архимандритовъ Троицкой лавры, въ Патріархи Всероссійскіе, кроткаго Іоасафа, тихостію права умирившаго все непріязненное. Хотя осуждены были своенравные поступки бывшаго Патріарха, и уничтожено громкое имя его монастыря Іерусалимскаго, и отобраны приписанныя къ нему вотчины; но вѣра Никона признана чистою, исправленіе книгъ правильнымъ и сходнымъ съ духомъ православной Церкви. Опровергнуты также суетные толки монаха Капитона, поповъ Лазаря, Аввакума и Никиты, о сложеніи перстномъ и изображеніи креста, о имени Іисусовомъ, символѣ и сугубомъ аллилуія, и всѣ ихъ возраженія на книгу, изданную при Патріархѣ Никонѣ, подъ именемъ скрижали; новая книга ихъ обличавшая, же злѣ правленія, послужила къ временному обращенію Никиты, который призналъ свое заблужденіе и разрѣшился отъ собор-

ной анаѳемы, постигшей прочихъ. Самыя дѣянiя собора Стоглаваго, бывшаго основанiемъ суемудрыхъ толковъ, уничтожены рѣшенiемъ патрiаршаго Московскаго собора, который имѣлъ почти достоинство Вселенскаго; потому что на немъ присутствовали представители Церкви Греческой вмѣстѣ съ Россiйскими; такъ и въ древнiе вѣка, меньшiе помѣстные соборы всегда исправлялись большими вселенскими. Сверхъ того опредѣлены были многiя статьи, касавшiяся до внутренняго и наружнаго устройства церковнаго, и отмѣнены неправильно вкравшiеся обычаи, какъ то перекрещиванiе приходящихъ къ намъ изъ Латинской Церкви, и запрещенiе священнослуженiя вдовымъ священникамъ, и нѣкоторыя несвойственныя привилегiи, данныя архимандритамъ великихъ обителей.

Чинъ служенiя архiерейскаго, принесенный Никону блаженнымъ Аѳанасiемъ Пателарiемъ, Патрiархомъ Константинопольскимъ, былъ также сличенъ на соборѣ съ древними подлинниками Греческими, какъ всѣ уставы и требники, и признанъ единогласно подлиннымъ. Въ то же время, соображаясь съ нуждами расширяющагося царства, разсудилъ соборъ возвысить нѣкоторыя епархiи на степень митрополiй, какъ то Астраханскую, Тобольскую и Рязанскую, и устроить новую Бѣлогородскую для вновь населенныхъ слободъ Украинскихъ; возстановить празднаыя епархiи, Нижегород-

родскую и Владимірскую, отдѣлить по прежнему Пермскую отъ Вятской, учредивъ особую также въ Архангельскѣ. Древніе города, Черниговъ, Псковъ и Коломна, почтены архіепископіями, а митрополиты, Новгорода, Казани, Ростова и Рязани, облегчены Викаріями, назначенными въ Каргополѣ и Устюжнѣ, въ Уфѣ, Угличѣ, Тамбовѣ и Воронежѣ. Предположено также открыть новыя епископіи въ Томскѣ и на Ленѣ, ради дальнихъ разстояній отъ митрополіи Тобольской. Столь важныя учрежденія церковныя остались навсегда памятникомъ сего собора, на коемъ въ послѣдній разъ Церковь Греческая, личнымъ присутствіемъ своихъ высшихъ сановниковъ, оказала благодѣтельное участіе Церкви Россійской, искони почерпавшей отъ нея просвѣщеніе духовное.

Съ окончаніемъ собора удалился Александрійскій Патріархъ Паисій, Макарій же Антиохійскій на слѣдующій годъ; оба съ богатою милостынею, честію и дарами. Но хотя обратился одинъ изъ лжеучителей, попъ Никита, а другой Павелъ, бывшій Епископъ Коломенскій, соборнымъ опредѣленіемъ заточенъ въ монастырь Палеостровскій, однакоже продолжали дѣйствовать прочіе, тщетно наказываемые или ссылаемые въ Сибирь. Суетныя опредѣленія Стоглава служили имъ опорою въ мнѣніи народномъ, вмѣстѣ съ старопечатными книгами Патріарховъ и вкравшимся, не болѣе какъ за сто лѣтъ, обычаемъ неправильнаго перстосложенія;

а между тѣмъ не всякій могъ распознать истину исправленій соборныхъ.

Печальный примѣръ заблужденія явила древняя лавра Солевецкая, которая еще недавно, во время военныхъ дѣйствій, не пожалѣла 50,000 серебряныхъ рублей въ пособіе государству, и отразила новые набѣги Шведовъ. Сіе самое воинское ея положеніе послужило виною и средствомъ мятежа. Стрѣльцы и казаки, посылаемые для защиты острова, занесли туда плевелы раскола, и соединясь съ нѣкоторыми изъ монашествующихъ и ссыльныхъ, преодолѣли благонадежную часть братій; долго таилась искра, доколѣ наконецъ вспыхнула. Еще съ 1556 года, присланныя въ лавру богослужебныя книги были оставлены, и служеніе продолжалось по старымъ; вскорѣ послѣ собора Московскаго обнаружился расколъ, ненокорностію келаря и казначея съ братією, противъ архимандрита Варооломея. Они написали челобитную къ Царю, исполненную суетныхъ мудрованій, которая и донинѣ въ великомъ уваженіи у заблуждающихся, и не приняли къ себѣ новаго архимандрита Юсифа. Однакоже мятежный келарь Савватій былъ выведенъ изъ лавры, вмѣстѣ съ ссыльнымъ княземъ Львовымъ, который будучи начальникомъ печатнаго двора, благопріятствовалъ порчѣ служебныхъ книгъ и заразилъ собою обитель; но увѣщательныя грамоты Царя остались тщетными: слабымъ показался и отрядъ воинскій противъ 1600 мятежниковъ,

забввшихъ въ лаврѣ съ пушками, припасами и казною; а между тѣмъ лжеучители ихъ расходились по всему окрестному поморію, распространяя ересь и безначаліе въ предѣлахъ Олонецкихъ, гдѣ устроились многочисленные скиты такъ называемыхъ Поморянъ. Не ранѣе, какъ чрезъ десять лѣтъ, воевода царскій Мещеряновъ, съ дружиною стрѣльцовъ, послѣ долгой осады, взялъ приступомъ лавру и возвратилъ ее православію, когда зло уже пустило глубокіе корни въ окрестностяхъ и даже въ дальней Сибири.

Не болѣе успѣшны были и гражданскія обстоятельства сей второй эпохи царствованія Алексѣя Михайловича. Подаянія монастырей, подобныхъ Троицкому и Соловецкому, не могли покрывать чрезвычайныхъ расходовъ разорительной войны Польской; произошла перемѣна въ монетѣ и мѣдныя деньги возбудили сперва ропотъ народный, а потомъ мятежъ, напомнившій первые бунты стрѣleckіе. Война Шведская, столь бесполезная для Россіи, окончилась уступкою обратно всѣхъ областей, завоеванныхъ оружіемъ нашимъ въ теченіи шести лѣтъ; но Польская продолжалась съ обоюдными успѣхами и неудачами. Самая Малороссія временно отпала отъ державы Московской, измѣною гетмана Виговскаго, избраннаго вопреки законныхъ правъ сына Хмельницкаго Юрія. Мечтая о совершенной независимости Украйны, плѣнился онъ ложными обѣщаніями Польши, о свободѣ гражданской и ду-

ховной, и обагрить кровію благословенную страну, присоединеніе коей не стоило ни единой капли. Поляки и хищные Крымцы воспользовались ея неустойчивостію, чтобы грабить подъ видомъ союзниковъ, то Виговскаго, то Юрія. Самъ Юрій явился за булавою отца своего, былъ признанъ Россією, измѣнилъ и кончилъ иночествомъ, во двѣтъ лѣтъ, странное и бурное свое поприще, передавъ гетманство Запорожское Тетерѣ, Опарѣ и потомъ Дорошенкѣ. Старшіе воеводы царскіе Трубецкой, Ромодановскій, Шереметевъ, теряли сраженія, отъ несогласій мѣстныхъ, посреди междуособія обѣихъ Украинъ. Но если измѣняли казаки Задвѣпровскіе, то поселившіеся на Русской сторонѣ, твердо держались Царя Московскаго, подъ предводительствомъ храбраго атамана Самки и новаго гетмана сей части Украины, Брюховецкаго.

Въ столь же печальномъ разстройствѣ находилась, со времени кончины Сильвестра Коссова, Кіевская іерархія, страдавшая внутренними раздорами. Митрополитъ Діонисій Болобанъ, нареченный изъ Епископовъ Луцкихъ, съ согласія царскаго, въ Переяславлѣ, не хотѣлъ принять посвященія отъ Патріарха Московскаго, и потому блюстителемъ митрополіи присланъ былъ въ Кіевъ, Меодій посвященный въ Епископы Мстиславскіе; а Діонисій скончался въ Корсунѣ, и на его мѣсто духовенство избрало въ Чигиринѣ новаго Митрополита Іосифа Тукальскаго, изъ Епи- 1664.

скоповъ Могилевскихъ, по уваженію къ тѣмъ гоненіямъ, какія претерпѣлъ онъ отъ Уніатовъ. Но гетманъ Заднѣпровской Украйны, съ своей стороны, благопріятствовалъ Антонію Епископу Винницкому. Явился въ послѣдствіи и третій искатель Кіевскаго престола, Іосифъ Архіепископъ Львовскій, надѣявшійся на покровительство Польши, который чрезъ нѣсколько лѣтъ, по неудовлетворенному честолюбію, перешелъ со всею епархією въ Унію.

Бѣдственно было святительство Іосифа въ Чигиринѣ, именовъ только Митрополита; знаменитый воевода Польши Чернецкій, взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Юріемъ Хмѣльницкимъ, и послѣ трехлѣтняго заточенія, уже не смѣлъ онъ идти въ Кіевъ, но оставался въ Вильнѣ до заключенія перемирія Андрусовскаго. Смоленскъ и Черниговъ опять достались Россіи, а княжество Литовское Польшѣ; Украйна же, раздѣленная между обѣими державами, разбита была на два гетманства. Тогда Митрополитъ обратился къ храброму гетману Чигиринскому, Дорошенкѣ, и укрѣпилъ его своимъ присутствіемъ. Перемиріе поколебало довѣренность духовенства Малороссійскаго: хотя Царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ себя защитникомъ православія противъ Уніи, требуя прекращенія гоненій; но самый Кіевъ, по условіямъ договора, долженъ былъ чрезъ два года поступить во владѣніе Польши; а воеводы царскіе нарушали

1667.

права и льготы Украйны, такъ что и самъ гетманъ Брюховецкій извѣнилъ Россію, предъ своею кончиною.

Между тѣмъ архимандритъ Печерскій, Иннокентій Гизель, тщетно испрашивалъ, соборною грамотою, избранія новаго Митрополита, ибо два старѣйшіе Епископа, Лазарь Черниговскій и Меѳодій Мстиславскій, находились въ Москвѣ на судѣ патріаршемъ, и духовенство Украинское припуждено было прибѣгать иногда къ Митрополиту Юсифу въ Чигиринѣ. Блюститель Меѳодій, вскорѣ по возвращеніи въ Кіевъ, взятъ былъ гетманомъ Дорошенкою и лишень сана Митрополитомъ Юсифомъ; онъ спасся изъ заточенія въ Москву, но тамъ уличенный въ преступныхъ сношеніяхъ съ павомъ Брюховецкимъ, кончилъ дни въ монастырѣ Новоспасскомъ. Архіепископъ Черниговскій Лазарь заступилъ его мѣсто, въ краткое правленіе гетмана Многогрѣшнаго и при мужественномъ Самойловичѣ, который соединилъ наконецъ обѣ Украйны подъ свою булаву. Такъ отчаянно было положеніе Кіева, что гетманъ и блюститель предлагали перенести митрополию, изъ древней столицы православія, въ Переяславль или Черниговъ, а Митрополитъ Юсифъ, чтобы избавиться отъ двухъ соперниковъ, Винницкаго и Львовскаго, испросилъ себѣ отъ Патріарха Константинопольскаго Меѳодія утвердительную грамоту. Онъ скончался однакоже въ Чигиринѣ, лишившись своего покровите-

ля гетмана Дорошенки, который наконецъ покорился оружію Русскому, когда уже большая часть Заднѣпровской Украйны, съ Каменцемъ Подольскимъ, находилась во власти призванныхъ имъ Турковъ, и новый Король Польскій, мужественный Янъ Собіескій, съ помощію гетмана Украйны, боролся противъ ихъ полчищъ.

Но покровительство Короля Яна не доставило, по смерти Юсифа, митрополита Кіевской Архіепископу Львовскому, и самая его измѣна православію не принесла ему выгоды. Уніаты уже имѣли въ Полюцкѣ собственнаго Митрополита Кипріана. Столь же неуспѣшны были происки другаго соперника Антонія Винницкаго; Лазарь, Архіепископъ Чернигова, пастырь опытный и добродѣтельный, продолжалъ заниматься дѣлами Кіевской іерархіи, вмѣстѣ съ ученымъ архимандритомъ Печерскимъ Иннокентіемъ Гизелемъ, до избранія новаго Митрополита.

Въ то время, когда гетманъ Дорошенко, домогаясь совершенной независимости, отъ Россіи и Польши, еще держался въ Чигиринѣ съ Митрополитомъ Юсифомъ, и всѣ усилія Царя обращены были на Украйну, явился другой возмутитель казаконъ, совѣтъ иного духа и характера, Стецька Разинъ. Собравъ шайку удалцевъ, онъ свирѣпствовалъ съ нею по Волгѣ, Уралу и берегамъ Каспійскаго моря, взялъ Саратовъ, Астрахань и умертвилъ тамъ воеводу и митрополита Юсифа. Число

приверженцевъ его возрасло при ложной вѣсти, имъ разсѣянной, будто бы Царевичъ Алексій, не давно умершій, живъ и находится въ его станѣ вмѣстѣ съ Патріархомъ Никономъ, избавленнымъ имъ изъ заточенія. Неудачная осада Симбирска поколебала счастье Разина; атаманъ Донскихъ войскъ довершилъ начатое воеводами царскими, схватилъ самаго мятежника и представилъ на казнь въ Москву.

Это было послѣднее, сильное потрясеніе державы Алексѣя Михайловича; въ остальные годы его правленія, дѣла внѣшнія и внутреннія, начинали мало по малу приходить въ устройство. Кроме походовъ Украинскихъ противъ Дорошенки и набѣговъ Крымскихъ, Царь находился въ мирѣ съ прочими сосѣдями и отправлялъ посольства свои во все Европейскія государства, даже въ Китай, для распредѣленія восточныхъ, непрестанно расширявшихся, предѣловъ нашихъ. Мирна была Швеція; Польша, враждебная столько лѣтъ, ослабла въ царствованіе Яна Казимира, который испыталъ болѣе бѣдствій, нежели кто либо изъ его предѣстниковъ; послѣдній изъ дома Вазы, оставляя добровольно корону, онъ предвидѣлъ будущее раздѣленіе своей державы между Россією, Австрією и Пруссією. Преемникъ его, Михаи́ль Вишневецкій уже искалъ союза съ Москвою, уступивъ ей навсегда Кіевъ, а перемиріе Андрусовское обратилось въ миръ при славномъ побѣдѣ Турокъ, Коро-

лъ Янъ Собіескомъ, который избранъ былъ послѣ Михаила, хотя въ числѣ искателей престола Польскаго находился Царевичъ Феодоръ Алексѣевичъ. Но Феодору готовился другой, болѣе прочный престолъ Московскій, и славный преемникъ, въ новорожденномъ братѣ: -- Царь Алексѣй Михайловичъ, по кончинѣ первой супруги Маріи, сочетался бракомъ съ воспитанницею боярина Матвѣева, Наталією, изъ рода Нарышкиныхъ, и благословеннымъ плодомъ сего брака былъ великій Петръ. Его неволинскому гению предстояло довершить начатое отцемъ устройство царства, и велика была радость о его рожденіи для всей Россіи, какъ бы предчувствовавшей кто ей родился!

8. П и т и р и м ъ .

Въ однихъ только дѣлахъ церковныхъ не обрѣталъ сердечнаго утѣшенія Царь Алексѣй Михайловичъ, ибо чувствуя необходимость удаленія Никона, онъ не могъ забыть взаимнаго съ нимъ объята дружбы и тревожился духомъ, будучи лишень его благословенія. А между тѣмъ уже послѣ Никона, три Патріарха смѣнились предъ его очами,

какъ бы въ тайный ему укоръ, когда самъ бывшій Первосвятитель все еще томился въ заключеніи. По смерти кроткаго Юасафа, выборъ духовенства, падая всегда на старѣйшаго, поставлялъ въ Патріархи, людей непріязненныхъ Никону. Такъ **Питиримъ**, Митрополитъ Новгородскій, послѣ 1673. десяти тысячнаго правленія, уступилъ мѣсто другому владыкѣ Новгорода, **Юакиму**, изъ дворянскаго рода Савеловыхъ, который будучи архимандритомъ Чудовскимъ, вмѣстѣ съ Митрополитомъ Павломъ Крутицкимъ, отымалъ нѣкогда у Патріарха Никона посохъ чудотворца Петра. Живъ былъ еще и сей Павелъ, занимавшійся въ послѣдніе годы своей жизни, съ Епифаніемъ Славенецкимъ и другими учеными мужами, исправленіемъ перевода библіи, съ Греческаго на Славянскій языкъ, но трудъ ихъ остался неокончаннымъ, по случаю скорой кончины.

9 Г О Л К И М Ъ .

Алексѣй Михайловичъ облегчилъ строгое сперва заключеніе Никона и велѣлъ отбить желѣзные затворы съ оконъ и дверей его келліи, такъ что онъ пользовался полною свободою въ монастырѣ, и имѣлъ домовую церковь, гдѣ продолжалъ служить святительски съ раздѣлявшими его заточеніе иноками; а Государь непрестанно посылалъ ему богатыя милостыни, пищу и утварь церковную, какъ бы забывъ о его соборномъ низложеніи, и даже въ духовномъ завѣщаніи, назвалъ его отцемъ своимъ, великимъ господиномъ, святѣйшимъ іерархомъ и блаженнѣйшимъ пастыремъ. Смирялась постепенно и душа Никона съ душою Царя: чуждавшійся въ началѣ всякихъ подаяній, онъ началъ въ послѣдствіи принимать ихъ, и съ любовію писалъ грамоты къ Государю, ожидая возвращенія въ обитель Воскресенскую, постоянный предметъ его заботъ, гдѣ изготовилъ себѣ подъ Голговою могилу. Не хотѣлъ онъ взять денегъ, для поминовенія Царицы Маріи, почитая долгомъ молиться за упокой

ея; радовался новому браку царскому и рождению Петра, и горько прослезился о кончинѣ Государя.

Во глубинѣ своего уединенія слышалъ Никонъ о сей кончинѣ, и вздохнувъ сказалъ: «воля Божія да будетъ; если здѣсь и не простился съ нами, то въ страшное пришествіе Христова судиться будемъ.» Присланный просилъ у него отпустительной грамоты усопшему; Никонъ же, разрѣшая на словахъ, не далъ грамоты, чтобы не казалась она вынужденною отъ лишеннаго свободы. Скоро постигли его новыя испытанія. Пользуясь слабостію юнаго Царя Θεодора и пелюбовію Патріарха Іоакима, прежніе недоброжелатели Никона оклеветали монастырскую жизнь его, не устыдился даже обличать въ участіи съ мятежникомъ Разинымъ и въ нечистой жизни старца, коего иночество было непорочно съ юныхъ дней. Изъ Оерапонтовой обители, сдѣлавшейся почти его собственностію, былъ онъ переведенъ въ Кирпильовъ укрѣпленный монастырь, подъ строжайшій надзоръ, и еще три года томился тамъ въ душныхъ келліяхъ, забытый Царемъ и Патріархомъ.

Были однакоже и нѣкоторые доброжелатели Никона при дворѣ царскомъ; въ томъ числѣ воспитатель Θεодора, іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, который получилъ образованіе въ училищахъ западныхъ, но вмѣстѣ съ глубокою ученостію, почерпнулъ тамъ и нѣкоторыя мнѣнія Римской цер-

кви. Онъ имѣлъ сильное вліяніе на умъ тихаго Государя и благопріятствовалъ начальному образованію Петра, котораго тщетно искали удалить отъ царственнаго брата Милославскіе, уже успѣвшіе сослать въ заточеніе добродѣтельнаго боярина Матвѣева. Патріархъ Іоакимъ съ неудовольствіемъ встрѣчалъ, въ Симеонѣ Полоцкомъ, сильнаго себѣ противника при особѣ Государя, и сходился съ нимъ мыслию только въ общемъ стремленіи къ просвѣщенію духовному, необходимость коего ставилась тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ болѣе успливались невѣжественные расколы.

Училище Греческаго и Латинскаго языка, начатое въ Москвѣ еще при Патріархѣ Филаретѣ, расширенное и устроенное Никономъ, не казалось достаточнымъ Симеону. Онъ внушилъ Царю, склонному къ ученымъ занятіямъ, завести въ Москвѣ, при Заиконоспасской обители, академію духовную, по подобію Кіевской, и Царь обратился къ Патріархамъ Вселенскимъ, съ просительною грамотою, о присылкѣ къ нему православныхъ учителей, для новой академіи. Два знаменитые брата Кефалонійскіе, іеромонахи Іоанникій и Софроній Лихуды, отпущены были съ благословенія Патріарховъ въ Россію, но уже не застали въ живыхъ, ни Царя, ни Симеона Полоцкаго, и послѣдующее устройство академіи было плодомъ заботливыхъ стараній свѣтѣйшаго Іоакима.

Между странными мыслями, которыя блужда-

ли въ предприимчивомъ и мечтательномъ умѣ Симеона Полоцкаго, сохранившаго въ себѣ отпечатокъ Запада, было и то, чтобы учредить въ Россіи двѣнадцать новыхъ митрополій и четырехъ Патріарховъ, на мѣсто Митрополитовъ Новгородъ, Казани, Ростова и Крутиць, по примѣру Вселеискихъ четырехъ престоловъ, а сходно съ іерархіею Римскою, одного Папу надъ всѣми; Паною же предлагалъ ошъ Никона, чтобы уничтожить непріязненнаго ему Іоакима. Но сія страшная мечта Симеона разсѣялась съ астрологическими гаданіями, бывшими любимымъ предметомъ его занятій по духу того времени. Но ему также суждено было расположить добродушнаго Θεодора къ облегченію участи своего крестнаго отца. Мудрая тетка, Царевна Татіяна Михайловна, всегда благопріятствовавшая Никону, убѣдила Царя посѣтить его забытую обитель Новаго Іерусалима и принять, отъ оставленной тамъ братіи, челобитную о возвращеніи ея основателя. Пораженный величіемъ зданій, начатыхъ по образцу Св. гроба, Государь велѣлъ продолжать ихъ и, движимый состраданіемъ, предложилъ на соборѣ дозволить старцу Никону умереть въ начатой имъ обители. Долго оставался непреклоннымъ Патріархъ, доколѣ наконецъ вѣсть о принятіи схимы и совершенномъ изнеможеніи Никона тронула его сердце.

Въ самый тотъ день, когда пришло къ Кирилловъ монастырь милостивое разрѣшеніе Царя и

Патріарха, Никонъ еще заранѣе, по тайному предчувствію, собрался въ путь и къ общему изумленію велѣлъ собраться своей келейной братіи. Съ трудомъ посадилъ въ сани изнуреннаго болѣзнями старца, чтобы влечь по землѣ до струга на рѣкѣ Шекснѣ, по которой спустился въ Волгу; здѣсь привѣтствовали его посланные отъ братіи Воскресенскаго монастыря, Никонъ велѣлъ плыть Волгою внизъ къ Ярославлю, и причаливъ у Толгскаго монастыря, приобшился запасныхъ даровъ, ибо начиналъ крайне взнемогать. Игумень съ братією вышли къ нему на срѣтеніе, и съ ними вмѣстѣ сосланный на покаяніе врагъ Никона, бывшій архимандритомъ Сергій, который во время суда, содержалъ его подъ стражею и осыпалъ поруганіями. Сему Сергію, заснувшему въ трапезѣ, въ часъ приплывтія Патріарха, видѣлся сонъ: самъ Никонъ ему явился, говоря: брате Сергіе возстани, сотворимъ прошеніе!» и внезапно услышалъ онъ, что шествуетъ Волгою Патріархъ и братія уже потекла ему на встрѣчу. Вслѣдъ за нею устремился Сергій и видя умирающаго, раскаянный, со слезами палъ къ его ногамъ и испросилъ себѣ прошеніе. Патріарху же наступила смерть, когда опять тронулся стругъ по водамъ. Граждане Ярославскіе слыша о его пришествіи, стеклись къ рѣкѣ, и видя старца на одрѣ смертномъ, съ плачемъ къ нему припадали, цѣлуя руки и одежды и прося благословенія; одни влекли вдоль берега стругъ, дру-

гіе же, бросаюся въ воду, имъ помогали: такъ причащали къ обителю всемілостиваго Спаса.

Изнемогающій страдалецъ уже ничего не могъ говорить, а только давалъ всѣмъ руку; діакъ царскій велѣлъ перевезти стругъ на другой берегъ, чтобы избавиться отъ толпы народной. Ударили въ колоколъ къ вечерни, — Никонъ сталъ кончаться. Озираюся, будто кто пришелъ къ нему, самъ онъ оправилъ себѣ волосы и браду и одежды, какъ бы готовясь въ дальнѣйшій путь; духовникъ съ братією прочитали отходныя молитвы. Патріархъ же распростершись на одрѣ и сложивъ крестообразно руки, вздохнувъ, — отошелъ съ миромъ. Между тѣмъ благочестивый Царь Феодоръ, не зная о его преставленіи, послалъ на встрѣчу карету свою со множествомъ коней; когда же узналъ, прослезился и спросилъ: что завѣщалъ о своей духовной Никонъ? Услышавъ же, что усопшій избралъ его, какъ крестнаго сына, своимъ душеприкащикомъ и во всемъ на него положился, кроткій Царь съ умиленіемъ сказалъ: «если такъ святѣйшій Патріархъ возложилъ на меня всю надежду, воля Господня да будетъ, и я его въ забвеніи не положу.» Онъ велѣлъ везти тѣло его въ Новый Іерусалимъ.

1681.

Новыя затрудненія возникли со стороны Патріарха Іоакима, о погребеніи Никона, которому не соглашался онъ воздать почестей святительскихъ, какъ лишенному сана Вселенскими Патріархами.

Однакоже Государь убѣдилъ Корнилія, Митрополита Новгородскаго, дѣйствовать при погребеніи, безъ разрѣшенія Іоакима, и самъ участвуя въ трогательномъ обрядѣ, несъ на раменахъ своихъ Никона, отъ Элеонскаго креста, гдѣ нѣкогда вмѣстѣ съ царственнымъ отцемъ его парекалъ онъ новыиъ Іерусалимомъ свою обитель, до той могилы подъ Голговою, гдѣ обрѣлъ себѣ вѣчный покой. Но и кроткому его погребателю осталось не болѣе осьми мѣсяцевъ до тихаго перехода изъ царства временнаго въ вѣчное; онъ воспользовался сими краткимъ срокомъ, чтобы испросить усопшему разрѣшительныя грамоты у четырехъ Вселенскихъ Патріарховъ, которые единодушно пріяли его опять въ сонмъ Первосвятителей.

Такъ совершилъ странное и многомятежное свое теченіе сей знаменитый Іерархъ, имѣвшій столь сильное вліяніе на судьбы Россійской Церкви, и около сорока лѣтъ занимавшій своею участію все царство, изъ коихъ пятнадцать протекли въ узахъ. Въ теченіе семидесятилѣтняго земнаго поприща Никонъ былъ современникомъ всѣхъ Россійскихъ Патріарховъ: рожденный еще при первопрестольникѣ Іовѣ, отрокъ при Гермогенѣ, мнокъ при великомъ Филаретѣ, настоятель обители при Іоасафѣ I, митрополитъ Новгорода при Іосифѣ, и узникъ при трехъ своихъ преемникахъ, Іоасафѣ II, Питиримѣ и Іоакимѣ, онъ скончался, когда послѣдній Патріархъ нашъ, Адріанъ, былъ уже ар-

химандритомъ Чудовскимъ, а послѣдній мѣстоблю- ститель, Стефанъ Яворскій, сіялъ добродѣтелями въ южной Россіи, готовясь къ своему великому званію. Такъ огромное лице Никона наполнило со- бою почти весь объемъ вѣка патриаршаго, въ лѣ- тописяхъ нашихъ.

Все начинало устроиться въ тихое шестилѣт- нее правленіе Теодора; усмирилась Малороссія и съ Портою заключенъ былъ миръ, прочный съ дру- гими сосѣдами, Швеціею и Польшею. Однимъ сло- вомъ Царя, на соборѣ духовныхъ и мірскихъ чи- новъ государства, уничтожено, по увѣщанію патри- аршему, пагубное мѣстничество, которое причина- ло столько бѣдствій Россіи, и торжественно соз- жены книги разрядныя. Благоденствовала и Цер- ковь, ибо содѣйствіемъ Государя, бдительный па- стырь Іоакимъ угашалъ расколы, распространялъ просвѣщеніе въ училищахъ духовныхъ, и даже, для лучшаго надзора за духовенствомъ и паствою, хотѣлъ учредить въ расширяющемся царствѣ до пятидесяти кафедръ епископскихъ, мѣстныхъ и викарныхъ. Предпріятіе рушилось со смертію Тео- дора, и государство временно погрузилось въ сму- ты и волненія, изъ коихъ исторгла его только мощ- ная десница возмужавшаго Петра.

Неустовый стрѣлецкій бунтъ былъ началомъ 1682. зомъ, когда Патриархъ, съ благонамѣренными боярами, провозгласилъ на царство, вмѣсто болѣзненнаго Іоан- на, десятилѣтняго бодрого отрока Петра, подъ управ-

лепіемъ матери Царицы Наталіи и добродѣтельнаго боярина Матвѣева. Честолюбивая сестра ихъ, Царевна Софія, дѣйствуя втайнѣ съ родственными ей Милославскимп, взволновала стрѣльцовъ, и жертвами ихъ сдѣлалась, въ теченіи трехдневнаго бунта, Матвѣевъ, Нарышкины и всѣ бывшія опоры царствованія Алексія и Θεодора; едва не погибъ самъ Патріархъ, устремившійся съ Краснаго крыльца увѣщевать толпу. Вынужденное провозглашеніе Іоанна, для соцарствія Петру, и приглашеніе Софін управлять съ малолѣтними братіями, были плодами перваго мятежа стрѣлецкаго, стоившаго отечеству столько драгоцѣнной крови.

Скоро смятеніе гражданское, приняло личину церковнаго. Пользуясь слабостію правительства, попъ Никита пустосвятъ, вторично отпавшій въ расколъ, сталъ собирать за Язую и на лобномъ мѣствъ грубую чернь, для защиты будто бы православія отъ лютыхъ волковъ, какъ называлъ онъ все духовенство. Наглость его дошла до такой степени, что съ толпою единомышленниковъ ворвался онъ въ Кремль и, поставивъ наои съ иконами у Архангельскаго собора, требовалъ на состязаніе самаго Патріарха, который служилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ; — высланный къ нимъ священникъ едва спасся. Тогда для усмиренія черни, оба Царя велѣли собраться въ свои палаты всѣмъ архіереямъ, и мятежники позваны были предъ лице Патріарха, семи Митрополитовъ, пяти Архіепис-

скоповъ и двухъ епископовъ, въ числѣ коихъ находился святитель Воронежской Митрофанъ. Пустосвятъ, сильно опровергаемый во всѣхъ своихъ доводахъ краснорѣчивымъ Архіепископомъ Холмогорскимъ Аванасіемъ, въ порывѣ ярости бросился задушить его, но былъ удержанъ окружающими, и отрокъ Царь, грозно возставъ съ престола, посреди общаго смутенія, твердымъ словомъ изгналъ буйную толпу. Скопище разсѣялось, пристыженное бѣснованіемъ своего лжеучителя, котораго постигъ тяжкій припадокъ на площади, гдѣ былъ казненъ; но тайные приверженцы его не переставали распускать вредные толки, особенно между стрѣльцами и въ окрестностяхъ столицы.

Изъ числа ихъ, два священника, Косма и Стефанъ, утрашившись участи Пустосвята, бѣжали сперва въ Малороссію, въ Стародубовскій полкъ, а потомъ въ сосѣдніе предѣлы Польши, и основались тамъ на рѣкѣ Вѣткѣ; а ихъ преемникъ Θεодосій, устроилъ церковь, гнѣздо такъ называемой Поповщины, т. е. раскольниковъ, припимавшихъ священство, но не иначе, какъ бѣглыхъ поповъ. Другой, гораздо злѣйшій расколъ Безпоповщины, который утверждалъ, что со временъ Никона истребилась благодать священства и настало время Антихриста, укоренился на сѣверѣ, подъ именемъ Поморянъ, и въ Сибири, подъ разными названіями лжеучителей; ибо по свойству каждаго изъ нихъ, онъ раздѣлился на множество тол-

ковъ, враждебныхъ другъ другу. Цѣвѣжество и суетвѣріе доходили до высшей степени изувѣрства. Олоонецкіе, Нижегородскіе и Сибирскіе послѣдователи попа Аввакума, и чернеца Юсифа Армянина, сосланныхъ въ Сибирь еще при Шикоуѣ, сожигали себя торжественно цѣлыми семействами, ради небесной награды, мечтая быть вольными мучениками. Педалеко отъ Палеостровскаго монастыря, гдѣ содержался и умеръ Павелъ, бывшій Епископъ Коломенскій, образовались многіе скиты Поморянъ, подкрѣпленныхъ мятежниками Соловецкими, которые заблаговременно ушли изъ осады; и два брата, Андрей и Семень Денисовы, изъ древняго рода князей Мышецкихъ, основались въ Выгорецкомъ Олоонецкомъ скиту, собирая всѣми средствами рукописи и книги, для прельщенія неопытныхъ.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, церковныхъ и гражданскихъ, неусыпно стоялъ на стражѣ мудрый Патріархъ Іоакимъ; то содѣйствовалъ онъ къ укрощенію стрѣльцовъ, проникнутыхъ тѣмъ же духомъ своеволія, потому что начальники ихъ приказа, князья Хованскіе, изъ видовъ конечно не духовныхъ, благопріятствовали расколу, какъ спльному двигателю мятежей; то обличалъ соборными поученіями еретиковъ. Книга его, увѣтъ духовный, и многія посланія остались памятниками сего печальнаго времени. Скоро принужденъ былъ Патріархъ вооружиться противъ новаго толка, принесеннаго съ запада, о времени пресуществленія

святыхъ даровъ. Ученикъ Симеона Полоцкаго, Сильвестръ Медвѣдевъ, будучи настоятелемъ Законоспасскаго монастыря, неправильно утверждалъ, по преданіямъ Римскимъ, что не чрезъ призваніе Духа Святаго и благословеніе даровъ, а самими словами Спасителя, «примите и ядите» и «пійте отъ нея вси» прелагаются хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христовы. Два знаменитые брата Іонійскіе, Софроній и Іоанникій Лихуды, присланные Вселенскими Патріархами, были первыми обличителями сего заблужденія и взошли съ Сильвестромъ въ состязаніе письменное, въ которомъ многіе приняли участіе.

Подъ покровительствомъ просвѣщеннаго пастыря, основались они сперва въ Богоявленскомъ монастырѣ, гдѣ училище ихъ, составленное изъ малаго числа дворянъ и духовныхъ, въ короткое время оказало необычайные успѣхи; потомъ, во вновь устроенномъ для нихъ домѣ, при Законоспасской обители, ихъ неусыпными трудами процвѣла Славеногрекороссійская академія. Но ревность Лихудовъ къ пресвѣщенію и православію, достаточно оцѣненная при Патріархѣ Іоакимѣ, подвергла ихъ долгому заточенію при его преемникѣ. Хотя Сильвестръ, обличенный ихъ писаніями, лишенъ былъ сана Іоакимомъ, который созывалъ противъ него соборъ и спрашивалъ даже, для большей твердости, Епископовъ Малороссійскихъ о семъ догматѣ, однакоже многіе нашлись

оскорбленными, заботливостію ученыхъ братьевъ, о чистотѣ ученія Восточнаго.

Церковь Малороссійская уже взошла тогда въ составъ іерархіи нашей, и это было однимъ изъ блестящихъ дѣяній патріаршества Іоакимова. Когда успокоились объ Украйны, подѣ обладаніемъ гетмана Самойловича, и Король Іоаннъ Собіескій склонился на заключеніе вѣчнаго мира, уступивъ Кіевъ и Смоленскъ, — настало время устроить и митрополию Кіевскую, двадцать восемь лѣтъ находившуюся безъ настоящаго пастыря, съ одними только блюстителеми; всѣхъ долѣ былъ Лазарь Архіепископъ Черниговскій,

Старець сей, уже дряхлый годамъ, вмѣстѣ съ ученымъ Архимандритомъ лавры, Варлаамомъ Ясинскимъ, достойнымъ преемникомъ Иннокентія Гизеля, стояли въ числѣ кандидатовъ престола Кіевскаго; но выборъ палъ на Епископа Луцкаго Гедеона, Князя Четвертинскаго, который удалился изъ своей епархіи, по гоненію уніатовъ и притязанію Епископа Львовскаго, Іосифа, домогавшагося получить ее для своего брата. Гетманъ, преданный Россіи, желая крѣпчайшаго съ нею союза, настаивалъ, чтобы новыи Митрополитъ Кіевскій шелъ рукополагаться къ Патріарху Московскому и находился въ полной отъ него зависимости; на что не соглашались ни Лазарь, ни Варлаамъ, поддерживая права Цареградскаго престола. Когда же Гедеонъ, принятый съ чрезвычайною честію въ Москвѣ, поставленъ былъ Іоакимомъ

момъ въ Митрополиты Кіевскіе, Галицкіе и всея Малыя Россіи, съ подчиненіемъ ему Черниговской архіепископіи, лавры Печерской и епархій южной Россіи, — тѣ же лица опять воспротивились сему опредѣленію, и Патріархъ Іоакимъ принужденъ былъ признать лавру ставропигіально, а Черниговъ старшею въ Россіи архіепископіею, не подлежащею Кіеву.

Тогда гетманъ и оба Царя, чтобы успокоить духовенство Украинское, отправили посланниковъ въ Константинополь, съ просительными грамотами къ Патріархамъ, о утвержденіи Кіева за престоломъ Московскимъ, для огражденія его отъ Уніи; и два Патріарха, Діонисій Цареградскій и мудрый Досифей Іерусалимскій, торжественными грамотами, признали сіе окончательное присоединеніе іерархіи Кіева и всего юга къ Велико-Россійской. Такимъ образомъ кончился долгой разрывъ двухъ единовѣрныхъ Церквей, продолжавшійся болѣе двухъ съ половиною столѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ Витовтъ, вынужденнымъ назначеніемъ Григорія Симвлака въ Митрополиты Кіевскіе, отвлекъ южную Россію отъ союза духовнаго со Москвою.

Но съ присоединеніемъ Кіева къ Россіи, уничтожились въ теченіе непогихъ лѣтъ, прочія православныя епархіи въ Литвѣ и Польшѣ: Львовская, Перемышльская, Луцкая, кромѣ одной Могилевской. Правительство Польское, подобно Витовту, стра-

нилось сей зависимости церковной, и новыя, сильнѣйшія гоненія, не смотря на благопріятныя условія, недавно заключеннаго мира, истребляли остатокъ православія въ областяхъ Польскихъ; а Уніятскій архіепископъ Полоцка, съ титуломъ Митрополита Кіевскаго и всея Руси, назначалъ постепенно Епископовъ на мѣста умиравшихъ, или вытѣсненныхъ имъ архіереевъ благочестивыхъ.

Между тѣмъ произошла важная переиѣна въ государствѣ. Петръ, входя въ возрастъ и мужая не по лѣтамъ, убѣгалъ празднои жизни палатъ Кремлевскихъ; жаждущій познаній, онъ пользовался, для своего образованія, совѣтами выходца Женевскаго Лефорта, и самъ обучался въ упражненіяхъ воинскихъ, съ избранными дворянами своей потѣшной роты, обнаруживая явное негодованіе къ правленію сестры своей, Царевны Софіи. Временщикъ и любимецъ ея, Князь Василій Голицынъ, не смотря на два неудачные похода въ Крымъ, осыпанъ былъ почестями, и сложилъ вину свою на гетмана Самойловича; — певиннаго сослали въ Сибирь, а на мѣсто его назначили изъ эсауловъ хитраго Мазепу. Въ столь же неустроенномъ положеніи находились и дѣла внутреннія. Семнадцатилѣтній юноша, исполннъ тѣломъ и духомъ, гнушался властію женскою и требовалъ, чтобы сестра отступилась отъ почестей царскихъ. Такъ рѣшительна была его воля, что однажды, во время торжества церковнаго, не захотѣлъ онъ идти съ нею рядомъ, и

съ гнѣвомъ уѣхалъ въ село Преображенское, обычное мѣсто его царственныхъ запятій. Новый бунтъ Стрѣлецкій, возбужденный Софією, и заговоръ на жизнь юнаго Царя, были слѣдствіемъ отважнаго поступка. Но Петръ имѣлъ доброжелателей и заблаговременно извѣщенный, успѣлъ удалиться въ лавру Троицкую, куда мало по малу собрались къ нему члены дома царскаго и самъ Патріархъ. Стрѣльцы, смятенные новою неудачею, успокоились и съ повинными головами ожидали въ столяцу Царя. Открылась и виновница мятежа, довѣренностію коей пользовался Шакловитый, начальникъ стрѣлецкаго приказа. Тщетно Царевны и Патріархъ умоляли Петра о прошеніи Софія; всѣ они убѣдились сами въ ея преступныхъ замыслахъ. Тщетно сама Софія отправилась въ лавру просить помилованія: ее не допустили до брата; заговорщики преданы были казни; она же пострижена неволею въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, изъ честолюбивой Софіи въ смиренную Сусанну. Петръ сдѣлался самодержавнымъ властителемъ Россіи, ибо болѣзненный Юаннъ властвовалъ только именемъ: пребывая постоянно въ Москвѣ, давалъ онъ возможность предприимчивому брату странствовать по Россіи, испытывать ея жизненныя силы, и примѣрять свой исполинскій геній къ исполинской державѣ, которая, по мощному его глаголу, должна была внезапно воспрянуть, чтобы возрасти въ девятую часть міра.

Въ одно время скончались оба Іерарха, Малой и Великой Россіи: мѣсто Митрополита Кіевскаго заступилъ настоятель Печерскій Варлаамъ, и пришелъ также за посвященіемъ въ Москву, но уже не засталъ въ живыхъ Патріарха Іоакима. Благопріятствовавшій избранію и вторичному воцаренію Петрову, истинный блюститель царства въ малолѣтство обоихъ Государей, и ревнитель просвѣщенія при любознательныхъ^х Ѳеодорѣ и Софін: Іоакимъ только одинъ годъ управлялъ Церковію при державѣ юнаго Петра. Вмѣстѣ съ матерію его, благочестивою Царицею Наталіею, скорбѣлъ онъ о духѣ нововведеній и пристрастіи къ обычаямъ иноземнымъ, которыя уже тогда обнаруживались въ царственномъ юношѣ. Чувства сіи изливъ онъ въ краснорѣчивомъ завѣщаніи, умоляя Царя твердо держаться преданій отечественныхъ, какія пріялъ отъ предковъ, для утвержденія земли Русской.

10. А д р і а н ъ.

Къ сожалѣнію, послѣ столь замѣчательнаго 1690.
настыря, избранъ былъ на престолъ патриаршій
старецъ, Митрополитъ Казанскій Адріанъ, хотя и
украшенный добродѣтелями святительскими, но не
постигавшій необходимости тѣхъ преобразованій,
какія кипѣли въ творческой груди Петра, и ка-
кихъ усиленно требовали самыя обстоятельства; по-
тому что со времени Царя Алексѣя Михайловича и
предпримчиваго Никона, все въ государствѣ шло
къ постепенному образованію, хотя не столь бы-
стро, какъ дѣйствовалъ Петръ. До слуха царска-
го часто доходили неблагопріятныя сужденія бо-
яръ и святителѣй, о всѣхъ его предпріятіяхъ; —
по несчастію, сообщество его съ иноземцами, низ-
каго сословія, призванными для сооруженія флота
и обученія войска, давали поводъ къ молвѣ, и
осуждавшіе не умѣли отличать великихъ дѣяній
отъ слабости человѣческой. Съ своей стороны
Петръ, отъ юныхъ дней прошедшій чрезъ столь-

ко испытаній, и принужденный, во всемъ пылу юности, умѣрять гнѣвъ свой на полагавшихъ ему препоны, ибо и мать и старшій братъ раздѣляли отчасти мнѣнія бояръ и Патріарха, съ неприятнымъ чувствомъ смотрѣлъ на Адріана, какъ на представителя старины, боровшейся съ его свѣтлымъ гениемъ. Творческій духъ Петра, создавъ однажды въ мысляхъ своихъ грядущую Россію, предметъ пламенной любви его, какъ будто уже видѣлъ ее предъ своими глазами, и раздражался, когда современники не угадывали того, что только черезъ сто лѣтъ могли наконецъ увидѣть потомки, — осуществленіе его идеала, Россію временъ нашихъ.

Однакоже и Патріархъ, съ первостепенными архіереями и боярами, участвовалъ въ приношеніяхъ денежныхъ, для созданія флота Русскаго, когда Петръ, побѣдивъ собственное отвращеніе къ водѣ, на тихомъ озерѣ Переяславскомъ и на бурномъ морѣ Бѣломъ, началъ строить корабли въ Воронежѣ, для покоренія Азова. Тогда просіяли пастырскія добродѣтели перваго Епископа Воронежскаго Митрофана, нынѣ причтеннаго уже къ лику святыхъ, въ которомъ нашелъ великій Петръ искренняго друга и помощника въ трудахъ своихъ при устроеніи флота, а вмѣстѣ съ тѣмъ и твердаго ревнителя догматовъ церковныхъ, готоваго положить за нихъ душу.

Сіяли и другіе свѣтильники въ собравшейся во едино Церкви Великой и Малой Россіи: на сѣверѣ

два ревностные обличителя ересей современныхъ, Аванасій, Архіепископъ Холмогорскій, и Митрополитъ Сибири Игнатій, изъ рода Римскихъ-Корсаковыхъ, словомъ и дѣломъ подвигзались противъ пагубныхъ расколовъ, коими заражены были ихъ отдаленныя епархіи; три посланія Игнатія заключаютъ въ себѣ, вмѣстѣ съ пастырскими увѣщаніями, описаніе злаго начала ересей, и самъ Патріархъ Адріанъ, подражая предшественнику своему, написалъ противъ нихъ книгу обличительную, названную шитомъ вѣры православной. На югѣ же, подъ отеческимъ крыломъ мудраго Варлаама Ясинскаго, явились два свѣтлыя лица, имѣвшія въ послѣдствіи столь сильное вліяніе на судьбу Всероссійской Церкви: святой Димитрій и Стефанъ Яворскій. Первый изъ нихъ, получивъ превосходное образованіе въ училищахъ Кіевскихъ и Литовскихъ, долго уединялся въ обители Батурина, мѣстопребываніи гетмановъ: тамъ поручилъ ему Варлаамъ начатое Петромъ Могилою и Иннокентіемъ Гизелемъ, описаніе житія святыхъ, Греческихъ и Россійскихъ, которые собраны были въ рукописяхъ великой четьи-минеи Митрополита Макарія, при Іоаннѣ IV. Обширный и назидательный трудъ сей, поощряемый похвальными грамотами Патріарха Адріана, занялъ все теченіе благочестивой жизни Св. Димитрія, и какъ богатое сокровище утѣшеній духовныхъ, доселѣ питаетъ Христіанскія души, возбуждая ихъ къ подражанію

святымъ подвижникамъ. А Стефану, тогда еще проповѣднику слова Божія въ Кіевѣ, предназначено было многотрудное поприще, пасти всю Церковь Россійскую и слѣдовать, за исполнскими шагами предприимчиваго Петра, стопою твердою и неуклонною отъ православія.

1696.

Послѣ завоеванія Азова, увѣнчавшаго славою первые ратные подвиги юнаго Царя, и послѣ кончины брата Юанна, ознаменованной для него новымъ стрѣлцкимъ бунтомъ, Петръ рѣшился удовлетворить страсти своей къ образованію, посещеніемъ чужихъ земель; онъ поручилъ государство Князю Ромодановскому, съ титуломъ Кесаря, родственнымъ боярамъ и Патріарху, а самъ пустился въ путь, вслѣдъ за великимъ посольствомъ, которымъ предводительствовалъ наставникъ его Лефорть. Путь лежалъ чрезъ Пруссію въ Голландію, гдѣ сложивъ съ себя всякое величіе, Царь простымъ работникомъ, посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ наукѣ кораблестроенія, но съ отложеніемъ блеска наружнаго, еще болѣе просіявалъ внутренній, какъ свѣтильникъ ярче горящій во мракѣ. Англія въ свою чреду представилась любознательному Петру; Императоръ Римскій Леопольдъ, договаривался съ нимъ въ Вѣнѣ, о войнѣ и мирѣ съ Турціею, которая при великомъ Солиманѣ, стала грозною для Европы. Кончина Юанна Собіесскаго и выборъ новаго Короля безпокойной республикѣ Польской озаботили также душу Петра; онъ бла-

гопріятствовалъ Курфирсту Августу Саксонскому, и послалъ въ помощь ему полки стрѣльцкіе; по походъ сей послужилъ виною послѣдняго ихъ бунта, и ускорилъ возвращеніе Царя.

Страшная участь ожидала виновныхъ. Петръ, ожесточенный столькими мятежами, рѣшился совершенно истребить сіе всегдашнее гнѣздо бунта въ столицѣ. Многія тысячи были разсланы по дальнимъ городамъ; многія сотни осуждены къ торговой казни. Тщетно Патріархъ, движимый чело-вѣколюбіемъ, торжественно ходилъ съ иконою Владимірскою, умолять Петра о пощадѣ. Кротость пастыря еще болѣе раздражила Государя, который видѣлъ въ строгомъ наказаніи пользу общественную; онъ отвергнулъ ходатайство Адріана. Царевна Софія подверглась еще строжайшему надзору въ своихъ иноческихъ келміяхъ, за умыселъ стрѣльцевъ, которые желали видѣть ее опять на престолѣ, и съ нею въ обители пострижена была, въ то время, другая сестра ея Марѳа, по неудовольствіямъ семейнымъ. Даже юная супруга Петрова, Царица Евдокія, изъ роду Лопухиныхъ, не избѣжала сей горькой участи, по приверженности ея къ старому образу мыслей, столь непріязненному для Государя, и заключеніе въ обители Суздальской ожидало ее на все теченіе царствованія Петра.

По возвращеніи изъ за границы, еще болѣе обнаружилась склонность его къ иноземнымъ обыча-

ямъ и одеждамъ, которыя рѣшился постепенно ввести между своими подданными, чтобы тѣмъ скорѣе сблизить ихъ съ образованіемъ Европейскимъ; бороды и кафтаны боярскіе исчезали постепенно въ угодность Царю; но духовенство и нисшія сословія удержали достояніе предковъ. Петръ отмѣнилъ также нѣкоторые обычаи, не соответствовавшіе его образу мыслей: торжественное шествіе Патріарха на ослати въ недѣлю ваій, вкравшееся къ намъ изъ запада, которое и Патріархъ Іоакимъ уже запретилъ совершать прочимъ архіереямъ, и всенародное цѣлованіе Царя съ Патріархомъ на площади Кремлевской, при такъ называемомъ дѣйствѣ новаго года. Онъ измѣнилъ и самое празднованіе новаго года, перенеся оное, по примѣру Европы, на первое Января; но не рѣшился однакоже ввести календаря Григоріянскаго, и не смотря на сей столь важный переворотъ лѣтосчисленія гражданскаго и церковнаго, новое лѣто 1700 года встрѣчено было безъ малѣйшаго смятенія.

Скорбѣлъ однакоже престарѣлый Патріархъ, удручаемый болѣзнію, и не присутствовалъ на торжественной литургіи, которую совершилъ въ Успенскомъ соборѣ Митрополитъ Новгородскій Корнилій, привѣтствовавшій Царя съ новымъ годомъ. Еще болѣе огорчился Адрианъ, когда Петръ, думая о преобразованіи государства, созвалъ первостепенные чины, для исправленія уложенія отцевскаго и для составленія новаго, съ распределеніемъ

судебной власти, гражданской и духовной. Патриархъ, въ послѣдніе дни своей жизни, и уже стоя одною ногою во гробѣ, велѣлъ тщательно собрать и выписать всѣ права и преимущества Россійской Церкви, начиная съ помокана, льготныхъ грамотъ святаго Владиміра и Ярослава, коснулся даже и ярлыковъ Хановъ Ордынскихъ, коими пользовались великіе святители Петръ, Алексій и ихъ преемники. Въ заключеніи же, подобно Іоакиму, слезно увѣщевалъ бояръ, составлявшихъ уложеніе, помнитъ всѣ сіи льготы и права и не отклоняться отъ преданій отеческихъ. Онъ скончался въ исходѣ 1700 года и вѣка, а съ нимъ пресѣклось личное достоинство патриаршее въ Церкви Россійской.

МѢСТОБЛЮСТИТЕЛЬ СТЕФАНЪ.

1702. Трифилій, Митрополитъ Сарскій и Подонскій, въ качествѣ намѣстника патріаршей области, занимался въ послѣдніе дни Адриановы и нѣскольکو времени послѣ, дѣлами церковными. Но уже, судьбами Божиими, былъ готовъ славный преемникъ Патріарху, посвященный еще при жизни его, Стефанъ Яворскій. Проницательный Петръ усмотрѣлъ достоинства сего мужа, когда присланный въ столицу, Митрополитомъ Кіевскимъ Варлаамомъ, чтобы испросить утверженіе преимуществъ училищамъ Малороссіи, говорилъ онъ краснорѣчивое слово, надъ гробомъ любимца царскаго, боярина Шеина. Утѣшенный его сладкою рѣчію Государь, повелѣлъ смиреннаго игумена Пустынскаго Николаевскаго монастыря, произвестъ прямо въ Митрополиты Рязанскіе, и сердце Царево опять было въ руцѣ Божіи, когда, мимо всѣхъ старѣйшихъ Митрополитовъ Великороссійскихъ, избралъ онъ сего Стефана блюстителемъ престола патріаршаго; ибо пользуясь его довѣренностію, Стефанъ, съ твердою вѣрою и твердымъ характеромъ

предстоялъ Церкви Россійской въ преобразовательное время для государства, пастырски укрѣпляясь на неподвижныхъ заповѣдяхъ церковныхъ.

Опъ нашель себѣ вѣрнаго сотрудника, въ искреннемъ своемъ другѣ, архимандритѣ Сѣверскомъ Димитрѣ, котораго также вызвалъ въ столицу Петръ, для посвященія въ Митрополиты Сибирскіе. Государь лично зналъ святаго, уже прославленнаго описаніемъ жизни угодниковъ Божіихъ, и заботился, чтобы образованіе Малороссійской Церкви распространилось и на сѣверѣ. Но болѣзненный Димитрій не въ силахъ былъ ѣхать въ отдаленную свою епархію и, по ходатайству Стефана, перешель въ Ростовъ на мѣсто умершаго Митрополита Юсифа. Тамъ предназначено ему было просіять, своими добродѣтелями и ученіемъ, во всю Церковь Россійскую, которую назидалъ въ теченіе семи лѣтъ, какъ твердый ревнитель православія и обличитель враговъ его, какъ лѣтописецъ, проповѣдникъ и наипаче глубокий молитвенникъ. Такъ всеобъемлющее сердце Димитрія сроднилось съ каждымъ христіанскимъ сердцемъ своего земнаго отечества, еще прежде нежели началъ самъ принимать молитвы, отъ наученныхъ имъ молиться.

Нужна была такая духовная опора вѣрѣ Стефановой, ибо не легкое поприще ему предстояло. Вскорѣ послѣ кончины Адріана, закрыть былъ разрядъ патриаршій, завѣдывавшій всѣми дѣлами церковными, не только собственно іерархическими,

но и волостными по имуществамъ, и тяжёбными; потому что со времени уничтоженія приказа монастырскаго, Царемъ Феодоромъ, въ патриаршемъ только разрядѣ производились всѣ иски на лица духовнаго званія. Они восходили иногда въ приказъ большаго дворца, т. е. на собственное рѣшеніе Государя, когда обнаруживалось пристрастіе судей въ дѣлѣ близкомъ для нихъ по сродству съ подсудимыми. Петръ велѣлъ перенести всѣ нерѣшенныя дѣла для окончательнаго сужденія въ разные государственные приказы, по содержанию каждаго и по порядку мірскихъ тяжбъ, и такимъ образомъ дѣла о наслѣдствахъ, завѣщаніяхъ, святотатствахъ, дотолѣ подлежавшія сулу духовному, перешли въ гражданскій. Дѣла же собственно церковныя, іерархическія и догматическія, поручилъ вѣдать Митрополиту Рязанскому, въ духовномъ патриаршемъ приказѣ, еще прежде назначенія Стефана блюстителемъ престола. Однакоже, въ скоромъ времени, опять обращены были на патриаршій дворъ всѣ иски на лица духовнаго званія, и, по представленію Митрополита Стефана, вновь открытъ былъ приказъ церковный, для наблюденія за благочіемъ священнослужителей.

Съ уничтоженіемъ разряда, Государь возстановилъ также, въ полной силѣ, приказъ монастырскій, утвержденный уложеніемъ отца его, и отдѣливъ совершенно отъ духовнаго приказа, ввѣрилъ управленію боярина Мусипа Пушкина. Его вѣдѣнію

суду и расправѣ подлежали патриаршіе и архіерейскіе приказные люди и многочисленные волости, также и богатые имуществами монастырскія, которыя были все переписаны. Они не управлялись болѣе келарями и старцами, но стольниками царскими, независимо отъ воеводъ и намѣстниковъ, и относились прямо въ приказъ монастырскій, куда стекались все ихъ доходы. Ограничено было и число монашествующихъ, обоего пола, въ каждой обители, и выведены бѣльцы и бѣлицы, жившіе праздно безъ постриженія, для коего опредѣлены извѣстные годы, не ранѣе сорока для монахинь, и тридцати для монаховъ. Безбѣдное содержаніе назначено каждому иноку, по десяти рублей въ годъ и десяти четвертей хлѣба, вмѣсто прежнихъ богатыхъ доходовъ, кои обратились частію на нужды государственныхъ, частію на устроеніе больницъ и пропитаніе убогихъ вдовъ, помѣщенныхъ въ монастыри. Однакоже тѣ изъ обителей, которыя по убожеству своему искони пользовались подаваніемъ царскимъ, удержали оное, и такимъ образомъ сохранился весь чинъ собственно монашествующихъ, весьма многочисленный въ то время, хотя и лишенный избытка внѣшняго. Равномѣрно и власти духовныя, по степени ихъ сана, начали получать оклады и жалованье, въ замѣнъ отчинъ, отписанныхъ въ приказъ монастырскій и вмѣсто церковныхъ сборовъ, искони получаемыхъ ими со всехъ приходовъ своихъ епархій: — такой порядокъ управленія церков-

ныхъ ииуществъ продолжался до учрежденія Св. Синода.

Такъ дѣйствовалъ Петръ, по вѣдомству духовному, приводя также въ порядокъ всѣ отрасли правленія государственнаго: умножая доходы лучшимъ устройствомъ податей, уничтожая роскошь, и входя даже во всѣ подробности жизни семейной и гражданской; заводя типографіи и училища, образуя общественной языкъ Русскій, поощряя промышленность и торговлю, учрежденіемъ ратуши, дабы сословіе купеческое имѣло собственное управленіе; наконецъ созидавая флотъ и войско, въ самыя тяжкія годы испытаній, когда Россія стояла отъ нашествія Шведскаго.

Необходимость пристани на берегахъ Балтійскихъ, для сообщенія съ Европою, и надѣяность Шведовъ, при воцареніи юнаго ихъ витязя Карла XII, побудили Петра къ заключенію тройственнаго союза, съ Фридрихомъ Королемъ Датскимъ и Августомъ Польскимъ. Запылала война сѣверная, двадцать два года тревожившая Россію. Бѣдственны для насъ были ея начала: Карлъ, быстро смиривъ Данію, опрокинулся всѣми силами на Россію и подъ Нарвою, осажденною нашими войсками, почти совершенно сокрушилъ неопытное ополченіе, плодъ первыхъ стараній Петровыхъ. Но оно успѣло созрѣть въ битвахъ, съ военачальниками Шведскими, при покореніи Лифляндіи и Ингерманландіи; а отважный Царь, на самомъ поприщѣ вой-

ны, основалъ новую свою столицу, покаместъ Карлъ занявшись Польшею, поражая на каждомъ шагу Августа, захватилъ обѣ столицы, Варшаву и Краковъ, и наконецъ возвелъ на престолъ королевскій Станислава Лещинскаго.

Тогда обратился опять на Россію и отвергнувъ предложенія мирныя, двинулся съ побѣдоноснымъ войскомъ въ предѣлы Украинскіе, гдѣ надѣялся на тайную измѣну гетмана Мазепы. Но Карлъ, уподобляя себя великому Александру, не нашелъ въ Петрѣ Дарія. Бдительно слѣдовалъ онъ за врагомъ, пресѣкая ему сообщеніе съ другими отрядами Шведскими, которые заблаговременно были разсыяны. Открылось предательство Мазепы, довольно во время, чтобы удержать отъ возстанія Украину, и въ Глуховѣ три архіерея, Митрополитъ Кіевскій съ своимъ Викаріемъ и Архіепископомъ Черниговскимъ, предали анаѣмѣ измѣнника забывшаго всѣ благодѣянія царскія. Съ немногими приверженцами явился онъ въ станъ Короля. Войско Шведское осадило Полтаву, и на поляхъ ея впервые сразились оба исполина сѣвера; рансній Карлъ, на носилкахъ, обтекая ряды, одушевлялъ воиновъ устарѣвшихъ въ брани; исполненный любви къ отечеству Петръ просилъ забыть Петра для Россіи, ей же на вѣки памятеиъ подвигъ Царя; подъ ея ударами сокрушилось и исчезло ополченіе Шведское, какъ бы никогда не тревожившее Россію. За степи Украинскія и Татарскія бѣжали вмѣстѣ

Король и Гетманъ и остановились только на берегахъ Днѣстра. Измѣнникъ Мазепа умеръ въ Бендерахъ; гетманъ Скоропадскій уже былъ назначенъ на его мѣсто.

Усердіе Царя основало монастырь мужескій, во имя верховныхъ Апостоловъ, на поприщѣ битвы Полтавской, а на память самаго дня ея сооружена, въ новой столицѣ, церковь страннопріимца Сампсона. Съ великимъ торжествомъ встрѣтилъ Государя въ Кіевѣ, у вратъ Софійскихъ, Митрополить Іоасафъ Кроковскій, за годъ предъ тѣмъ посвященный изъ архимандритовъ лавры, на мѣсто умершаго Варлаама, и префектъ академіи Ѳеофанъ Прокоповичъ произнесъ краснорѣчивый панегирикъ Царю. Здѣсь впервые обратилъ онъ на себя вниманіе монаршее, сладостію рѣчи и глубокимъ образованіемъ, которое получилъ въ училищахъ Уніатскихъ и Римскихъ; страсть къ ученію увлекала Ѳеофана до такой степени, что онъ даже сдѣлался на время отступникомъ православія въ Римѣ, и ту же удобопреклонность въ догматахъ вѣры обнаруживалъ въ послѣдствіи, когда занималъ высшія степени іерархіи Россійской. Обѣ столицы съ не меньшимъ торжествомъ встрѣтили побѣдителя. Европа, дотолѣ оглушаемая громомъ побѣдъ Карла, съ удивленіемъ слышала о подвигахъ Петровыхъ, и обратила живое вниманіе на разцвѣтающую Россію.

Посреди подвиговъ ратныхъ не забывалъ Петръ о православныхъ единовѣрцахъ, страдавшихъ въ Литвѣ и Польшѣ, отъ насилія Уніатовъ, и пользуясь правами союзника, настоятельно требовалъ отъ Августа прекращенія гоненій. Не смотря на условія мира 1686 года, коими обязывался Король Янъ Собіескій даровать свободное вѣроисповѣданіе епархіямъ Луцкой и Галицкой, Перемышльской, Львовской и Бѣлорусской, съ утверженіемъ ихъ прежнихъ привилегій: всѣ онѣ были непрестанно нарушаемы, буйною шляхтою и самовластными магнатами Польши; они, вооруженною рукою, отнимали церкви и монастыри, ругались надъ святынею, мучили священнослужителей и подвергали православныхъ такому безчестію, какого никогда не терпѣли у нихъ Евреи и Магометане. По бѣдственнымъ обстоятельствамъ времени, самые Епископы: Иннокентій Перемышльскій, Иосифъ Львовскій и Кипріанъ, бывшій сперва Полоцкимъ а потомъ Митрополитомъ отпадшихъ, предавшись на сторону Уніи, сдѣлались въ свою чреду гонителями православія; на сторонѣ его оставались только два, изъ коихъ Кирилль Луцкій принужденъ былъ бѣжать изъ своей епархіи въ Кіевъ, и получилъ Переяславль, съ титуломъ Викарія, а Могилевскій Епископъ, князь Сильвестръ Четвертинскій, едва держался на своей кавердѣ. Всѣ православные монастыри взывали къ Петру, какъ единственному защитнику, и Петръ на опытъ уз-

налъ истину ихъ жалобъ, ибо самъ подвергся ругательствамъ и даже опасности отъ Уніатскихъ монаховъ, когда посѣтилъ храмъ ихъ въ Полоцкѣ. Но всѣ грамоты и убѣжденія Государя, и даже угрозы его Королю Августу оставались тщетными; удовлетвореніе жалобъ отлагалось отъ сейма до сейма, и православные должны были довольствоваться одними общаніями правительства Польскаго, о будущемъ улучшеніи ихъ участи.

Славною битвою Полтавскою не окончилась однакоже для великаго Петра борьба его съ Карломъ XII. Въ то время, какъ побѣдитель, воздвигая мощною рукою Августа Польскаго, возобновлялъ опять съ нимъ и Дачіею союзъ сѣверный, отчаянный врагъ его укрѣпился на берегахъ Днѣстра, и оттолкъ не престававъ возбуждать Султана расторгнуть миръ съ Россіею, доколѣ не достигъ желанной цѣли. Никогда Петръ не желалъ болѣе мира, потому что пользуясь успѣхомъ Полтавы, онъ начиналъ приводить въ исполненіе свои великія предпріятія внутри государства. На время частыхъ отлучекъ, по необъятной монархіи, учредилъ онъ 1710. правительствующій Сенатъ, гдѣ должно было сосредоточиваться главное управленіе и стекаться всѣ его многоразличныя отрасли. Сему Сенату, составленному изъ высшихъ сановниковъ, поручилъ онъ блюсти Россію, когда самъ принужденъ былъ идти въ новый походъ, чтобы отразить полчища Порты, двинувшіяся къ Дунаю. Екатерина, новая

супруга Царя, ему сопутствовала для спасенія отечества. Оба княжества Молдавіи и Валахіи благопріятствовали Россіи, но вѣрнымъ остался одинъ Кантемиръ Молдавскій; не измѣнилъ и ему Петръ въ самую горькую минуту жизни, когда внезапно окруженный на берегахъ Прута многочисленными врагами, отказался выдать Туркамъ господаря. Екатерина склонила золотомъ малодушнаго визиря къ миру, который стоилъ намъ Азова и юношескихъ завоеваній Петровыхъ, но сохранилъ Россіи самага Петра; императорская корона была наградю Екатеринѣ. Пять лѣтъ еще безпокоилъ Султана враждебный Карлъ, доколѣ наконецъ принужденъ былъ оставить сосѣдство Царьграда; одинокимъ странникомъ прискакалъ онъ въ забытую имъ Швецію, изнемогавшую подъ ударами сѣвернаго союза, въ который вступили также Пруссія и Ганноверъ, Голландія и Англія; а между тѣмъ Ливонія, Ингерманландія и часть Финляндіи, въ окрестностяхъ новой столицы Русской, сдѣлались уже ея достояніемъ.

Посреди непрестанной дѣятельности воинской продолжалось однакоже внутреннее образованіе Россіи; каждый промежутокъ брани ознаменовывался гражданскими учрежденіями, по всѣмъ частямъ управленія, которому Петръ, для большаго устройства, мало по малу старался давать формы коллегіальныя; ибо онъ болѣе довѣрялъ совѣту многихъ, нежели произволу одного лица. За учрежденіемъ

Сената послѣдовали коллегіи, сперва иностранная потомъ военная и другія, а вся Россія раздѣлена была на восемь обширныхъ губерній. Подъ громомъ оружія образовались не одни только флотъ и войско; Царь, всеобъемлющимъ окомъ, проникалъ въ источники богатствъ государственныхъ и мощнымъ словомъ вызывалъ ихъ наружу. Распространилось также просвѣщеніе, свѣтское и духовное, чрезъ умноженіе всякаго рода училищъ и путешествіе юношей Русскихъ по образованному Западу.

Ревностно содѣйствовалъ Государю Митрополитъ Стефанъ, принявшій на себя званіе протектора академіи Московской, которую расширилъ и образовалъ по примѣру Кіевской. Ярko свѣтилъ Димитрій, до своей блаженной кончины въ Ростовѣ, занимаясь самъ устроенною имъ семинаріею. Мало по малу, по его примѣру, при всѣхъ домахъ архіерейскихъ учреждались школы, для образованія священнослужителей, обратившіяся въ послѣдствіи въ семинаріи. Ювъ Митрополитъ Новгородскій, мужъ исполненный благочестія Христіанскаго, вѣдѣвъ съ богоугодными заведеніями учредилъ въ своей епархіи до четырнадцати духовныхъ училищъ, и для лучшаго ихъ успѣха, вызвалъ изъ обители Инатіевской двухъ давно забытыхъ братьевъ, Лихудовъ, пятнадцать лѣтъ томившихся въ заточеніи. Іоанникій и Софроній, какъ свѣтильники, извлеченные изъ подъ спуда, внезапно пролили образованіе въ сѣхъ училищахъ. Младшій Со-

Фроній, посланный въ Москву за типографіею, былъ удержанъ тамъ блюстителемъ патриаршаго престола, для устройства академіи, и ему, вмѣстѣ съ ея знаменитымъ ректоромъ Теофилактомъ Лопатинскимъ, будущимъ страдальцемъ за истину, поручено было окончить исправленіе библіи Славянскою, начатое Епифаніемъ. По смерти Іова Митрополита, Іоанникій переселился въ столицу, чтобы раздѣлить академическія занятія съ братомъ, и скоро скончался; Софроній же возведенный въ санъ архимандрита, достигъ глубокой старости.

Но, вмѣстѣ съ образованіемъ, непримѣтно проникло въ отечество наше тайное зло, пустившее опасныя корни. Путешественники и иностранцы занесли въ Россію противное нашей Церкви ученіе Лютера и Кальвина, которое, пренебреженіемъ обрядовъ и произвольнымъ сужденіемъ о таинствахъ религіи, благопріятствовало безопасности и самолюбію. Православная Восточная Церковь не страшилась вліянія Церкви Западной, ибо она боролась съ нею открыто, въ предѣлахъ Польскихъ, и неистовства Уніи ожесточили слишкомъ сердца Русскія противъ Рима, чтобы сдѣлать его опаснымъ. Но мы не имѣли никогда явной вражды съ Германскими нововводителями; присоединеніе областей Балтійскихъ и полезныя труды иноземцевъ, вызванныхъ Петромъ, невольно насъ сближали съ ними. Высшая степень ихъ мірскаго образованія и самое участіе, какое они принимали въ нашихъ

обрядохъ церковныхъ, привлекали къ нимъ неопытныхъ, которые не умѣли распознать, гдѣ предѣлы просвѣщенія свѣтскаго, и гдѣ начало духовнаго, утаеннаго, по словамъ Христовымъ, отъ премудрыхъ и разумныхъ, но открытаго простымъ и младенцамъ.

Въ окрестностяхъ сѣверной столицы, гдѣ наиболѣе стекалось иноземцевъ, начало распространяться ихъ ученіе, и сильно возсталъ противъ него добродѣтельный Ювъ Новгородскій. Онъ внушилъ ревностнымъ братьямъ Лихудамъ вооружиться на потрясающихъ основы православія, и явилась книга ихъ обличеній, посвященная четыремъ Вселенскимъ Патріархамъ, какъ хранителямъ благочестія. Не остался равнодушнымъ зрителемъ и блюститель престола Московскаго Митрополитъ Стефанъ, потому что и въ другую столицу проникла ересь, распространителемъ коей былъ стрѣлецкій врачъ, Дмитрій Тверитиновъ. Проживая долго при одномъ иностранномъ врачѣ, онъ заимствовалъ у него вмѣстѣ съ наукою и образъ мыслей, и началъ разсѣвать хулы на иконы, мощи, литургію, на призваніе святыхъ и поминовеніе усопшихъ. Многіе стрѣльцы и ремесленники къ нему пристали, и до того простерлась ихъ дерзость, что одинъ изъ хулителей, цырюльникъ Оома Ивановъ, ругался даже надъ иконою Св. Алексія Митрополита въ Чудовѣ монастырѣ. Преосвященный Стефанъ, сперва тайно изслѣдовавъ о семъ дѣлѣ, донесъ Государю, по-

томъ же, по волѣ его, созвалъ соборъ сосѣднихъ Епископовъ въ Москву: Игнатія Сарскаго, Варлаама Тверскаго и Грека Іоанникія Митрополита Ставропольскаго. Тамъ, въ патриаршихъ палатахъ, по довольномъ разсмотрѣніи и увѣщаніи, нераскаянные были преданы анаѳемѣ, а начальники ереси гражданскому суду и казни. Но, недовольный единовременнымъ исправленіемъ, Митрополитъ Стефанъ, какъ истинный пастырь, отечески пекущійся о своей паствѣ, собралъ въ одну книгу всѣ ложныя мудрованія, явно опровергаемыя ученіемъ Церкви, и назвалъ книгу сію камнемъ вѣры для сокрушенія враговъ православія. Догматы о святыхъ иконахъ и мощахъ, о знаменіи честнаго креста, о преданіи, о тайнѣ пречистаго тѣла и крови Христовыхъ, о призваніи Ангеловъ и Святыхъ, наипаче же Пречистой Дѣвы, и наконецъ о состояніи душъ по смерти и о молитвѣ за усопшихъ, въ совершенной полнотѣ и ясности представлены были благочестію испытующихъ, съ низложеніемъ всякаго гордаго мудрованія, возносящагося на истинное ученіе Церкви. Въ предисловіи же смиренно говорилъ о себѣ кроткій Стефанъ: «наше есть еже врачевати, Божіе еже исцѣляти: твердь есть сей камень (книгу тако нарекохъ) неплодствію души моея сообразно; но и отъ камене можетъ воздвигнути Богъ чада Аврааму и отъ нестѣкомаго можетъ источить воду, напоющую въ животъ вѣчный.»

Не менѣ ревности оказывалъ блюститель къ

прекращенію другаго зла, укоренившагося въ Россіи, отъ безнаказанности расколовъ и невѣжества ихъ начальниковъ. Писанія его, о времени пришествія Антихриста и кончинѣ вѣка, разсѣяло нелѣпые толки, коварно распушенные въ столицѣ, будто уже Антихристъ явился и настала кончина. Не смотря однакоже на благоразумныя мѣры правительства, которое воспрещало употреблять раскольниковъ въ какія либо должности общественныя, и даже облагала ихъ двойною податью за упорство, безпокойное состояніе Россіи, посреди непрестанныхъ войнъ и переворотовъ, давало средства злопамѣреннымъ укрываться отъ надзора и наказанія. Границы Лифляндскія и Псковскія постепенно населались раскольниками; поморскіе скиты, хотя не всѣ согласные между собою, умножались въ глуши лѣсовъ и болотъ Олонецкихъ, въ дикой Перми и Сибири. Еще болѣе была недоступна Вѣтка въ предѣлахъ Польскихъ, гдѣ въ четырнадцати слободахъ собралось до 30,000 старообрядцевъ секты поповщинской. Помѣщики Польскіе благопріятствовали имъ изъ личныхъ выгодъ: вліяніе же Вѣтки было чрезвычайно сильно, ибо тамъ существовала Покровская церковь, единственная у раскольниковъ, и оттолкъ разносились запасные дары по всей Россіи, часто не безъ подлога; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старожилы хвалились даже, что имѣютъ при себѣ древніе дары освященные еще до временъ Никона, и святотатно разводили ихъ

въ новомъ тестѣ, для приобщенія неопытныхъ. Недалеко отъ Вѣтки основались столь же многолюдныя слободы Стародубовскія, состояніе коихъ сдѣлалось болѣе цвѣтущимъ, когда за оказанное ими усердіе, противъ измѣнника Мазепы, получили они въ награду многія льготы и земли.

Въ лѣсахъ Нижегородскихъ собралъ также другое скопище, современное Вѣткѣ и Поморію, бѣглый ученикъ попа Аввакума, Онуфрій. По смерти его, діаконъ Александръ, за несогласіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ, началъ самъ отдѣльную секту, принявшую отъ него названіе діаконщины; но она была слабѣе поповской, которая, чрезъ бѣглыхъ иноковъ и стрѣльцовъ, распространилась по теченію Волги и Дона. Бдительный Государь, желая поразить расколъ въ самомъ гнѣздѣ его, избралъ въ Епископы Нижегородскіе Питирима, жившаго на Вѣткѣ, но обратившагося къ Церкви, чтобы онъ своею опытностію обличилъ коварство лжеучителей. Преосвященный Питиримъ, съ пастырскою заботливостію, принялся за столь трудный подвигъ и самъ неоднократно посѣщалъ скиты раскольничьи, разсѣянные въ лѣсахъ. Удовлетворительно отвѣчая на всѣ вопросы заблужденныхъ, онъ приводилъ ихъ въ недоумѣніе, и достигъ желанной цѣли, ибо діаконъ Александръ и главнѣйшіе старцы, его толка, признали свое обольщеніе и присоединились къ Церкви. Хотя же въ послѣдствіи непостоянный діаконъ отпалъ опять

въ прежній расколъ и подвергся заслуженной казни, но его бывшіе единомышленники устояли въ вѣрѣ. Книга Епископа Питирима, подъ именемъ пращицы духовной, осталась донинѣ спасительнымъ врачеваніемъ для желающихъ выдти изъ заблужденія, виѣсть съ розыскомъ Святителя Дмитрія Ростовскаго, о вѣрѣ Брынскихъ раскольниковъ, коимъ обличалъ онъ суемудрыхъ своей эпархіи.

Новое путешествіе Государя за границу, для скрѣпленія сѣвернаго союза, во время военныхъ дѣйствій, ознаменовалось для него огорченіями политическими, отъ непостоянства союзниковъ, и семейными, отъ недостойнаго сына. Напрасно Петръ готовилъ себѣ преемника въ юномъ Царевичѣ Алексіѣ; рано обнаружилась въ немъ неспособность къ занятіямъ воинскимъ и гражданскимъ, и ненависть ко всѣмъ преобразованіямъ великаго отца. Память о заключеніи своей матери Евдокии, въ стѣнахъ Суздальскихъ, дурные совѣты людей мірскихъ и духовныхъ, которые благопріятствовали его образу мыслей, ибо надѣялись видѣть въ немъ возстановителя древняго порядка вещей, довершили нравственное растройство Алексія. Угрожаемый лишеніемъ престола, онъ изъявилъ желаніе оставить свѣтъ; но не въ силахъ будучи разстаться съ своими грубыми страстями, рѣшился искать себѣ спасенія отъ строгаго родителя за границею. Въ Голландіи услышалъ Петръ горькую вѣсть о его бѣг-

ствѣ и послалъ отыскивать сына въ областяхъ Императора Римскаго, самъ же продолжалъ путь въ Парижъ. Тамъ знаменитая академія Сорбонская, пользуясь личнымъ присутвіемъ Государя, предложила ему соединеніе Церкви Западной съ Восточною; но благоразумно отклонилъ онъ отъ себя; дѣло столь важное, обѣщая только повелѣть Архіереямъ Россійскимъ отвѣчать на писаніе Сорбонны:

Петръ поспѣшилъ возвратиться въ свое государство, куда скоро привезли виновнаго Царевича, найденнаго въ Неаполѣ; онъ былъ торжественно отрѣшенъ отъ престола въ древней столицѣ, и надъ нимъ открылся судъ духовныхъ и мірскихъ сановниковъ. Между соумышленниками нашлись лица близкія Царю и нѣсколько духовныхъ: опять прежняя Царица Евдокія, которая употребляла во зло оставленную ей свободу въ Суздаль, и благопріятствовавшіе ея честилюбивымъ видамъ, Епископъ Ростовскій, и сестра Государева Царевна Марія, уже третія послѣ Софіи и Марѣы, возставшая на брата. Она заключена была въ крѣпость Шлисельбургскую и усилено заточеніе Царицы въ Новоладожской обители; лишенный сана Досноей, преданъ казни свѣтской съ прочими сообщниками Царевича. Надъ нимъ однимъ медлили произнести приговоръ родитель, хотя уже открывшій его преступные замыслы; онъ ожидалъ совершеннаго сознанія и перенесъ слѣдствіе въ новую столицу, но Царевичъ сознавался только по ули-

камъ, дѣйствуя нерѣшительно. Наконецъ Государь преодолѣлъ отца; судомъ гражданскимъ и духовнымъ изреченъ былъ смертный приговоръ, но одно о немъ извѣстіе, такъ поразило Царевича, что онъ внезапно скончался. Прямымъ наследникомъ остался малолѣтній сынъ его Петръ, ибо другой младенецъ сего имени, рожденный Екатериною отъ великаго Петра, предупредилъ его на скоротечномъ поприщѣ.

1719.

Около сего времени вручилъ Петръ блюстителю патріаршаго престола и бывшимъ при немъ архіереямъ, пространное посланіе Сорбонны, въ которомъ приводила она на память сходство обѣихъ Церквей, въ догматахъ, таинствахъ и преданіяхъ, въ поклоненіи честныхъ мощей и иконъ, призываніи святыхъ и законахъ церковныхъ. Поверхностно отзывалась она о догматѣ исхожденія Св. Духа, стараясь изъяснить правильное Греческое изреченіе, о ниспосланіи Духа отъ Отца чрезъ Сына, неправильнымъ Латинскимъ прибавленіемъ въ символъ, о исхожденіи и отъ Сына, и, во свидѣтельство своего миролюбія, предлагала примѣръ Уніатовъ, у коихъ Греческій символъ остался неизмѣннымъ съ разрѣшенія Папы. Еще легче говорила Сорбонна о папѣ, со всѣми вольностями Галликанской Церкви, называя его только первымъ по старшинству между равными Епископами, по свидѣтельству древнихъ Отцевъ, и отвергая его непогрѣшительность, подчиняла вла-

сти Каѳолической Церкви, образуемой Вселенскимъ соборомъ.

Но сколь ни благовидно было сіе моленіе о мирѣ, съ должною мудростію отвѣчали на оное Святители Русскіе, изъявивъ и съ своей стороны, желаніе союза, о коемъ непрестанно молилъ Церковь православная на всѣхъ богослуженіяхъ. Но они замѣтили Сорбоннѣ, что дѣло сіе, по великой его важности, не можетъ зависѣть отъ частнаго рѣшенія нѣсколькихъ богослововъ, и что вся Церковь Западная, со всею Церковію Восточною, должна участвовать въ общемъ согласіи; а потому до времени должно довольствоваться учеными сношеніями о предметахъ богословскихъ, чтобы новымъ союзомъ съ Церковію чуждою, не нарушить древняго съ четырьмя Вселенскими православными престолами. Митрополитъ Стефанъ, съ двумя Архіепископами, Варнавою Холмогорскимъ и Теофаномъ Псковскимъ, скрѣпили отвѣтное посланіе, писанное симъ послѣднимъ, который недавно вызванъ былъ изъ Кіева и уже принималъ большое участіе въ дѣлахъ церковныхъ.

Чрезвычайныя способности Теофана ко всякого рода занятіямъ, и глубокія его познанія свѣтскія и духовныя, ревность къ просвѣщенію, которое не преставаъ онъ поддерживать даже изъ частныхъ доходовъ, устроивъ при домѣ своемъ большую семинарію, привлекли къ нему особенное благоволеніе Государя, а острый умъ и веселый об-

пещивельный его характеръ, испытанный Петромъ во время Турецкаго похода, сердечно привязали его къ спутнику своему, бывшему тогда еще ректоромъ Кіевскимъ. Но знаменитый блюститель Церкви Россійской, Митрополитъ Стефанъ, знавшій въ Кіевѣ о началахъ Теофана, не съ такою снисходительностію смотрѣлъ на сего новаго сотрудника онъ не довѣрялъ его учености, заимствованной на Западѣ, и легкости его характера, склонной къ нововведеніямъ иновѣрцевъ. Положивъ камень вѣры въ претыканіе ихъ ученію, великій мужъ Церкви почелъ пастырскимъ долгомъ обличить избираемаго въ Епископы Псковскіе Теофана, въ тѣхъ погрѣшительныхъ мнѣніяхъ богословскихъ, какия преподавалъ онъ въ академіи Кіевской, и сіе обличеніе, не уваженное Теофаномъ, послужило только источникомъ къ враждѣ его противъ Стефана.

Однакоже не смотря на частное предложеніе Сорбонны, о союзѣ церковномъ, никогда Унія не была столь жестока въ своихъ гоненіяхъ на православіе. Новый Митрополитъ Уніатской, Левъ Кишка, преемникъ Кипріана, успѣлъ уже на соборѣ, созванномъ въ Замостыи, открыто утвердить 1720. Унію во всѣхъ епархіяхъ, находившихся подъ владычествомъ Польши, и призвать законнымъ уничтоженіе всѣхъ Епископовъ православныхъ; конституція сейма уполномочила сіе насиліе, сохранивъ только одну Могилевскую кафедру. Нѣсколько уцѣ-

лѣвшихъ монастырей и церквей, въ Литвѣ и на Волынѣ, отягощаемы были податями, лишасмы послѣднихъ имуществъ; духовенство терпѣло всякое насиліе и поруганіе, утвари и сосуды расхищались и попираемы были св. тайны; волости монастырскія страдали безъ защиты, а шляхта и мѣщане православные не допускались ни въ какія должности. Самъ Могилевскій Епископъ, князь Святополкъ Четвертинскій Сильвестръ, подвергался узамъ и рапанъ отъ буйства Поляковъ. Два Епископа Уніатскіе, Смоленскій и наипаче Перемышльскій Иннокентій, дѣлали нестерпимымъ въ своихъ эпархіяхъ пребываніе православныхъ; тшетно гонимые вzywали о защитѣ. Государь вступался чрезъ посланника въ Варшавѣ за единовѣрцевъ, представляя, какою свободою пользуются всѣ исповѣданія въ Россіи и требовалъ учрежденія слѣдственной комисіи по границамъ, для разсмотрѣнія обидъ, наносимыхъ православнымъ въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Волынѣ; онъ назначилъ даже съ своей стороны въ Могилевъ комисара Рудаковского. Король Августъ и нунцій папскій въ Варшавѣ, архіепископъ Сантини, и самъ Папа постепенно тревожимы были жалобными грамотами Петра великаго; но строгія запрещенія Августа и окружныя посланія нунція, даже съ возложеніемъ проклятія на непокорныхъ возмутителей спокойствія церковнаго, не дѣйствовали; насильство, грабежи, узы, мученія, воздвигаемые фанатизмомъ Римлянъ и

Уніатовъ продолжали встрѣчаться, въ бѣдствующей Ливъ, съ неодолимою твердостію православныхъ въ вѣрѣ отеческой. И все сіе совершалось безстрашно и безнаказанно, когда уже Россія, окръпшая послѣ двадцатиплѣтней борьбы Шведской, овладѣла сѣвернымъ поморіемъ, когда исчезъ съ лица земли браней грозный ихъ возбудитель Карлъ, и преемникъ его заключилъ наконецъ съ Россіею славный для нее Нейштадскій миръ, упрочившій ея вышнее благосостояніе.

Ограждаемая на Западѣ, въ царствованіе Петрово, расширялась она къ Востоку, до крайнихъ предѣловъ Океана и вступила въ постоянныя сношенія съ Китаемъ. Распространялось и Христіанство по необъятной Сибири; преемникъ Игнатія, Митрополитъ Тобольскій Теодоръ, обратилъ въ Христіанство до 10,000 Остяковъ. Постепенно просвѣщались вѣрою и южные предѣлы, и окрестности дальняго Иркутска, уже довольно населенныя Христіанами, возымѣли нужду въ Епископѣ. Никокентій Кульчинскій, назначенный начальникомъ духовной миссіи въ Пекинъ, посвященъ былъ первымъ Епископомъ въ Иркутскъ и положилъ тамъ благое начало, прославившись святостію жизни и нетлѣніемъ по смерти. Это былъ третій святой современникъ Петра, послѣ святителей Митрофана и Дмитрія, которымъ свыше назначено было просіять чудесами во дни наши.

Среди бури воинской процвѣтала и новая

столица Царя, усильно созданная имъ на берегахъ Невскихъ; воля его побѣдила природу и предубѣжденіе первопрестольной Москвы. Храмы и зданія, общественныя и частныя, росли постепенно, подлѣ убогаго живша великаго основателя и скромнаго собора Троицкаго; уже сооруженъ былъ великолѣпный каедральный соборъ во имя верховныхъ Апостолъ Петра и Павла; возникла и лавра Невская, поставленная на ряду съ двумя древними лаврами, Печерскою и Сергіевскою. Она ожидала въ утверженіе себѣ нетлѣнныхъ мощей Великаго Князя Александра, славнаго воителя на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ положилъ ей начало другой побѣдитель Шведовъ, и торжественно перешелъ въ нее изъ Владимира благовѣрный Князь; а первый архимандритъ лавры Θεодосій, украшенный добродѣтелями пастырскими, соединилъ съ симъ званіемъ и санъ архіепископа Новгородскаго.

Наступило наконецъ время устроить дѣла церковныя, долго бывшія въ нерѣшительномъ состояніи, отъ воинскихъ и гражданскихъ смятеній. Петръ, побѣдитель всѣхъ своихъ враговъ, украшенный титуломъ Императора и Отца отечества, по собственному выраженію, неуетный на совѣсти возымѣлъ страхъ, да не явится неблагодарнымъ Вышнему, если получивъ отъ него столько успѣха въ исправленіи чина воинскаго и гражданского, пренебрежетъ исправленіемъ чина духовнаго. Нельзя было долго медлить; добродѣтельный блюсти-

тель патриаршаго престола, Митрополитъ Стефанъ, вполне достойный довѣренности царской и своего высокаго званія, который двадцать лѣтъ держалъ кормило церковное, чувствовалъ уже приближеніе старости и не въ силахъ былъ слѣдовать повсюду за дѣятельнымъ Петромъ. Особенно тяжело было для него пребываніе въ новой столицѣ, еще не представлявшей никакихъ удобствъ жизни, и напротивъ для управленія Церковью. Еще въ 1718 году жаловался опъ письменно Государю, что пребываетъ многіе мѣсяцы въ Петербургѣ, въ наемномъ домѣ, далеко отъ церкви, еще дальше отъ соборнаго правительства, которое ему ввѣрено, и отъ области патриаршей, съ двумя епархіями Рязанскою и Тамбовскою, лично ему подчиненными: что въ такомъ же неустройствѣ обрѣтаются митрополіи Кіевская, Новгородская, Ростовская и Смоленская, по смерти своихъ пастырей, а другіе Епископы, удручаемые годами, просятся на покой; всѣ же прибѣгаютъ къ нему за совѣтомъ, какъ къ блюстителю патриаршаго престола; а самъ онъ, далеко отъ первопрестольной столицы, не имѣя при себѣ совѣта, не можетъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ и не знаетъ, кого избирать на столько открывшихся каедръ.

Государь отвѣтствовалъ: что одно соборное правительство могло бы быть достаточно для нуждъ церковныхъ, и еще болѣе утвердился въ сей коренной своей мысли, которую, въ теченіе долгаго

марствованія, постепенно приводилъ въ исполненіе, учрежденіемъ Сената и двѣнадцати коллегій. Онъ видѣлъ на опытъ, какую великую пользу принесло государству сосредоточеніе гражданскаго управленія въ Сенатѣ, и началъ рѣшительнѣе помышлять о учрежденіи постоянного помѣстного Собора, болѣе безпристрастнаго и важнаго въ своихъ опредѣленіяхъ, нежели одно лице патриаршее.

Составленіе регламента духовнаго, для руководства сему правительственному Собору, возложено было на епископа Псковскаго Теофана, который изложилъ подробно, въ трехъ отдѣльныхъ частяхъ регламента, составъ и видъ такого правленія, дѣла ему подлежащія, должность, дѣйствія и силу самихъ правителей, по образцу древнихъ соборовъ и по правиламъ Св. Отець. Выстъ съ обязанностию Епископовъ, въ отношеніи сего высшаго правительства, монашествующихъ и мірскихъ лицъ своихъ епархій, обсуждены были въ регламентѣ и средства къ исправленію нравственнаго паства, къ назиданію ея въ догматахъ вѣры, къ искорененію расколовъ, и къ обученію готовящихся на мѣста священническія въ семинаріяхъ, которыя должны были учреждаться при каждомъ архіерейскомъ домѣ и въ предполагаемой академіи духовной.

Дѣло столь важное внимательно было разсуждаемо на соборѣ, созванномъ въ новую столицу, въ началѣ 1721 года, и весь регламентъ читанъ

въ присутствіи блюстителя патриаршаго престола Стефана, Сильвестра митрополита Смоленскаго, Пахомія митрополита Воронежскаго, епископовъ Теофана Псковскаго, Питиріа Нижегородскаго, Варлаама Тверскаго, Аарона Корельскаго, архимандрита Невской лавры Θεодосія, пяти другихъ архимандритовъ и семи важнѣйшихъ сановниковъ государства, и засвидѣтельствованъ руками всѣхъ, за сирѣпою царской руки; потомъ же еще подписанъ всѣми архіереями и первостепенными архимандритами и игунами Россійской Церкви.

Святѣйшій Синодъ.

Тогда торжественно открытъ былъ, при Высочайшемъ присутствіи Императора Петра, сей постоянный Соборъ духовный, долженствовавшій на всегда управлять Церковію Россійскою, подъ именемъ Святѣйшаго правительствующаго Синода, съ возношеніемъ сего титула на всѣхъ эктенияхъ гдѣ поминались Патриархи. Его вѣдомству подчинены были всѣ архіерейскія и монастырскія вотчины, пришедшія въ растройство отъ управленія приказа монастырскаго. Избраніе Епископовъ, судъ надъ

лицами духовными, кромя дѣлъ уголовныхъ, производившихся въ разныхъ приказахъ, дѣла о ересяхъ и расколахъ, брачныя и разводныя, бывшія прежде въ разрядѣ патриаршемъ, а потомъ въ вѣденіи истоблюстителя Митрополита Стефана, отнесены были сужденію синодальному; а самъ смиренный Стефанъ, послѣ столь долгаго имъ управленія Церкви соборной, почтенъ былъ званіемъ Председателя Святѣйшаго Синода, съ голосомъ равнымъ прочимъ членамъ, и еще два года подвизался на семъ поприщѣ до блаженной своей кончины. Онъ преставился въ Рязани, гдѣ и погребенъ въ великолѣпнои соборѣ имъ сооруженномъ. Назначены были также два вице-президента, Θεодосій недавно посвященный въ архіепископы Новгородца, и Θεофанъ Псковской; прочіе же члены, участвовавшіе въ сужденіяхъ синодальныхъ, были: Леонидъ архіепископъ Крутицкій, архимандритъ лавры Сергіевской Гавриилъ, архимандриты трехъ ставропигіальныхъ Московскихъ монастырей, Чудова, Новопаассакаго и Симонова, знаменитый Θεофлактъ Лонатинскій, Іерофей и Петръ, игумены Аѳанасій Толгскій изъ Ярославля, Варлаамъ Угритскій изъ подъ Москвы, одинъ іеромонахъ Θεофилъ и два протопросвитера Петербургскихъ новыхъ соборовъ Іоаннъ Троицкаго и Петръ верховныхъ Апостоловъ. Таковъ былъ начальный составъ Святѣйшаго Синода.

Обнародовано было сіе соборное вранитель-

ство по всей Россіи, но еще требовалось, для вѣчной твердости омаго, признаніе прочихъ Восточныхъ церквей, дабы ненарушимо было единство Каѳолической Церкви. Императоръ Петръ, нѣскольکو разъ въ теченіе своего царствованія, обращавшійся къ престолу Константинопольскому, то о дозволеніи браковъ съ иновѣрными, и не перекрещиваніи Лютеранъ и Кальвиновъ, переходившихъ въ православіе, надъ конии надлежало совершать одно только таинство муромозанія; то о разрѣшеніи поста воидамъ на браии, самъ наискалъ грамоту къ Патріарху Іереміи. Извѣщая о нуждахъ Церкви Россійской, побудившихъ его принять о ней попеченіе, по образу древнихъ благочестивыхъ Царей, и уставить съ властію равнопатріаршескою духовный Синодъ, для ея управленія,— Петръ увовалъ, что и онъ, какъ первый Архіерей Восточной Каѳолической Церкви, признаеть за благо сіе учрежденіе, извѣститъ о томъ прочихъ блаженнѣйшихъ Патріарховъ, Александрійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго, и будетъ имѣть общеніе съ Святѣйшимъ Синодомъ, какъ съ прежними Всероссийскими Патріархами.

Замѣчательно, что имя Патріарха, къ коему обращался Петръ при учрежденіи Синода, было Іеремія, точно также какъ Іеремією звали Первосвятителя Константинопольскаго, съ кониъ свосился Царь Θεодоръ при установленіи въ Россіи патріаршества. Странно повторилась и нѣкоторыя

другія обстоятельства: -- въ семь случаѣ, какъ и тогда, всѣхъ болѣе содѣйствовалъ Государю и Цареградскому Владыкѣ Антиохійскій Патріархъ, а Александрійскій скончался во время совѣщаній. Другое важное дѣло занимало также Вселенскихъ Святителей, при полученіи царскихъ грамотъ, и слегка коснулась онаго и Церковь Россійская. Нѣкто, Епископъ Оивандскій, подлежащій престолу Александрійскому, находясь въ Великобританіи за сборомъ милостыни, подалъ мысль Англиканскимъ Епископамъ, о присоединеніи ихъ къ Церкви Вселенской, и доставилъ посланіе ихъ Патріархамъ.

Блюстители православія Восточнаго, соборно разсудивъ о томъ, пространно отвѣтствовали на вопросы Великобританскіе, излагая имъ, на какихъ только неизблемыхъ основаціяхъ вѣры отеческой, можетъ принять ихъ въ недра свои Восточная Церковь, ибо она уже имѣла въ минувшемъ столѣтіи образецъ ложнаго присоединенія Кальвиновъ, которые обольстили Патріарха Константинопольскаго Кирилла Лукаря, и старались распространить свою ересь на Востокъ, подъ его именемъ. Преемникъ Лукаря, другой Кирилль Веррійскій, принужденъ былъ предать аврамъ догматы, приписываемые его предшественнику. А мудрый Доседей, Патріархъ Іерусалимскій, созвалъ соборъ въ Вилеемѣ, и пространно изложилъ въ осьмнадцати членахъ все православное исповѣданіе Кафолической Церкви, съ опроверженіемъ новаго ученія Герман-

скаго. опираясь на прежде бывшее уже исповѣданіе Петра Могилы, признанное всею Церковію.

Между тѣмъ Епископы Великобританскіе, чрезъ протосмигела Іакова Александрійскаго, взошли въ сношеніе о томъ же предметѣ съ Святѣйшимъ Синодомъ и прислали возраженіе свое на отвѣты Патріарховъ, прося доставить въ Константиноволь; но Пастыри Россійскіе, видя какою ересью наполнено писаніе Англиканское, отвергавшее преданія отеческія, призываніе святыхъ и поклоненіе икопъ, — поступили столь же осторожно, какъ и Греческіе Святители, требуя соборно ихъ совѣта, безъ коего ничего не рѣшались предпринимать. Тогда три Вселенскіе Патріарха: Іеремія Константинопольскій, Аванасій Антиохійскій и Софроній Іерусалимскій, съ бывшими въ Цареградѣ Епископами, поспѣшили послать Святѣйшему Синоду соборное исповѣданіе Патріарха Досифея, какъ лучшее обличеніе на ученіе Англиканское и Кальвинское; и окружнымъ посланіемъ умоляли пребывать непоколеблено въ благочестивыхъ догматахъ православія, ибо они уже издревле изслѣдованы и определены Вселенскими Соборами и Святыми Отцами, соблюдаемы непрерывно служеніемъ Каѳолической Церкви, и нельзя ни приложить къ нимъ что либо, ниже отъ нихъ отнять.

Въ то же время Патріархи написали грамоты Святѣйшему Синоду о признаніи его всею Вселенскою Церковію, по примѣру Константинополь-

скаго престола, отъ коего въ древности завистля Митрополя Всероссійская. Такова была грамата изъ Царяграда:

Иеремія, милостию Божіею, Патріархъ Константина града.

Мѣрность наша, благодатию и властію Всесвятаго, животворящаго и совершеннначальствующаго Духа, узаконяетъ, утверждаетъ и провозглашаетъ, отъ благочестивѣйшаго и тишайшаго Самодержца, святаго Царя, всея Московіи, малыя и бѣлыя Россіи, и всѣхъ сѣверныхъ, восточныхъ, западныхъ и иныхъ многихъ странъ обладателя, Государя, Государя Петра Алексѣевича, Императора, по Духу Святому памъ возлюбленнаго, и превожделеннаго, въ Россійскомъ святомъ великомъ царствѣ учрежденный Синодъ. Есть и нарицается онъ нашимъ во Христѣ братомъ, святымъ и священнымъ Синодомъ, отъ всѣхъ благочестивыхъ и православныхъ Христіанъ, священныхъ и мірскихъ, начальствующихъ и подначальныхъ и отъ всякаго лица сановнаго; и имѣетъ власть творити и совершати, елика четыре Апостольскіи, святѣйшіи Патріаршіи престоли. Воспоминаемъ, завѣщаваемъ и уставляемъ ему, да хранитъ и содержитъ неколеблемы обычаи и правила священныхъ, вселенскихъ, святыхъ седми Соборовъ и прочая елика содержитъ Восточная святая Церковь. И да пребываетъ во всѣ вѣ-

ки неколебимъ. Божія же благодать, и молитва, и благословеніе нашея мѣрности да будетъ съ вами.
1723 г. Сентября 23.

Іеремія, Божією милостію, Константинопольскій Патріархъ, во Христвъ братъ вашъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Предисловіе.	V
Начало Христіанства въ Россіи	11
Утвержденіе вѣры, первыя обители.	26
Митрополія въ Кіевѣ.	35
Митрополія во Владимірѣ.	57
Кирилль II.	—
Максимъ	63
Святый Петръ.	66
Митрополія въ Москвѣ.	73
Феогностъ.	—
Святый Алексій	76
Кипріанъ	85
Фотій.	92
Исидоръ	97
Святый Іона.	101
Феодосій.	107
Филиппъ I	108
Геронтій.	111
Зосима	116
Симонъ.	118
Варлаамъ	126
Даніилъ	127
Іоасафъ.	150
Макарій.	132
Аванасій.	146
Святый Филиппъ II	149
Кирилль III	153
Антоній	158
Діонисій	162

	<i>Стран.</i>
Патріархи	165
1. Іовъ	—
2. Гермогенъ	201
3. Филаретъ	226
4. Іоасафъ I.	233
5. Іосифъ	246
6. Никонъ	260
7. Іоасафъ II.	298
8. Пштримъ	308
9. Іоакимъ	310
10. Адріанъ	327
Мѣстоблюститель Стефанъ	334
Святѣйшій Синодъ	380

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0036746088

935.4
Is8

04396057

SEP 29 1971

Digitized by Google

